

**ВЛАДИМИР МИШИН
ШАМИЛЬ СУЛЕЙМАНОВ**

ТРЕТЬЯ ДРЕВНЕЙШАЯ*

Операция «Могол»

Основано на реальных событиях

Глава первая. В узком кругу

Совещание в кабинете первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана Вели Ахундова проходило «в узком кругу»: помимо партийного лидера республики, присутствовали Председатель Совета Министров Азербайджана Энвер Алиханов и председатель республиканского КГБ Александр Кардашев.

Ахундов, обращаясь к генералу, «обозначил проблему»:

– Добыча нефти в республике за минувший год выросла. Это, безусловно, успех! Но на общесоюзном фоне Азербайджан начинает сдавать позиции первой нефтяной республики Союза – мы, к сожалению, уступили лидерство Башкирии и Татарстану.

Ахундов выдержал паузу – участники совещания должны проникнуться важностью момента! – и решительно (в вопросах технических первый секретарь – врач по образованию – разбирался слабо, зато опыт управленческий за спиной богатый: в 1954 году – министр здравоохранения Азербайджана, в 1958-м – Председатель Совета Министров, в 1959-м – первый секретарь ЦК) рассёк кулаком воздух:

– В кратчайшие сроки нефтяное лидерство Азербайджану необходимо вернуть!

Первый секретарь сверкнул глазами, поправил галстук: задача – политико-государственная! – подчинённым поставлена, дальше пусть сами думают-соображают, как выполнить предначертанное.

Аналитические справки о ситуации в нефтяной отрасли – как «информация для размышления» – на стол генерала Кардашева ложились регулярно, поэтому цифры, названные Вели Ахундовым, для председателя КГБ республики не были новостью. Да, нефтяники Азербайджана в 1962 году добыли 19,7 миллиона тонн нефти – на миллион больше, чем годом ранее, но в общесоюзном зачёте доля республики снижается, это факт: перед войной – свыше 75%, а сейчас – менее десяти. Вторая печаль – всесоюзный Госплан планирует «от достигнутого», поэтому задания по добыче растут каждый год. Азербайджан ещё какое-то время плановые задания Центра вытянет, но через несколько лет неизбежен срыв. А за невыполнение плановых показателей, за провалы в работе Москва может «посоветовать» коммунистам республики поменять руководство. Об этом Ахундов не сказал, но и без прямого текста ситуация просчитывается легко.

«Безопасность на промыслах, при транспортировке нефти и её переработке КГБ обеспечивает. Значит, цель совещания – не дежурно-отчётный призыв «повысить бдительность», – слушая первого секретаря – хмурого, озабоченного, – подумал генерал Кардашев.

* Журнальный вариант. Первый роман из этого цикла – *Шведский гамбит Управления «Т»*. – см. «Литературный Азербайджан», №№ 2, 4 – 2014

Мотивы тревожно-печального настроения Ахундова для председателя ясны и понятны: на гербе республики – нефтяная вышка, но почивать на прошлых заслугах с каждым годом всё труднее. Азербайджану – и руководителю республики – необходимы новые успехи: в добыче, в технологиях разведки, переработки! Главное, разумеется, миллионы, нет, миллиарды тонн нефти! Лучше – добытые! Но можно и открытые, до поры до времени в пластах глубинных хранимые. И не суть важно, свои или чужие спецы придумают-сконструируют тот «архимедов рычаг», которым «Аз-нефть» поднимет планов громадьё, наполнит отчётные речи цифрами успехов и достижений!

«Похоже, за этим – за научно-техническими откровениями зарубежных умов – меня и пригласили...» – нащупал цель совещания генерал Кардашев – и не ошибся.

«Развил тему» совещания Предсовмина Алиханов – по образованию инженер-геолог, в недавнем прошлом – министр нефтяной промышленности Азербайджана.

– Проблема в том, Александр Васильевич, что нефть на суше из скважин в Азербайджане начали добывать в 1847 году. За сто с лишним лет извлекли из недр почти миллиард тонн! Достойный, конечно, вклад в общесоюзную копилку, особенно в годы войны (Ахундов и Кардашев согласно кивнули). Но пласты старых месторождений обводнены, качаем не столько нефть, сколько воду. Дальше будет ещё хуже, хотя нефть есть – на шельфе Каспия. По оценкам специалистов, много нефти! В сорок девятом году мы начали работу на Каспии – на Нефтяных Камнях¹. Но платформы, эстакады на сваях – это хорошо для глубины моря в двадцать, двадцать пять метров. А большая нефть – на больших глубинах. И сначала её надо найти – для этого необходимо бурение разведочных скважин. Строить ради одной такой скважины тяжёлую платформу – большой экономический риск. Если нефти нет, труд, ресурсы, деньги, считай, выброшены на ветер, поэтому у нас в республике в институте «Гипроморнефтегаз» конструируют самоподъёмную буровую установку – её можно использовать многократно. Идея конструкции самоподъёмной очевидна – выдвигаемые опорные блоки. Привели буксиры установку на точку, нефтяники выдвинули опоры, упёрлись в дно, закрепились – дальше бурение. Идея и правильная, и технически – при достигнутом Азербайджаном конструкторском и промышленном потенциале – реализуемая. Но самоподъёмная установка – это глубина воды в точке бурения максимум в шестьдесят метров. А нам нужны установки, которые могли бы бурить на глубине в несколько сотен метров! «Гипроморнефтегаз» получил техническое задание на глубоководные установки, работа идёт, но конструкторского успеха, к сожалению, пока нет.

Алиханов выдержал паузу, дал генералу КГБ время проникнуться, осознать «историческую значимость момента» и деликатно завершил спич:

– Мы и решили обратиться к вам, Александр Васильевич! Не могла бы разведка «позондировать зарубежную почву»? Глубоководные залежи нефти и газа наверняка есть и в Северном море, и у берегов Америки. Следовательно, англичане, норвежцы, американцы не могут не думать над решением задачи, как их найти! Если бы разведка смогла получить «на дальних берегах» нечто инновационное, большое и нужное для страны, для республики, дело свершил бы комитет!

Генерал задумался. Порадовать, да просто обнадежить (казалось бы, это легче лёгкого!) руководство республики председателю было нечем: 1-й отдел республиканского КГБ работал, во-первых, по линии политической разведки, во-вторых, исключительно в Иране. Турецкое отделение то открывали, то, потеряв время и деньги «на пустую агентурную породу», закрывали – не шли дела у комитета на Босфоре, не шли! «Чтобы «прозондировать» англичан-американцев, нужны новые люди, новое направление работы! Для этого необходимы «добро» (санкцию получить нетрудно)

¹ Нефтяные Камни – первое в мировой истории морское нефтяное месторождение. Расположено на шельфе Каспия в 42 км к востоку от Абшеронского полуострова. Осваивается с 1949 года с искусственных оснований (насыпных и на сваях)

и помощь (с этим сложнее) Центра. Москва инициативу может одобрить. А может, припомнив турецкие мыльные пузыри, и отказать, – оценил ситуацию генерал. – Но «попробовать на зуб» научно-техническую линию надо! «Инициативу чекистов республики» Ахундов и Алиханов поддержат партийно-государственными бумагами в Центр – и организационные вопросы мы решим. Сложнее с кадрами – наукой-техникой чекисты республики прежде не занимались... Но со временем – раз дело новое, результаты работы мудрое московское начальство спросит не завтра! – решим и этот вопрос. А вот добыть – наверняка засекреченную! – документацию на новое зарубежное оборудование, работа из Баку, без посольских резидентур («сфера интересов и влияния» Первого Главного управления¹), – это большой вопрос!»

– Если необходимо письмо в Москву, в ЦК, другая помощь, за этим дело не стоит, – мягко произнёс Ахундов.

«Партия и правительство решение приняли, но исполнять его рядовым бойцам. А где их взять, если «в нашем департаменте» научно-технической разведкой никто и никогда не занимался?..» – подумал, прощаясь с «вождями», генерал.

Алиханов, когда за генералом Кардашевым закрылась дверь, повернулся к Ахундову:

– Если КГБ выполнит задание, построить – для бурения на глубокой воде – установку, даже имея всю необходимую документацию, будет непросто. Потребуются новые технологии, оборудование, специалисты, материалы... Москва может нам в этом деле помочь – финансами и техникой. И тогда в Азербайджане появится новая отрасль промышленности! Ну и на шельфе дела пойдут! А может и забрать добытую чекистами документацию в Центр... Эти вопросы стоит проработать заранее!

Ахундов покачал головой:

– Не торопи события, Энвер! Пусть сначала разведка поработает, результат даст, а там видно будет.

«Волга» неторопливо выехала из цэковских ворот, вырвалась на проспект Нефтяников, покатила в Загульбу, приморский посёлок на Абшероне. «Первое лицо» ехало в потоке машин без мигалки и гаишного сопровождения, притормаживало у светофоров, пропускало пешеходов, охрана (один гэбист справа от водителя) слегка нервничала, клала горячую руку на ствол в плечевой кобуре.

Открылись ворота «Багировской дачи» (бакинская резиденция партийных руководителей Азербайджана), окружённой высоким, под пять метров, каменным забором, и «Волга» въехала во двор.

На втором этаже, в зале уже был накрыт стол. Но от еды Ахундов отказался, прошествовал в кабинет. Прислуга подала чай, первый секретарь, сидя за своим рабочим столом, грея о стакан руки, думу думал. Нет, не об установке буровой, не о «журавле каком-то в небе американском», о котором час назад толковали с чекистом. «Задание партийное генералу дал – пусть работает! Добудет КГБ чертежи – хорошо, промахнётся – переживём!» – мелькнуло у Ахундова мелкое, незначительное, легко забываемое. И то правда – установку, даже если чертежи появятся в Баку завтра, строить-собирать – лет десять! А потом ещё бурить, нефть искать – опять годы! Нет, чертежи, установка – не козырь, совсем не козырь в начавшейся большой политической игре!

¹ 23 декабря 1958 года Президиум ЦК КПСС утвердил новое «Положение о КГБ при Совете Министров СССР», в соответствии с которым разведывательная работа в капиталистических странах поручалась Первому Главному управлению (ПГУ). Штаб-квартира ПГУ находилась в лесной зоне близ подмосковного посёлка Ясенево.

Глава вторая. Pro et contra¹

Месяца не прошло, как был Ахундов в Москве на совещании в ЦК. После разговоров важных, решений государственных поехали с товарищами по партии «на природу» культурно отдохнуть, и там, вкусив водочки-икорки, завёл с ним приватно меж трёх сосен председатель КГБ, «старый бакинский дружбан» и бывший подчинённый Владимир Семичастный (только-только, двух лет не прошло, вторым чело-век в республике был Ефимыч) странный разговор, что де не тем курсом ведёт могучую державу Никита. Вздогнул от слов тех Ахундов, в сознании, страхом по-мутнённым, мысли заискрили. Первая, самая простая, очевидная, мозг рвущая: за-теяли чекисты провокацию с целью на верность Хрущеву Ахундова проверить! Кто знает, что у Семичастного сейчас в кармане – может, диктофон тайный?! Ответишь прямо, честно, как думаешь: да, смещать надо сумасбродного Никитку, от «реформ» которого вся страна, весь народ стонет! А ночью за тобой «воронок чёрный» – в ка-земат, к Володьке на допросы! Мысль вторая, из глубин тёмных, тайных, пугающих, грозно всплывающая: заговор против Никитки ближний круг затеял, вот и дали за-дание «товарищу по борьбе» Семичастному проверить, на кого из соратников в деле деликатном положиться можно. Ответишь твёрдо так, по-коммунистически: никогда! А заговорщики власть возьмут да от верных, преданных Хрущеву, избавляться нач-нут! Пулю в затылок в подвале комитетском не получишь – время не то (хотя кто знает, кто знает?!), но кресло высокое из-под тебя точно вырвут – да пинком под зад колхозом управляют! Посмотрел на облака лёгкие в небе высоком Ахундов – решение верное усложняет, усложняет! – брови нахмурил, от прямого ответа уклонился.

Понимающе ухмыльнулся Семичастный, по плечу потрепал, а у Ахундова от па-нибратства того – озноб по спине и затылок свинцом налил.

Пустеет стакан, а в мыслях персека в дрожь вгоняющее: «Мир Джафар Баги-ров² всю жизнь ответы угадывал ловко, покровителя своего, Лаврентия Берия, с кем хлеб преломлял, карьеру строил, время пришло – врагом назвал (ну, это когда Палыч уже в камере сидел). И всё равно получил пулю расстрельную!»

Осой, остро жалающей, влетела в сознание персека строка классика: «Ох, тя-жела ты, шапка Мономаха!» Воистину, воистину тяжела! Шагнул Ахундов к шкафу книжному с томами Маркса, Энгельса, Ленина, по наитию, не иначе как трансцен-дентальному³, двинул фолианты основоположников влево, двинул вправо, во вто-ром ряду мелькнуло имя знакомое, хотя и подзабытое. Пригляделся Ахундов – точно, он, корифей, из первых⁴ академиков Азербайджана – Гейдар Гусейнов, директор Ин-ститута истории партии при ЦК КП(б) Азербайджана! И книга та самая, для академика роковая – «Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века», в 1950 году Сталинской премией увенчанная! Вытянул Ахундов волюм, к кре-слу за столом рабочим шагнул, пролистал страницы, ох как давно прочитанные. Вспомнил, что, по воспоминаниям соратников, Владимир Ильич работу серьёзную на-

¹ Pro et contra (лат.) – За и против.

² Мир Джафар Багиров (1896–1956) – Советский партийный и государственный деятель (в 1921–1927 годах – председатель ЧК (ГПУ) Азербайджана, в 1933–1953 годах – первый секре-тарь ЦК КП Азербайджана). В 1956 году Военной коллегией Верховного суда СССР «за нару-шения социалистической законности» приговорён к расстрелу.

³ Трансцендентальное – выходящее за пределы чувственного опыта.

⁴ 27 марта 1945 года вышло постановление Совнаркома АЗССР об учреждении Академии Наук АЗССР. В структуре АН Азербайджана были утверждены 4 отделения, 18 научных ин-ститутов, 3 научных сектора и 3 музея. Первыми академиками Азербайджана стали (в алфа-витном порядке): Ш.А.Азизбеков – геолог; А.А.Ализаде – геолог; С.Ю.Векилов (Самед Вургун) – поэт и драматург; У.Г.Гаджибеков – композитор и музыковед; А.А.Гроссгейм – бота-ник; Г.Н.Гусейнов – философ; С.А.Дадашев – архитектор и историк архитектуры; И.Г.Есьман – гидравлик; М.А.Ибрагимов – писатель; М.С.Кашкай – геолог; Ю.Г.Мамедалиев – химик; М.М.Миркасимов – хирург; М.А.Топчибашев – хирург; М.А.Усейнов – архитектор и историк ар-хитектуры; И.И.Широкогоров – патологоанатом.

чинал с чтения газет – процессы мыслительные, так сказать, активировал. Спортсмены там разминкой лёгкой мышцы разогревают, певцы вокализмами связки голосовые, ну а нам, интеллектуалам, о структурах нейронных думать надо! Взял в руки книгу академика, решил «размяться» на Гейдаре Гусейнове. А заодно понять-проанализировать, где, когда, в чём допустил роковой промах историк-марксист (судьба академика – так, задачка сродни этюдам шахматным, на которых мудрые люди ошибки чужие на зуб пробуют – чтобы своих не совершить)?

Убрал Ахундов опальную книгу с письменного стола, пихнул подальше в нижний ящик тумбы, взял лист бумаги писчей, разделил чертой вертикальной, черкнул над колонками «плюс» и «минус».

Отметил первый плюс: книгу Гусейнов сочинил в полном соответствии с канонами марксизма-ленинизма и научными доктринами марксистской исторической школы академика АН СССР Михаила Покровского! Напряг память, вспомнил научные принципы обласканного властью Покровского: «В нашей науке специалисту-немарксисту грош цена!» «История – это политика, опрокинутая в прошлое!» Исходя из этих постулатов, Покровский и его ученики «поливали негативом» и политику правящих классов царской России, и русскую историю. «Именно в таком, марксистски безупречном понимании исторических процессов, и написал Гусейнов свой труд! От магистральной линии Маркса-Энгельса-Ленина академик не отклонился ни на йоту! Что, по канонам марксизма-ленинизма, делали горцы Кавказа в 1817–1864 годах? Правильно, вели национально-освободительную борьбу против русских колонизаторов! Кто, в таком случае, имам Шамиль и верные ему горцы? Правильно, герои и борцы за свободу и независимость родины! Безупречный марксистский взгляд на историю Кавказа XIX века! И коллеги-историки, члены Комитета по Сталинским премиям – ну да, да, последователи Покровского! – оценили сей труд высоко, очень высоко! Это потом что-то пошло не так... Что?» – мучился Ахундов сомнениями, пытался найти, «анализируя академический прецедент», тот, один-единственный, спасительный ход.

«К 1950 году, – размышлял Ахундов, – коммунистические лозунги «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно!» и иже с ними стали в СССР лишь клише официальной массовой идеологии и пропаганды. А «на вершине пирамиды», в Кремле, к концу 1930-х политические доктрины, утверждающие примат государственных интересов Советского Союза, задвинули на второй план некогда революционные идеи классовой борьбы и диктатуры пролетариата, изложенные в многочисленных трудах основоположников «единственно верного учения» Карла Маркса и Фридриха Энгельса, в трудах другого основоположника – Владимира Ленина! Ну, ладно, допустим, Гусейнов мог и не знать, что место «Манифеста Коммунистической партии» на рабочем столе генсека Сталина занял написанный в начале XVI века «Государь» флорентийского философа и мыслителя Никколо Макиавелли! Но академик и вроде как большой учёный – роковым для себя образом! – не уловил, не почувствовал «смену доктрины»! Покровский – он что, мудрец, он что, научный авторитет, он что, Тацит наших дней, над трудами которого будут благоговеть потомки?! Нет, он пешка! Одно движение брови генералиссимуса – и нет Покровского на шахматной доске! Гусейнову не за пешкой надо было семенить на заклятие, а соображать, по каким глубинным причинам коммунистический «Интернационал» с 1944 года заменил новый и отнюдь не марксистский гимн СССР?! Почему в 1943 году на плечах командиров Красной Армии появились золотые погоны офицеров армии Российской империи?! Почему в советской художественной литературе и советском кинематографе внешнюю и внутреннюю политику правящих классов царской России с позиций исторического материализма уже не обличают, а внимание акцентируют на позитивах русской истории?!

Вздыхнул Ахундов, покачал головой, черкнул в минусовую колонку: «Слабое политическое чутьё».

И всё же, всё же, размышлял Ахундов, марксистский подход к истории Кавказской войны, на котором базировалась книга Гусейнова («Её с восторгом оценили бы, будь они живы, Маркс, Энгельс, Ленин и другие «пламенные революционеры», мечтавшие разрушить все государства мира и создать один всемирный интернационал!»), должен был обеспечить академику стабильный иммунитет. А вышло иначе. «Почему, почему? – ломал голову Ахундов. – Неужели кремлёвские интриги сильнее авторитета Маркса? Неужели подковёрная борьба могущественнее величия Ленина?» По судьбе академика выходило, что да, сильнее. И вписал Ахундов в «минусы» интриги, ну и борьбу «эндозлитную», карандаш в сердцах на стол бросил, лист отодвинул. «Могли, могли «доброхоты», на кресло Мир Джафара глаз положившие, пролистав «Из истории», для Палыча справочку «правильную» составить! А Берия по «аналитике» той Багирову экзамен устроить! А назови, товарищ Мир Джафар, самую-самую важную причину Кавказских войн? Национально-освободительная борьба народов Кавказа, говоришь? Э-э, плохо изучил исторический материал, дорогой! Самая-самая – это геополитика! Ты что, не знаешь, что на Кавказе в XIX веке столкнулись национальные интересы империй Российской, Британской, Османской и Персидской?! Ты что, не знаешь, что британцы, османы и персы активно снабжали горцев новейшим оружием и боеприпасами, рассчитывая «воевать с Российской империей до последнего горца»? Ты что, не знаешь, что в XIX веке на Кавказе была не одна, а несколько кавказских войн, которые велись в разные годы в Чечне, Дагестане, Кабарде, Адыгее?! Ты что, не знаешь, что горцы воевали и с Шамилём, и против Шамиля, поэтому называть эти войны русско-кавказскими, национально-освободительными, колониальными в принципе неверно?! Знаешь?! Тогда почему твой академик – этот, как его, Гусейнов, кажется? – не знает?! Почему на премию, носящую имя вождя, дорогого товарища Сталина, выставился?! Разберёшься?! Ну разберись, разберись, а мы потом посмотрим, как ты разобрался!» Да, академик с Шамилём и мюридами промахнулся, покачал головой Ахундов и сделал пометку в «минусы»: премиальные книги, прежде чем метить их руководящей визой, самому надо читать, на помощников не надеяться!

Дальше – как всегда (что в джунглях, что в высоких кабинетах): Мир Джафар, думая о своих интересах, «разобрался»: пожертвовал пешкой – и разнёс в пух и прах «Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века», дистанцировался от близорукого академика Гусейнова! Ну, это логично: академиком – много, первый секретарь – один! Исключил Мир Джафар марксиста из партии – «за антипартийное поведение, неискренность и двурушничество», снял с поста директора Института истории партии, подключил к процессу «возмущённую творческую и научную интеллигенцию». А в мае 1950 года и Комитет по Сталинским премиям с подачи Мир Джафара отменил решение о лауреатстве академика. Само собой, многие прикормленные властью поэты-писатели, художники-композиторы и прочие большие учёные выступили с «суровой критикой». Ну что ж, пишем ещё один «минус»: «Человек человеку волк!»

Крутанул Ахундов, словно колесо рулетки, карандаш на столе, указало острие на портрет Хрущева на стене, а следом ассоциации любопытные в сознании замелькали: «Обвинения в адрес Покровского и его последователей были, но посаженных-репрессированных по ним – ни одного! И Гусейнова не тронули бы! Отсиделся-отлежался бы на даче с полгодика, а там, глядишь, и кафедру получил бы, студентов уму-разуму учить стал. Но сдали, сдали нервы у маститого историка: в августе, на абшеронской даче, покончил с собой академик. Поторопился, конечно: «неискренность и двурушничество» не тянут на казематы, лагеря и «10 лет без права переписки». Хотя потерять в одночасье кресло, славу, почёт, уважение – кого ж такое фиаско не загонит в депрессию, не переломит об колено?! Впрочем, сам виноват: не заметил философ, как ветер переменился – мыслил категориями дня вчерашнего! И Покровский у него – великий, в званиях и силе, учёный: держи его сторону! И доктрины марксизма-ле-

низма – на века: держись основоположников! А фильмы про царя Ивана, царя Петра да князя Невского, погоны золотые, ордена там всякие Кутузова, Нахимова – так, мелочь, ерунда, не стоящая внимания. Ан нет – в деле высоком мелочей не бывает!»

Выдвинул Ахундов ящик стола письменного, зацепил глазом краешек книжки Гейдара Гусейнова – и царапнула мысль простая, здравая: «Умные учатся на ошибках дураков! Если стадо бежит к кормушке – стадное чувство спасительно, ибо насыщает. Если стадо гонят на бойню, выживет тот, кто первым почует запах крови и рискнёт вырваться из загона!»

Скомкал Ахундов лист бумаги с «плюсами-минусами», потянул к себе новый, разделил линией на две части, заскрипел карандашом. Начал с гегемона. В колонке «плюсов» пометил, что память подсказала: Хрущев рабочий день сократил до семи часов, из бараков переселил трудящихся в благоустроенное жильё. Квартирки небольшие, но свои, со всеми удобствами – получили 54 миллиона человек! Да и реальные доходы рабочих, если верить статистике, выросли на 60%! Напряг память, лоб потёр, вздохнул – то ли «плюсы» закончились, то ли забыл о благодеяниях Хрущева пролетариату. Зато вспомнил: снизил Хрущев работягам тарифы, поднял народу цены на ходовые товары – в среднем (порылся в столе, нашёл нужную справку) на 28%! В результате – рабочие недовольны, манифестации, как при царе – в Москве, Ленинграде, да по всей стране! Нет, пролетариат грудью за Хруща не встанет!

Вздохнул тяжело Ахундов и перешёл к аграриям. Паспорта, пенсии колхозникам – позитив очевидный. С другой стороны, ликвидировал Хрущев государственные машинно-тракторные станции, снизил закупочные цены на мясо, пшеницу, молоко, уничтожил тысячи процветающих деревень, урезал у колхозников земельные участки, отобрал домашний скот! В итоге в стране продовольственный кризис! И это без войны, под мирным небом, под «светлым знаменем марксизма-ленинизма»! В прошлом году вынуждены были у главного идеологического противника – США! – закупить 12 миллионов тонн зерна! Эпопеи кукурузная, целинная – лопнули, как мыльные пузыри! А как иначе, если без научного обоснования и прогнозирования?! А тут ещё в прошлом году неурожай! Пожалуй, и аграрий Хрущу не опора.

Черкнул Ахундов: «Интеллигенция», задумался. Да, поначалу у творческой, технической и бюджетной – сплошной восторг докладом Хрущева на XX съезде¹ – развенчал де «верный ленинец культ личности кровавого тирана Сталина», дал народу долгожданную свободу! Ну, во-первых, не Хрущев, так другой – время изменилось, и процесс «ослабления гаек» исторически был закономерен. Во-вторых, в докладе ни слова о личном покаянии, хотя у самого Никитки руки по локоть в крови! Это, конечно, логично: доклад был нужен Хрущеву как орудие борьбы за личную власть. Ладно, творцы, технари, бюджетники эти «мелочи» вроде как не заметили, всех собак на Сталина повесили, поплясали на могиле мёртвого льва, сослужили Хрущу службу добрую. Но как начал Никита кампанию против творческой, как заклеямили Пастернака после Нобелевки², и эту шаткую, шумливо-говорливую подпорку потерял «вождь», потерял!

Покачал головой первый секретарь, чаю остывшего глотнул, к окну отошёл. Постоял, на небо голубое, чистое, засмотрелся, вспомнил, как в 1958 году стали закрывать православные храмы³, вернулся к столу, пометочку важную сделал.

¹В последний день работы XX съезда КПСС (проходил 14-25 февраля 1956 года) первый секретарь ЦК Н.С.Хрущёв выступил с «секретным докладом», в котором осудил культ личности И.В.Сталина и методы его правления (беззаконие, насилие, террор). На совести самого Хрущёва – сотни тысяч жертв осуждённого на XX съезде сталинского террора.

²Л.Б.Пастернак (1890–1960) был удостоен Нобелевской премии по литературе в 1958 году за роман «Доктор Живаго».

³В 1958–1964 годах в СССР в ходе антирелигиозной кампании, начатой Хрущёвым, были закрыты около шести тысяч (44% от общего числа) православных храмов.

Да, ещё Крым! «Вождь» полуостров в 1954 году росчерком пера у России забрал¹ да няньке Украине отписал! Это важно, важно!

«Да кто ты такой, чтобы из России куски рвать?! Царь?! Бог?! Да нет – глупец! Русские, а их в Союзе большинство, Крым тебе никогда не простят! И аморфное, таящее до поры до времени гнев, большинство и, само собой, пассионарии – для них снос Хрущёва станет праздником великим!» Сделал пометочку важную – и к армии перешёл.

В июне 1953 года Хрущёв без поддержки армии Берию² не свалил бы, нет, не свалил! Окажись армия на стороне Лаврентия, пулю в затылок получил бы не Павлович, а Сергеевич!

Да и в июне 1957-го армия помогла Никитке схватку с «антипартийной группой Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова» выиграть, у власти остаться³! И чем отблагодарил Хрущёв непобедимую, легендарную, победами прославленную?! Маршала Жукова отправил в отставку⁴, армию сократил на три миллиона «штыков»⁵! Заслуженных, боевых офицеров лишил профессии! Да что там профессии – смысла жизни! Боевые корабли, стратег хренов, на металлолом пустил⁶! И что, после всего этого безобразия встанет армия за Никитку?!

Ну ладно, подумал Ахундов, рабочие, крестьяне, армия, интеллигенты – без организующей и направляющей силы они могут разве что на кухнях Хруща материть.

А кто у нас вдохновитель и организатор? Правильно, партийный и государственный аппарат!

Довольны партийцы Хрущом? Нет! Поначалу «вождь» отдавал себе отчёт, кто в стране сила – аппарат партийный, государственный! А потом понесло Никитку! Перетряски, перемещения партийцев, управленцев! Шутка ли, обещал Никитка расшвырять всех, кто ему не мил, как котят! Видных членов ЦК, как мальчишек дворовых, матом посылает!

Да, устал, устал от Никитки народ! Стабильности, предсказуемости хотят люди!

Положил ладонь на грудь Ахундов и решение принял трудное, земное, необходимое: когда в следующий раз Семичастный заведёт речь о Хрущёве, надо не уклоняться от протянутой товарищами по партии, патриотами и государственниками, твёрдой и мужественной руки, а жать её крепко, долго, горячо, со словами и обещаниями подобающими!

¹19 февраля 1954 года Президиумом Верховного Совета СССР (из 27 членов присутствовали 13) был принят (без положенного по закону референдума) указ о передаче Крымской области России из состава РСФСР в состав УССР. Первый секретарь Крымского обкома КПСС П.И.Титов выступил против решения Хрущёва о передаче Крыма из состава России в состав Украины, за что был отправлен «вождём» в отставку.

² Л.П.Берия (1899–1953) входил в ближайшее политическое окружение И.В.Сталина, активный организатор массовых репрессий 1930–1950-х годов; в 1921–1922 годах был заместителем председателя Чрезвычайной комиссии Азербайджана. Арестован военными 26 июня 1953 года во время заседания Президиума ЦК КПСС.

³22-29 июня 1957 года на пленуме ЦК министр обороны СССР маршал Г.К.Жуков поддержал Н.С.Хрущёва в его противостоянии с «антипартийной группой Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова».

⁴В октябре 1957 года по инициативе Н.С.Хрущёва маршал Г.К.Жуков был снят с поста министра обороны СССР, выведен из состава Президиума ЦК КПСС.

⁵В 1955–1958 годах советская армия была сокращена на 2,14 млн солдат и офицеров, в январе 1960 года Верховный Совет СССР без обсуждения утвердил Закон «О новом значительном сокращении Вооружённых сил СССР» (на 1,2 млн человек).

⁶В 1959 году по приказу Н.С.Хрущёва были распилены на металлолом семь строящихся крейсеров и три линкора, в 1962 году Индонезии по прихоти персека была подарена эскадра Тихоокеанского флота СССР (крейсер, 12 подводных лодок, шесть эсминцев, 12 ракетных катеров, сторожевые корабли, плавающие танки, береговые ракетные комплексы).

Глава третья. «Рядовой боец»

Чёрная «Волга» председателя притормозила у парадного входа в комитет, как обычно – в 8.30 утра. На ступенях, расположившись строго по званиям-должностям, генерала Кардашева уже ждали замы и начальники отделов. Генерал (строгий чёрный костюм, белая рубашка, тёмный галстук – безупречный дресс-код ответственного партийного работника, коим Кардашев был в недавнем прошлом) пожимал руки, выслушивал доклады, рапорты, просьбы, пожелания... Председатель был улыбочив, доброжелателен, к утреннему решению технических вопросов службы «на ногах» привык (комитет при Кардашеве начал строить для сотрудников многоквартирные дома, и эта житейская тема последние месяцы была в числе самых «горячих»), так что до служебного кабинета на втором этаже добрался только к девяти утра и сразу вызвал начальника 1-го отдела полковника Гусейнова. Без лишних слов председатель «ввёл» нач-1 «в курс задания, полученного от руководства партии и правительства республики», определил очевидные задачи:

– Подготовьте письмо в Центр! Акцент – на экономических мотивах создания в КГБ Азербайджана нового разведывательного направления. Сошлитесь на Ахундова и Алиханова. Оформите на бумаге и проект плана предстоящей оперативной работы: в общих чертах, конечно. Далее – кадровый вопрос. Найдите среди сотрудников комитета подходящих для нового дела людей, кандидатуры представьте мне на утверждение. Идеальный вариант, если Москва даст «добро» на новые штатные единицы. Если не даст, подумайте, Ильгусейн Пиргусейнович, кого из сотрудников отдела можно будет включить в группу НТР. Научно-техническая разведка – дело для нас новое, быстрых и значимых результатов от группы Москва требовать не станет: года три-четыре для «вхождения в тему» нам, вероятно, предоставят. За это время членам группы необходимо накопить профильные знания, получить опыт работы с агентурой (генерал использовал привычное слово, с академиками и членкорами, на первый взгляд, не соотносимое) – в НТР она специфическая!

Начальником 1-го отдела КГБ Азербайджана полковник был назначен в августе минувшего года, до этого (с 1942 года) Ильгусейн Гусейнов копил опыт исключительно контрразведывательный. Ну, ещё и административный, когда два года был председателем КГБ в Нахчыване. За несколько месяцев, проведённых «в разведке», серьёзного опыта разведработы начальник 1-го отдела приобрести не успел. А тот, что удалось накопить, был собран исключительно «на иранской линии», скупой на научно-технические открытия.

Полковник Гусейнов поправил очки, пригладил усы, расправил плечи: указания ЦК, Совмина и генерала Кардашева обещали разведотделу жизнь интересную, но хлопотную. Письмо в Центр, согласования с руководством, составление плана работы, все эти «организационные мероприятия», конечно, важны. Но в итоге «решать всё» будут, как всегда, кадры – это вопрос наиважнейший, и ошибиться «с подбором и расстановкой» членов группы НТР нельзя!

На работу, в «Большой дом», лейтенант Теяр Абасов добирался пешком. Путь от Малой Крепостной (Старый город, он же Ичери шехер, он же Крепость – в общем, «малая родина») до проспекта Нефтяников занимал не более 15 минут, за это время можно было подумать о делах, определиться с приоритетами рабочего дня. Теяр шестой месяц трудился в 1-м отделе «аналитиком». Ну, это так, громко сказано, а по существу «разведывательная работа» лейтенанта Абасова сводилась к чтению иранских газет и написанию «аналитики». В Баку газеты доставляли с опозданием на день-два, потом над текстами корпели переводчики с фарси, затем машинистки распечатывали несколько экземпляров переведённых на русский язык персидских опу-

сов (экземпляры для руководства комитета и 1-го отдела, последнюю копию получал Теяр). Почитав переводы, Теяр готовил по публикациям «второй свежести» аналитические записки для руководства. Приоритетом номер один была «аналитика» о политической ситуации в Иране. Выводы, как Тегеран намерен развивать отношения с Москвой, приходилось строить на растиражированных высказываниях политиков, военных, общественных деятелей в адрес СССР. По аналогичной схеме отработывал Теяр приоритет номер два: отношения Ирана с США и Великобританией. С приоритетом номер три – иранской экономикой, было ещё сложнее – информации о фабриках-заводах, полях-огородах в иранских газетах было немного, да и та отлакированная. Тексты, написанные от руки, Теяр передавал машинисткам, те отстукивали экземпляры «аналитики» для руководства, последний отправлялся в архив. Читал ли труды Теяра генерал Кардашев, лейтенант не знал, а полковник Гусейнов иногда давал советы, на что в записках следует обращать особое внимание.

К девяти часам утра Теяр уже сидел в кабинете на втором этаже, дальше – по отработанной схеме: прочитать переводы, найти в них нечто стоящее и отразить «намытые золотые крупинки» мудро и прозорливо. Закончив часам к трём «аналитику» и передав её в машбюро, Теяр вернулся в кабинет. За окном – солнце, молодая листва на деревьях, тополиный пух, наполненный запахами соли и нефти морской бриз. А в кабинете пахло дерматином (обивка стульев), мебельным лаком (шкафы для бумаг), клеем (работа с документами), – одним словом, канцелярией. Разве что чёрный крем для обуви (туфли должны соответствовать комитетскому дресс-коду) добавлял в канцелярскую ауру нечто мужественное, соотнесённое с маршрутирующими по плацу ротными коробками.

Да, не о такой работе мечтал Теяр, отправляясь в августе 1961-го на учёбу в 101-ю разведывательную школу КГБ¹, притаившуюся рядом с подмосковной Балашихой, хотя для Теяра год, проведённый в 101-й, был и, возможно, так и останется одним из лучших в жизни. Славное было время, полное надежд (о них в праздничные вечера за дружеским столом поговаривали почти все слушатели 101-й – «будущее разведки КГБ»!), мечтаний (лежащее в потаённых уголках подсознания Теяра скреплено печатью молчания – сокровенное, оно только для «внутреннего пользования») и интереснейшей учёбы.

Теяр налил в стакан чай, присел на узкий и жёсткий диван, «персидскую грусть» легко вытеснила «светлая ностальгия»...

Разведшкола встретила Теяра глухими воротами и высоким частоколом выкрашенных в зелёный цвет досок уходящего в лес забора. Во дворе – трёхэтажное здание из белого кирпича, автостоянка с навесом, за реликтовыми соснами – столовая (марево горячих струй, поднимающихся из вытяжных труб, у служебного входа – автомобиль-рефрижератор). В общем, что-то среднее между типовой советской школой и пионерским лагерем. И ничего такого, «перстом указующего»: вот оно, могучее гнездо, из коего, «закутанные в плащи и увешанные кинжалами»², вылетают орлы тайной государственной службы! Не считать же таковым знаком второй – внутренних – забор, увенчанный спиралью Бруно³?

В типовой трёхэтажке – коридоры, классы, парты, звонки на «уроки» и лишь намёк на службу тайную – портрет (в актовом зале) Феликса Дзержинского. Учеб-

¹101-я высшая разведывательная школа ПГУ, срок обучения на основном факультете – 2 года. В 1968 году школа преобразована в Институт КГБ (срок обучения – 3 года). В 1950-е годы набор на первый курс школы составлял до 200 слушателей.

²«Рыцари плаща и кинжала» – фразеологизм, синоним слов «разведчик», «шпион».

³Спираль Бруно – заграждение в виде винтовой линии диаметром 70-130 см, свитой из нескольких пересекающихся нитей колючей проволоки.

ные дисциплины – «классика высшей школы»: история КПСС, философия, политэкономия, ну языки иностранные – и только две специальные: СД-1 – разведка, СД-2 – контрразведка. Да и слушателей отцы-командиры сразу предупредили-остудили: выучить на разведчика невозможно! Показать, как работали другие (опыт успешный и не очень), – да, это можно, а дальше – это как таланты у человека проявятся! А они, как известно, от Бога: либо есть, либо, в какие мундиры ни рядись, в какие кресла ни садись, нет! Хотя даже талантам и мастерству для серьёзного разведывательного успеха необходимы везение, счастливый случай, благоволение судьбы! В общем, для разведчика найти стоящего агента – это как выиграть в лотерею!

Режим в разведшколе оказался свободным – это было приятно. Жителям столицы разрешалось, если изъявят желание, ночевать дома, но при одном условии: к девяти утра быть на занятиях! «Иногородних» (Теяр был из их числа) поселили на территории 101-й в коттеджах, построенных в 1936 году для подготовки сотрудников внешней разведки НКВД.

Романтические иллюзии, навеянные кинематографом и литературой о «третьей древнейшей профессии» (к первой классики марксизма-ленинизма относили добычу бегающей-летающей съедобной живности, ко второй – труд земледельца), были окончательно изничтожены на вводной лекции. Мудрый препод сразу поставил «будущее разведки» перед фактом: вскрывать сейфы, прыгать с парашютом, слать шифровки, махать руками (каратэ и прочие силовые единоборства), стрелять в «яблочко» – это забавы для полумифического Джеймса Бонда. «Потому что, товарищи, политические, военные, научно-технические секреты зарубежных государств, за которыми пошлёт вас Родина, добывать должны ваши источники, то есть иностранные политики, военные, учёные и прочие приобщённые – даже если они простые уборщицы Пентагона! – к интересующим нас тайнам. Вывод: мастерство разведчика – это искусство вербовщика! Вы должны найти человека, имеющего доступ к тем или иным секретам, войти к нему в доверие, склонить к сотрудничеству!» – учил уму-разуму слушателей 101-й маститый препод.

На вводной маститый рассказал «о двух каналах проникновения разведчиков за рубеж»: легальном и нелегальном. Легально разведчики работают под «крышей» дипломатов, журналистов, туристов, учёных – стажёров, направленных в зарубежные командировки. О разведчиках-нелегалах препод упомянул коротко: они неведомы контрразведке противника, поэтому их возможности по поиску источников ценной информации, по вербовке агентов гораздо шире, чем у легалов, только их подготовка и заброска требуют значительных времени и усилий и особой секретности.

Ещё препод, сурово окинув взглядом «будущее разведки», посоветовал коллегам «на всю оставшуюся жизнь» запомнить: «вероятный противник» хитёр, коварен и под видом источника ценнейшей информации может «подставить вам дезинформатора». А стратегическая деза, поднял над головой указательный палец препод, воспринятая разведкой как «великая удача», может нанести «доверчивому государству» колоссальный ущерб, сопоставимый с потерями от проигранной войны¹. Коварны и дезы научные и технические: чтобы проверить, насколько ценно откровение, добытое разведкой у «вероятного противника», необходим адекватный уровень развития «отечественной науки и техники». В противном случае последствия от внедрения «зарубежных достижений» могут быть трагическими.

¹В 1983 году президент США Рональд Рейган публично заявил о начале работ в рамках так называемой Стратегической оборонной инициативы (создание противоракетной системы), известной также под названием «Звёздных войн». Руководство СССР восприняло эту информацию серьёзно, на разработку военно-космических контрмер были направлены значительные ресурсы. По современным оценкам, программа СОИ была стратегической дезинформацией США, преследующей исключительно политические цели (важнейшая геополитическая – произошедший в декабре 1991 года развал СССР).

Лекционного времени оставалось немного, и препода ограничился рассказом – в качестве «иллюстративного материала» – истории, случившейся в конце XIX века во флоте императорской Японии. Заказали японцы союзникам-британцам постройку крейсера. Англичане подготовили чертежи, передали их заказчику «на утверждение». Японцы с документацией ознакомились, недовольно сморщили носы и от строительства корабля «на вервях флота Великой Британии» отказались. А через два года японский агент британской разведки сообщил в Лондон информацию так себе, заурядную: о скором спуске на воду новенького крейсера, сконструированного и построенного доблестными самураями. Новость чем-то зацепила Лондон, и в Йокосуку отправился британский корабель (по документам – корреспондент). Велико же было удивление «журналиста», когда в японском крейсере он узнал корабль, от строительства которого – на верфях Британии – отказался императорский флот. Через полгода история повторилась: самураи заказывают в Британии броненосец, получают для согласования чертежи, изучают документацию, морщат носы, отказываются от сотрудничества, а через два года спускают на воду могучий корабль, построенный на верфи Йокосуки. Японцы орут «Банзай!», броненосец величественно сходит со стапелей, вспенивает воды бухты, делает «лево руля», циркуляция отличная, вот только серая громадина почему-то начинает крениться на борт. Крен растёт, и – о, ужас! – гордость императорского флота Японии валится на борт, переворачивается вверх килем, пускает пузыри и уходит на дно бухты. «Британский корреспондент» на берегу изображает скорбь, а вечером в Лондон уходит сообщение об успешном завершении операции секретной службы Её Величества.

– Британцы ловко сместили центр остойчивости броненосца – а самураи в чертежах подвох не заметили! В итоге десятки японских моряков погибли, броненосец пошёл на металл, а верфи Британии стали получать заказы на строительство кораблей для японского флота. С профессиональной точки зрения британская разведка сыграла блестяще. Отличный урок для тех, кто учится на чужих ошибках!

За время учёбы в 101-й «показательный пример» отличной британской дезы должен был бы потускнеть, уйти «на второй план», а нет, крепко запала та история в память Теяра. «Да, затонувший броненосец – настоящая работа разведки! Не то, что эти бумажки!» – с досадой подумал лейтенант Абасов, кинул взгляд на часы – скоро домой, это приятно.

Глава четвёртая. Тегеранский форс-мажор

Шеф тегеранского управления VIII (контрразведывательного) Департамента САВАК – Службы информации и безопасности Ирана¹ – Али Мехреди давал последние наставления подчинённым. Настроение у полковника Мехреди было преотличнейшее: его план «устрашения русских» был одобрен и начальником Департамента бригадным генералом Фахриди, и «партнёрами» из резидентуры ЦРУ, обретавшейся под «крышей» посольства США. План, по мнению полковника, был глубок по замыслу, прост по исполнению и эффективен по результатам. Мехреди ухмыльнулся: русские совсем обнаглели! Пользуясь дипломатическим иммунитетом, их разведка всю вербует поданных великого правителя Ирана шаха Мохаммеда Реза Пехлеви, да продлит Аллах его дни! Да, да, денег у Советов в избытке, а среди поданных шаха есть и слабые, падкие на риалы² людишки. Русские этим и пользуются! Ничего, сегодня вечером им будет преподан жестокий урок, после которого прыти у кяфиров³ поубавится!

¹ САВАК – Министерство государственной безопасности Ирана (1957–1979 годы) во времена правления шаха Мохаммеда Реза Пехлеви. Создано при помощи инструкторов из Центрального разведывательного управления США, британской МИ-6 и израильской спецслужбы Моссад.

² Риал – денежная единица Ирана (с 1932 года).

³ Кяфир (араб.) – неверный.

Полковник Мехреди важно кивнул капитану Барзани, которому поручил руководить операцией «на месте»: всё так, всё верно, только калечить гэбиста надо аккуратно – бить по печени, почкам, голову не трогать, рёбра и руки-ноги не ломать! Гэбист от «правильных ударов» станет калекой, советское посольство, а может, даже МИД СССР, отправит ноту протеста, потребуют наказать виновных в избиении советского дипломата. А мы им ответим, что хулиганов, напавших ночью на улице Тегерана на советского дипломата, по «горячим следам» задержать не удалось. Но ищем, ищем! И советуем советским дипломатам впредь быть осторожнее, не бродить ночами по плохо освещённым улицам иранской столицы, где иногда встречаются подлые провокаторы, стремящиеся поссорить две дружественные державы, а подыскивать для прогулок места людные, хорошо освещённые! Русский резидент может и не сделать из «урока» правильные выводы – сам на улицах Тегерана не рискует, а боссы в Москве требуют результатов, вот и приходится «слать в бой расходный материал». Но его подчинённых жестокое избиение коллеги непременно вразумит – и прыти у тех, кто мечтает в здравом уме и твёрдой памяти дожить до глубоких седин, должно поубавиться! Единственный минус операции: русские откажутся от услуг агента – полицейского капитана, работающего на САВАК, «завербованного КГБ» и сообщившего полковнику Мехреди точные место и время встречи с гэбистом. И ладно, полицейский, «слив» русским несколько отличных дезинформаций и отдав на закланье куратора из посольской резидентуры, свой ресурс двойного агента всё равно исчерпал!

В девять часов вечера советник по экономике посольства СССР майор ПГУ Мурад Аскеров отправился на встречу с агентом. До этого в течение получаса из ворот посольства выехали три автомобиля с сотрудниками резидентуры: они должны были увести за собой машины «наружки» САВАК, дежурившие у советской дипмиссии. Операция прикрытия прошла по плану, на слежку за авто Аскерова у саваковцев, похоже, машин близ посольства не осталось.

Контрольно покружив по улицам Тегерана, майор убедился, что «хвоста» за ним нет. Припарковав авто в переулке (место выбрано заранее), майор сделал по улицам (изучены в посольстве по картам, схемам, фотографиям и «деловым прогулкам по городу») два контрольных круга – саваковской «наружки» за спиной нет, и отлично! Теперь можно смело шагать по пустынной, плохо освещённой улице в сторону тихого скверика – месту встречи с агентом «Али» – капитаном тегеранской полиции. Окна в домах по обеим сторонам улицы были темны, и путь майора освещали лишь серп Луны да редкие тусклые фонари. Неожиданно за спиной майора завизжали тормоза, Мурад оглянулся – из подкатившего синего «форда» вывалились четверо, ещё трое кинулись из ворот дома, стоящего на противоположной стороне улицы.

«САВАК... провокация... скверно...», – мелькнуло в сознании Мурада. Семеро взяли Аскерова «в кольцо» и стали неторопливо, словно давая жертве время осознать происходящее и ужаснуться предстоящему, надвигаться на «лёгкую добычу». Майор – на рефlekсах – прижался к стене, «прикрыл спину», громко, на фарси, крикнул, что он советский дипломат. Нападавших дипломатический иммунитет жертвы не остановил. Мурад на всякий случай прокричал, что «за провокацию ответите». Потом, в расчёте на жильцов дома, хрипло завопил: «Пожар! Горим!», а когда к нему подскочил первый нападавший, ловко свалил нетерпеливого подсечкой. Около минуты майор отбивал удары наседавших на него с трёх сторон саваковцев, потом его свалили на землю – и началось побоище.

Хасан Бируни – в САВАК всего год, чин мелкий, а хочется большего, отталкивая коллег, кричал:

– Мне, мне дайте! – и норовил дотянуться грязной подошвой до лежащего у стены дома гэбиста.

Утомившиеся коллеги, наконец, расступились, Хасан подскочил к скрюченному телу – и ногами, ногами по рёбрам! Притомившись, присел на корточки, засмеялся:

– Ну, что, русский, понравилось?!

В ответ – только тихий хрип и пузырящаяся на губах кровь.

Капитан Барзани, с комфортом расположившись на переднем сиденье «форда» (спинка откинута, в правой руке – микрофон рации, в левой – походная чашка с горячим чаем, рядом, на кресле водителя, почти полный термос), с азартом докладывал полковнику Мехреди о «деталях операции». Подчинённые, вкусив крови, войдя в раж, почувствовав безнаказанность и забыв о наставлениях «калечить, но аккуратно», «работали» по лежащему на асфальте гэбисту ногами, но капитан, не обращая на эти мелочи внимания, не скупился на похвалы в адрес шефа, придумавшего «поистине гениальный план устрашения русских».

В посольстве СССР саваковский трёп слушали резидент ПГУ и спецы-технари, обеспечивавшие «перехват в эфире». «Прослушка» – стандартная операция, позволяющая, когда сотрудники резидентуры «работают в поле», «держат руку на пульсе» и в случае необходимости оперативно принимать «экстренные решения». В первых донесениях «наружка» САВАК «сообщила» резиденту, что за автомобилями прикрытия следуют три «хвоста». Когда из ворот дипмиссии выехал Аскеров, саваковцы, дежурившие в пункте наблюдения (квартира на первом этаже в доме через дорогу), занервничали, а потом и вовсе покаялись начальству: упустили они четвёртый автомобиль, упустили!

Резидент удовлетворённо кивнул: всё идёт по оперативному плану! Хотя агент – капитан полиции, на встречу с которым отправился майор Аскеров, особой ценности не представляет.

«Да, мы получили от капитана длинный список коллег-полицейских, их адреса, телефоны плюс имена близких родственников, но персон, представляющих оперативный интерес, среди них раз-два, и обчёлся, – думал резидент. – Капитан бодро рапортует о революционных настроениях, царящих среди рабочих, о недовольстве шахским режимом иранских крестьян, о вольных речах, которые позволяет себе прогрессивная интеллигенция. В Центре эта «политическая информация» воспринимается с большим, большим удовлетворением: ещё немного, и прогнанный режим Мохаммеда Реза Пехлеви будет сметён волной народного гнева, и к власти в Иране придут прогрессивные, ориентированные на Советский Союз, силы! Но проходят недели, месяцы, годы, а народного цунами как не было, так и нет... Не исключено, капитан в обмен на конверты с «гонорарами» даёт нам не объективную информацию о ситуации в стране, а гонит «разведывательные пустышки», соответствующие политическим доктринам идеологов в Кремле. От «услуг» капитана лучше отказаться... Но у Центра сразу возникнут вопросы: если агент ценный, почему перестали сотрудничать? А если агент так себе, никакой, за что, спрашивается, платили ему народные деньги?..»

Саваковцы ещё с минуту полаялись в эфире, а потом словно ввали в спячку. Напряженье, царившее в комнате «радивов» в первый час операции, спало, резиденту и технарям принесли кофе и бутерброды. И вдруг в эфире разговорился капитан Барзани, и вся благостная картина «оперативного успеха» исчезла, уступив место мысли простой, больно ранящей сердце: операция провалена, а майор Аскеров угодил в саваковскую ловушку!

Технари кидали озабоченные взгляды на резидента – САВАК откровенно перешла все «красные линии», ни в одной инструкции Центра ситуация не прописана, поэтому решать надо быстро, здесь, сейчас и самому – «бедный, бедный шеф, на нём вся ответственность»!

Резидент прикрыл ладонью глаза: Смоленская площадь¹ шлёт циркуляры – «Текущая политическая целесообразность требует от вас не осложнять отношения с шахом»!

Аскерова изобьют, покалечат, но не убьют. Убийство советского дипломата – международный скандал, избитый Аскеров – так, жертва уличных хулиганов.

Тегеран посочувствует, пообещает принять меры, но порекомендует советским дипломатам не ходить ночами по сомнительным тегеранским переулкам.

От костоломов Аскерова уже не спасти, поэтому – во имя политической целесообразности! – надо просто подождать, когда саваковцы угомонятся, затем вызвать медиков, отвезти покалеченного дипломата в госпиталь, утром отправить в иранский МИД вялую ноту с «требованиями разобраться, найти, наказать и впредь не допускать».

В общем, Большая восточная игра, в которой – ну что поделывать! – Кремлю приходится порой жертвовать пешками.

«Но есть и целесообразность оперативная! В резидентуре – и в ПГУ – о тегеранском инциденте и о том, что я безвольно смирился с неизбежным и позорно «умыл руки», станет «широко известно». Начальство в Центре театрально вздохнёт, особо журить не станет, напротив, может даже похвалить за проявленную сдержанность – «ситуативную мать мудрости».

Но те, кто «работает в поле» – и не только иранском, – поймут и запомнят, что «во имя политической целесообразности и добрососедских отношений» их, как и Аскерова, если что, бросят, оставят на растерзание провокаторам и костоломам. А советские разведчики должны быть твёрдо уверены: Родина, товарищи, что бы ни случилось, их не бросят!

Да, да, в ситуации с Аскеровым оперативная целесообразность выше политической! И плевать, что потом скажет Смоленская площадь! А если ответную акцию – по устрашению САВАК! – провести точно, никто и не пикнет – победителей не судят! Да, вариантов нет – САВАК должна получить по зубам! Крепко получить! Ну и Аскерова надо срочно в госпиталь! Любой ценой! Разбираться в причинах провала – это потом, потом! Хотя, вероятнее всего, капитан иранский – просто двойной агент!» – решение резидента – на уровне интуитивного мышления, на иное, с долгим и неторопливым анализом ситуации, «мозговыми штурмами» и одобрением Центра, времени не отпущено.

– Быстро! Связь с группами прикрытия! – скрипнул зубами резидент, а в памяти – чистая арифметика: на улицах Тегерана – три машины резидентуры, шесть оперов, если действовать решительно, «поле битвы будет нашим»!

Технари и рады: мгновение – микрофон в руке резидента, и в эфир – приказ жёсткий (на войне как на войне!), на английском, кодированный (ну, почти кодированный), требующий немедленного и решительного исполнения.

«Саваковцы могут не обратить внимания на «язык Большого брата» – и пропустить команду! В худшем случае, когда – и если! – поймут, о чём речь, драгоценные минуты костоломами всё равно будут упущены! Если и отправят резервы, они, вероятнее всего, помочь основной группе уже не успеют! В каждой машине прикрытия включен радиоприёмник, настроенный на нужную волну – опера должны услышать приказ, должны прийти на помощь товарищу!» – и робкая надежда блеснула в сознании резидента.

¹ На Смоленской площади в здании №32-34, построенном в 1948–1953 годах, располагалось Министерство иностранных дел СССР.

– Похоже, мы к ристалищу ближе всех, – зло процедил майор Светлов, услышав по радио приказ резидента. Выругавшись от досады (ситуация – дрянь, последствия – о-хо-хо, лучше не думать!), приказал майор водителю – капитану Бусыге:

– Гони, Гриша! План придумаем на ходу!

Посольский «фольксваген» резко рванул с места, Светлов вывернулся из пиджака, сбросил с запястья браслет с часами, скосил глаза на Бусыгу, сына генеральского, для которого Тегеран – так, ступенька в карьерной лестнице. «Субтильный, шея тонкая, бицепсы – «в теории», такого костоломы враз завалят! В схватке Григорий не помощник, скорее, наоборот, – его ещё и защищать придётся!» – вспомнив строгие наставления резидента «беречь от греха подальше высокого родственничка», зло подумал майор и приказал:

– Значит так, Гришаня! У костоломов, надо полагать, численное превосходство – Аскерова калечат трое, может, четверо, поэтому действовать будем так...

– Вступим в переговоры, потянем время, подъедут остальные машины прикрытия, саваковцы сами разбегутся... – промямлил Бусыга, а во взмокшей от страха головёнке: «Ввязываться в кулачный бой с персами – чистое безумие! Потеряю здоровье, стану калекой – нужны мне после этого обещанные отцом генеральские звёзды и привилегии?!»

«Конечно, Гриша, безумие! – словно прочитав мысли Бусыги, подумал майор Светлов. – Зачёты по самбо в разведшколе я лет десять назад сдавал! С тех пор все навыки бойца-молдца на фуршетах дипломатических да в кабинетах тёплых, отчёты сочиняя, растерял. Ну а про тебя и говорить нечего, «ботаник» ты наш генеральский! Ну и «повезло» мне сегодня с напарником! Побьют тебя костоломы – меня совесть замучает, всю жизнь буду молиться и каяться, а папашка твой мне ещё и кислород карьерный перекроет!» От мыслей трезвых, печальных (тут и Аскерова спасай, и за сыном генеральским присматривай, и о себе не забывай) у майора Светлова холодела спина и дёргался глаз – хорошо, Бусыга не видит.

– Ваша задача, капитан Бусыга, в схватку не ввязываться, держать дистанцию и кричать устрашающе что-нибудь по-японски. Короче, ори, Гриша, «банзай», маши руками, изображай матёрого самурая! И оттяни на себя хотя бы одного бойца. Кинется на тебя костолом – сразу беги подальше! Остановится – развернись к врагу лицом и продолжай орать! – рубил приказ майор Светлов и вытягивал из брюк ремень с тяжёлой стальной пряжкой.

Яркий свет фар посольского «фольксвагена» упёрся в стену дома, остановил бойню. Саваковцы оглянулись на незваных гостей, прикрыли от спящих лучей ладонями глаза – если крики гэбиста услышали жильцы дома, если те вызвали пожарных или полицию, отправить «лишних» куда подальше должен капитан Барзани. Ну, где же вы, ага?!

Майор Светлов костоломов пересчитал, ситуацию оценил, ужаснулся и – весь «на взводе» – рявкнул:

– Не дрейфь, Гриша! Их – семеро, нас – двое! Поэтому никакой дипломатии! Равняем шансы жёстко и быстро! Уводим шакалов от Мурада! Героически держимся до подхода подкреплений! Вперёд!

Светлов выскочил из машины первым, коршуном налетел на ближнего, ослеплённого фарами саваковца: захват, рывок, хруст в плечевом суставе, отчаянный вопль – есть минус один! Второго майор «в развороте» лягнул в пах, отскочил, наматал конец ремня на ладонь, пряжка над головой в свете фар сверкает, словно взбесившийся метеорит, костоломов остужает. Выбрал мгновение, кинул взгляд влево: где ты там, Гришаня?!

А капитан Бусыга играет кулачками, корпусом, отступает к осевой линии дороги, орёт (вмиг осипшим голосом) «банзай», тянет на себя саваковцев. Персы вроде даже растерялись немного, наверное, приняли Гришу за ненормального, на любые безумства способного. А Гришаня, молодчина, тоже вытянул брючный ремень, намотал на правое запястье: пряжка хлипкая, но так и свистит перед замершими в нерешительности костоломами...

Саваковцы потоптались на месте, пришли в себя, сосчитали нападавших, завыли шакалами. Двое «мудрых», почуяв слабого, к «жертве приуроченного», на Бусыгу кинулись. Но Гриша, молодец, с испугу лихо рванул в сторону. Мчался Бусыга, словно гепард в расцвете лет, костоломы сразу отстали, один постоял, подумал, развернулся и побежал помогать валить второго русского: быстрого, сильного, отчаянно смелого. Бусыга остановился, показал костолому неприличный жест. Тот и рад: расправил широкие плечи, танком двинулся на Гришу.

– А-а-а! – заорал со страху Бусыга, завертел ремнём и выбросил правую руку в сторону костолома. Пряжка, хоть и хлипкая, ударила ребром тонким саваковца чуть выше уха. Охнул костолом, закрыл голову руками, а Гриша мгновение не упустил, подскочил и ударил врага ногой в пах. Точно, правда, не получилось, каблук отметился на коленке, но костолом качнулся, осел на левую руку. «Сейчас поднимется и убьёт!» – трезво оценил ситуацию Гриша и с отчаянием обречённого пихнул каблуком великана в плечо, а потом, когда тот растянулся на асфальте, запрыгал, словно шаман в экстазе, на его могучем теле. Раздался хруст. «Похоже, перелом шейки бедра – надо же, как удачно получилось!» – мелькнуло у капитана Бусыги, и он завопил громко, победно:

– Банзай!

Клич самураев покрыл визг тормозов – машина, следом ещё одна! Наконец-то! Саваковцы растерялись – против них уже пятеро: молчаливых, сильных, решительных, не говоря о шестом: маленьком, тоненьком, но самом страшном, одним ударом завалившем могучего богатыря САВАК!

Через минуту двое оперов подхватили под руки майора Аскерова, донесли, перешагивая через тела саваковцев, до «фольксвагена»: всё, можно уходить! Светлов, сплёвывая на асфальт кровь, дохромал до синего «форда», «на прощание» локтем выбил боковое стекло, кулачищем врезал в челюсть «аги»...

Вторую чашку чая капитан Барзани выпить не успел. Вдруг, из ниоткуда, визг тормозов, в свете фар – какие-то бешеные парни, мгновение – и крики подчинённых, а в них – боль, испуг, паника. Дальше – хуже: удар по боковому стёклу «форда» (справа, совсем рядом с ухоженным лицом Барзани), летящие в салон осколки и обжигающий ноги кипяток из опрокинутой чашки. И последнее, оставшееся в памяти, – тяжёлый, ломающий челюсть кулак, словно рубильник отключивший сознание капитана Барзани.

Спрятавшийся за деревом Хасан Бируни (как накинудись бешеные, словно лесорубы, валящие руками-ногами на асфальт одного за другим коллег-приятелей, быстро юркнул в сторону, спас тело сильное, молодое от ударов калечащих) в подробностях углядел, как подхватили гэбиста избитого, сознание потерявшего, «гости» непрошенные, донесли до машины ближней, дверцами хлопнули – и в ночи растворились. Повёл головой Хасан вправо, влево – шесть тел на асфальте раскинулись, двое стонут, остальные – без звука, без движения. В помутнённом страхом сознании Хасана яркой вспышкой: «Неужели убиты?! На их месте мог быть и я!» И вдруг из «форда», в котором бешеный русский стёкла повыбивал, вывалился босс, рухнул на колени, в ладонях лицо спрятал. Подумал Хасан – и выбрался из-за дерева, ближе к месту схватки подполз, прилёг на асфальт, замер, тих и недвижим, сочинять стал,

что сказать капитану Барзани, когда отчёт о проваленной операции держать придётся. Ничего мудрого не придумал, на бочок повернулся и решил вздремнуть – на асфальте, без комфорта, но с надеждой тайной, что когда приедет медицина, сочтут хакимы, что доблестный Хасан избит русскими варварами до полной потери сознания. Отвезёт медицина Хасана в госпиталь, полежит он там неделю-другую, за это время капитан Барзани остынет, искать тех, на ком злость сорвать можно, перестанет...

Полковник Мехреди был зол и слов, большей частью, на взгляд капитана Барзани, несправедливых, не выбирал. Барзани покаянно кивал головой, с полковником не соглашался, но благоразумно помалкивал, а про себя думал, что да, да, КГБ на этот раз переиграл доблестных иранских контрразведчиков, но босс – это понятно, он же босс, он всегда мудр и прозорлив! – не может быть виновен в провале операции. Следовательно, ответ держать должен кто-то другой, и самая подходящая кандидатура на роль «во всём виноватого» – Барзани. Капитан, пропуская слова полковника мимо ушей, вспомнил чай, пролитый в салоне «форда» – после коварного удара русского! – на брюки. Вспомнил, как в приёмном отделении госпиталя криво ухмылялись хакимы, разглядывая большое тёмное пятно на его брюках. О, шайтаны, раструбили по всему Тегерану, что славный воин Барзани обмочился со страху! Клевета, но глупый народ верит! Но кто, кто мог предвидеть, что Советы нарушат правила игры и грубо, мощно ответят ударом на удар?! Сам полковник Мехреди, отправляя капитана на подвиг, уверял, что семеро крепких парней легко покалечат одного гэбиста, русские утрутся и ответят на «устрашение» жалкой нотой протеста! Но русские – о, их коварство не знает границ! – сыграли иначе! (Капитан поморщился от боли: сломанная челюсть вновь напомнила о позоре минувшей ночи.) Стремительно примчались неведомо откуда, били сильно и без церемоний. Но этого кяфирам показалось мало: на следующий день русское посольство ещё и ноту протеста заявило! «Что же ваш оперативный гений, полковник Мехреди – гореть тебе в аду! – не смог просчитать ходы коварных неверных?! А, так вы дали мне мудрые указания, и операция провалена лишь потому, что я их бездарно исполнил?!» – исходил ядом Барзани, раболепно склоняясь перед выпрыгнувшим из руководящего кресла шефом.

– Найти виновных в провале операции! – ткнул пальцем в грудь Барзани полковник Мехреди, выпучил глаза и рывкнул на прощание ценное указание:

– И строго наказать!

«И кто будет виноват во всём, кто ответит головой? Пожалуй, этот, как его, Хасан Бируни. Хакимы сказали: Бируни – единственный, кто легко отделался: ни переломов, ни сотрясений! А изображал искалеченного! Трус! Его и уволю!» – твёрдо решил, выходя из кабинета босса, капитан Барзани.

На третий после провальной «операции устрашения» день в военный госпиталь, где хакимы выхаживали искалеченных неверными саваковцев, наведалься старший брат Хасана – Бахрам Бируни.

Хасан – голова перевязана, на лице страдания, походка шаткая, в общем, не жилец (симуляция чистой воды, хаким об этом знает, но за риалы согласился подыграть), – поговорив минут пять с братом в палате, вызвался проводить родственника до ворот. Выйдя из здания госпиталя, Хасан увлёк брата в аллею, нашёл подходящую, подальше от чужих глаз и ушей, скамейку, стал печалиться:

– Ох, не повезло мне, брат! Здоровье уже потерял (Хасан лукавил – со здоровьем у него был порядок полный), теперь и работы лишусь: ага ищет, на кого провал свалить! Спишет – чувствую! – на меня! Как жить после этого, чем семью кормить?!

Бахрам кивнул, нахмурил бровь, наклонился к брату. Не просто так ведь плачет младший Бируни, а со смыслом! Придумал, наверное, братец что-то хитрое, спасительное – и нужна ему помощь от старшего, о чём в палате, где на восьми жалких койках чужие глаза и уши, не поведаешь...

Выслушал Бахрам брата, задумался, стал перебирать чётки. Хасан рядом сидит, вздыхает (если не согласится брат сразу, уговаривать придётся, силы, время впустую тратить), ждёт решения главы рода...

– Ну что ж, Хасан, – важно молвил наконец Бахрам, – поскольку Коран не запрещает военную хитрость, я принимаю твой план!

Обнялись братья, зашептались: так спокойнее – и у деревьев, и у скамеек есть уши.

Глава пятая. Ловушка «Семи струй»

«Отлично, сам напросился!» – решил капитан Барзани, когда до него дошла просьба Хасана Бируни «принять и выслушать по важному делу».

Войдя в кабинет начальника, Хасан почтительно склонился, подобострастно произнёс:

– Да пребудет с вами, ага, милость Аллаха! – и ловко так опустил на стол началька лист бумаги, испещрённый каллиграфической вязью фарси.

«Выгнать я его всегда могу, а пока прочту, что этот придурок здесь нацарапал», – мудро решил капитан Барзани и скользнул взглядом по написанному. Прочитал раз – бегло, второй – вдумчиво, перевёл удивлённый взгляд на «придурка», откинулся на спинку кресла, стал размышлять. Минут через пять решил: «Ну что ж, план отличный – не такой уж этот Хасан придурок, каким кажется: надо к нему присмотреться!» Нахмурил брови и рявкнул:

– Ты что мне принёс?! Зачем?! С какой целью?! Кто научил?!

Хасан вздохнул, покаянно закивал, виновато забормотал, что идею плана он почерпнул из руководящих указаний и мудрых наставлений уважаемого капитана Барзани, да продлит Аллах его дни, а детали додумал сам, да, сам. Но, конечно, капитан Барзани видит дальше и глубже, ага где надо поправит, наставит, даст указание, а уж Хасан его смиренно исполнит.

«Ценный кадр. И ловкий: когда русских «устрашали», Бируни один не пострадал, остальных кяфиры покалечили, – подумал Барзани. – А я погорячился – выгнать собрался».

– Ладно, иди, работай! Я подумаю, чем усилить мой (слово важное – надо подчеркнуть интонацией!) план, который, если я так решу, исполнять будешь ты!

Хасан склонился, попятился, скрылся за дверью и только здесь ухмыльнулся: начальник заглотнул крючок – теперь семья Бируни с голоду не умрёт!

Через три дня капитан Барзани, согласовав план новой операции с полковником Мехреди, вызвал Хасана в кабинет, важно кивнул:

– Там (взгляд в потолок) хотели тебя, Бируни, с позором выгнать с работы! Но я тебя отстоял! Если выполнишь мой план, если сделаешь всё правильно, станешь старшим в группе!

Хасан молитвенно сложил руки на груди, склонился в поклоне раз и другой:

– Всё сделаю, ага, всё, что скажете! Ваши мудрые указания – для меня словно свет дневной! Вы...

– Ладно, ладно, Хасан, давай о деле. Приказываю тебе...

И дальше Хасан услышал свой, сочинённый им на госпитальной койке, план операции.

– А это тебе на расходы! – важно сказал на прощание капитан Барзани. – Распишись!

Выйдя от начальника, Хасан пересчитал «на расходы», прикинул: «Четверть ага себе забрал». Вздохнул, подумал и решил: «Риалы доберу в «Дарвазе газвин» – «Семи струях»...»

Керимбек Ширинов бодро зачитывал доклад, когда надо (пометки сделаны на страницах текста), тыкал указкой в схемы, фотографии, графики, развешанные на стендах. Около трибуны суетился нанятый Керимбеком фотограф, щёлкал и анфас, и в профиль, и в три четверти, маститых в зале аж перекашивало от зависти. На «уникальный опыт освоения Нефтяных Камней» (тема доклада) зал реагировал вяло. «Это от зависти к нашим успехам!» – зло подумал Керимбек и, добравшись до финала доклада, с пафосом, подчёркнутым голосовыми связками и мимикой, особо отметил «выдающуюся роль в реализации уникального каспийского проекта неутомимого борца за мир, организатора и вдохновителя всех побед советского народа, величайшего политического деятеля современности Никиты Сергеевича Хрущёва!» Правды в тех словах – ноль, но ритуал требует всей этой пустой, «утверждённой в Баку на высоком уровне», трескотни. Завистники откликнулись на славословия в адрес «вождя» отвратительными кривыми ухмылками. Керимбек «бурных и продолжительных аплодисментов» от сидящей в зале «продажной буржуазной интеллигенции» не ждал, ну и ладно, и так, без «бурных», сойдёт. Утверждённый в «Гипроморнефтегазе» и других высоких инстанциях текст он зачитал (красиво, гладко, дикцией и ораторским даром Аллах не обидел!), порученную миссию выполнил, а главное, очередную ступеньку в карьерной лестнице выстроил. Спасибо тестю: если бы не высокопоставленный родственник, на конференцию в Тегеран поехал бы кто-то другой.

Завершив доклад, Керимбек церемонно поклонился залу, а на последних вспышках наймита ещё и руку правую вперёд выбросил – красивый должен получиться глянец, фундаментальный, на обложку отраслевого журнала!

Керимбек спустился в зал (модератор как раз перерыв в работе конференции объявил), с достоинством (кандидат наук, скоро доктором станет!) зашагал к выходу. Тут к нему Бахрам Бируни (скучный, вялый, приставлен организаторами конференции то ли гидом, то ли консультантом, из достоинств одно – владеет азербайджанским языком) протиснулся, под локоток взял, забормотал слова льстивые. Что поделаешь, Восток! И ведь понимаешь, что лезть – ритуал, не более того, а слушать приятно!

Керимбек к Бахраму склонился, зашептал, что де нельзя ему в Баку с пустыми руками возвращаться, подарки надо купить жене, детям, тестю, и вообще...

Бахрам понимающе кивнул, бормотнул: знаю, ага, знаю места, где и дешёво, и красиво, и довольны все будут, я и моя машина к вашим услугам!

Ловким человеком оказался Бахрам Бируни! Солнце ещё не село, а заднее сиденье «форда» (старенький, но по улицам Тегерана гоняет лихо!) уже заняли коробки, пакеты, свёртки с подарками! Уму непостижимо, как удалось уложиться в командировочные (плюс, конечно, ещё кое-что, от тестя перепавшее)!

– Удачный для вас, ага, день! Выступили с великолепным докладом, всех в восторг привели, подарки семье купили – жена, дети будут счастливы! Давайте, ага, отметим эти радостные события в ресторанчике – здесь, недалеко! Кухня – отменная, истинно восточная, а берут недорого.

Смутили Керимбека слова рахат-лукумные: проголодался за день, желудок дань требует, но денег в портмоне почти не осталось, придётся, видно, отказать gidу любезному.

А Бахрам улыбнулся, словно брат родной, и тепло так:

– Ага, вы – наш дорогой гость, и я вас приглашаю! От чистого сердца!
Ну, если от чистого, тогда другое дело.

Поужинали скромно – видно, и у Бахрама кошель тощий, но голод на время приглушили. А гид и о наслаждениях духа, венчающих день счастливый, задумался. Прикинули и так, и этак, по кошельку выходило, что за наслаждениями только в кино, на фильм американский.

За полтора часа в зале тёмном, попкорн (а если по-простому, зёрна кукурузные, вывернутые наизнанку нагреванием – в общем, дрянь изрядная, на любителя) жующим, взмок Керимбек изрядно – фильм каким-то странным образом оказался порнографическим, с откровениями на весь экран такими, что паралитика с постели поднимут. В Союзе о таком, с позволения сказать, «искусстве» – только слухи, а тут, спасибо гиду, всё в оригинале цветном. Бахрам, правда, зашептал было извинения:

– Прости, ага, внимания не обратил, что показывать будут, если хочешь, уйдём!
– но Керимбек сделал вид, что не расслышал.

После окончания сеанса, на улице, Керимбек минуты три на всякий случай возмущался «деградацией западной культуры», деланно удивился:

– И как вы такое можете смотреть! – а потом икнул жалостливо:

– Есть что-то хочется!

Когда сели в авто, Бахрам философически изрёк:

– Иран – свободная страна! Кому милее традиции Востока – идёт в мечеть, к муллам, кому цивилизованный Запад – приобщается к Голливуду!

Не забыл Бахрам и об ужине (видно, и сам проголодался):

– Поедем в заведение к родственнику – накормит в долг!

Ехали-ехали, наконец заехали в какой-то тёмный переулок, вышли из «форда», спустились по ступеням, вошли в слабо освещённый коридор, долго шли какими-то лабиринтами, Керимбек уже жалеть стал, что соблазнился дармовой ресторацией, а не вернулся в отель – после шести вечера (вспомнил наставления тёщи) есть вредно!

Наконец, вошли в отдельный кабинет. Керимбек огляделся: полумрак, пахнет сладко, на окне занавесь плотная, красная, нитями под золото прошитая, на полу палас пушистый (потрёпан изрядно, ну да ладно), в центре стол на резных ножках. Керимбек плюхнулся на диван у стены, на подушки руки возложил, ноги вытянул – день прошёл в трудах праведных, устал, отдохнуть надо. А тут и официант с подносом: шашлык из рыбы, люля-кебаб (когда успели приготовить?), осетровая икра, закуски, сладости, фрукты, вино в графине пузатом.

С шашлыком и кебабом расправились быстро, жажду вином утолили, Бахрам извинился, вышел, а через минуту в кабинет впорхнула пышногрудая гурия – одеяния лёгкие, прозрачные, запах от полуобнажённого тела дурманящий, взгляд манящий, многообещающий. Сглотнул Керимбек, напрягся, что делать, не знает, хотел Бахрама крикнуть, а гурия дверь в кабинет на ключ закрыла, из скважины замочной рифлёный извлекла, в угол отбросила, сама вокруг гостя заскользила, бёдрами завертела, руками замахала, груди большие, упругие из лифа атласного на волю так и рвутся, так и рвутся! Озаботился Керимбек – странно всё это. Может, подарок от заведения? А может, Бахрам жестом широким гостеприимство восточное явил? Или провокация САВАК?! О них, вероятных, в Баку перед отъездом чекисты инструктировали. Если бы не дверь, на ключ запёртая, встал бы и ушёл от греха подальше! А гурия-искусительница бёдрами вертит, глазами зовёт, манит, обещает страсти волшебные, неизведанные, безумные...

И не устоял перед искушением великим Керимбек. «Сказка восточная! Тысяча и одна ночь! А я – хан, повелитель, Гарун-аль-Рашид! Что захочу, то и сделаю с гурией!» – завихрилось в его помутнённом вожделении и вином сознании, топя в похоти грубой устои семейные, наставления гэбистские, инстинкт базальный – самосохранения.

А гурия – дивная, манящая, доступная, сладкая! – с Керимбека уже пиджак стягивает, галстук распускает... Минуты не прошло – и сброшены одежды, и Керимбек – великий и могучий хан, а гурия – пылкая, страстная, прихотям повелителя послушная... Не жизнь, а сказка! Такая и Голливуду не снилась!

– Принеси сладости! – властно приказал Керимбек гурии. Подустал, страсти великие одолели, силы забрали, подкрепиться надо, а потом... Закрыв глаза Керимбек, размечтался... Да, гурия – это сказка! А жена... Ну что жена? Тошная, плоскогрудая, холодная, ноги кривые, волосатые... Зато – дочь первого секретаря райкома партии (тесть ловкий, скоро в горком перейдёт, а там, глядишь, и секретарём ЦК станет!): достоинство немалое, карьеру Керимбеку обеспечивающее. Ещё мать наследников – продолжателей славного рода Широновых, честь ей за это и хвала, но не гурия, не волшебница...

Вздыхнул Керимбек, с подушек приподнялся, хотел гурию на ложе любви поманить – ан нет в чертоге волшебницы, нет! Вместо гурии – тип какой-то, за спиной его, у двери – ещё двое. Кто такие, как вошли, если дверь изнутри заперта?! Щёлкнул тип пальцами (видно, он у них тут главный), один из прислужников от двери к столу подошёл, столешницу от остатков пира освободил (сбросил объедки и посуду на поднос), второй одежду Керимбека с пола собрал и «зятю уважаемого первого секретаря» на диван швырнул. Сделали свои нехитрые дела прислужники молчаливые, повернулись и за дверью исчезли. Поманил главный Керимбека – нервного, дрожащего, суетливо брюки застёгивающего, к столу, печально головой покачал, потом на столешницу пачку фотографий брезгливо положил. Кинул взгляд Керимбек на глянец – и едва на ногах устоял, хорошо, стул рядом оказался, спас от позорного падения на пол. А тип фотографии по столешнице веером раскинул, языком зацокал, на неплохом азербайджанском произнёс:

– Как вы думаете, Керимбек ага, если эти фотографии окажутся на столе вашего уважаемого тестя, как он с вами поступит? А если на столе вашего директора, останетесь ли вы начальником отдела «Гипроморнефтегаза»? А если на столе председателя КГБ генерала Кардашева? А если в ЦК, у товарища Ахундова, да с комментариями, сильно навредит это вашему высокому родственнику и покровителю?

Похолодел Керимбек: «Всё, всё про меня знают! Кто, кто донёс?!», в голове прозрение запоздалое: «А-а, Бахрам! Так, тебя, Бируни, и так! Альбомчик, порнуха американская – всё рассчитал! Заманил, шайтан, в ловушку, подложил гурию! (Нервно дёрнул Керимбек головой, глаза забегали по потолку, выискивая скрытые фотообъективы, хотя какое это теперь имеет значение...) Всё, конец, конец карьере! Нет семьи, нет будущего, всё, всё пропало!» И дальше слова грубые, ничего в судьбе Керимбека не меняющие, про глупость великую, «без пяти минут доктором наук» в Тегеране треклятом свершённую!

А Хасан Бируни глянец тот Керимбеку пальчиком подтолкнул, вздохнул печально:

– Плохо вы про нас подумали, уважаемый Керимбек ага! Заберите фотографии – вам они нужнее! В трудную минуту их образы, извлечённые из архива памяти, помогут вам принять верное решение!

Из кармана кассету фотоаппаратную извлёк, но Керимбеку не передал, стал по столу катать: вперёд, назад, вперёд, назад. Через минуту кассету в ладони спрятав, на Керимбека взглянул тепло, ласково, произнёс мягко:

– А вы, Керимбек ага, в знак признательности передадите в Баку нашему человеку список руководящих сотрудников «Гипроморнефтегаза». Имена, знаете ли, фамилии, должности, домашние адреса, номера телефонов. Для вас ведь это не трудно?

Задумался Керимбек: «Влип я серьёзно. Шантаж, вербовка – САВАК, может, даже ЦРУ? Если соглашусь, потянет ли на измену Родине? Но измена – это если поймут. Но ведь могут и не поймать? А не соглашусь – выполнят угрозы! И потеряю тогда семью, работу, уважение, квартиру, дачу, машину. Да-да, тесть добьётся «справедливого раздела имущества»! Что, что делать, какое решение принять?!»

Хасан Бируни улыбнулся, покачал головой, достал из кармана пачку денег, бросил на стол:

– В Тегеране вы ещё сутки – это вам аванс за вашу работу! Купите подарки жене, детям, тестю, ну, бутылку виски вашему директору – ему будет приятно! И заплатите девушке – она была к вам так добра!

Воровато оглянувшись, наклонился к Керимбеку, шепнул доверительно:

– От вас – маленькая информационная услуга, мелочь, ерунда! Вы же не являетесь носителем государственных секретов, верно?! А-а, вы хотите знать, зачем вы нам, в таком случае, вообще нужны?! Отвечу, но, сами понимаете, это должно остаться между нами: мне зарплату отрабатывать надо (хитрое подмигивание), отчёты писать о работе проделанной. Вы мне поможете, я – вам...

В дверь заглянул один из молчаливых, что-то быстро бормотнул на фарси главному и исчез.

– Увы, Керимбек ага, – полиция проводит рейд: сами понимаете, «Семь струй»! Через пять минут они будут здесь – решайте, что для вас дороже: счастливая и благополучная семейная жизнь, великолепная карьера или позор и нищета?

Керимбек закинул во внутренние карманы пиджака фотографии («Уничтожу в отеле!»), в боковой спрятал деньги, в сознании мелькнуло: «С девкой надо расплатиться, иначе устроит скандал! Подумать только, «Семь струй», знаменитый тегеранский бордель! Вот почему этот негодяй Бахрам завёл меня сюда через чёрный вход! Подъехали бы к «парадному» – ноги б моей здесь не было!»

А тип Керимбеку листок сложенный в руку пихнул, приобнял, на ухо шепнул:

– Здесь инструкции: место и время встречи с нашим человеком в Баку, ну и прочее! В отеле прочтёте, листок потом сожжёте. И запомните эту булавку для галстука – она будет на нашем человеке...

Второй листок и рядом с ним ручку на стол положил:

– Расписка – для отчёта – нужна! Берите ручку, пишите: получил от Хасана Бируни тридцать тысяч риалов, число, подпись.

Керимбек с ужасом смотрел на лист бумаги, на ручку, на ухмыляющегося типа – писать рука не поднималась. Понимал «почти доктор наук», что, взяв деньги и оставив персам расписку, он сжигает за собой все мосты – за первым заданием последуют второе, третье – и так до рокового мгновения, когда за ним придут чекисты.

– Ну, дело ваше, Керимбек ага: полиция составит протокол – девушкой вы пользовались, но не заплатили, направит в советское посольство... Администрация «Семи струй», сами понимаете, потребует у СССР компенсации за неплатёжеспособного клиента (слово это Керимбека, ещё пять минут назад мнившего себя в сладких грёзах ханом, повелителем, обожгло, унизило, оскорбило). Директору вашего института, вашему тестю и товарищу Ахундову почта принесёт конверты, а в них ваши пикантные фото...

«Гостайнами я не владею, информация, о которой меня просит этот Бируни – брат, наверное, Бахрама (негодяй, подонок, так меня подставил!), есть в любом киоске «Горсправки»... Новые задания... Ну, это потом думать буду... Сейчас главное, из ловушки выскользнуть! Расписка... Ну, взял у человека в долг... Тридцать тысяч риалов – деньги не очень большие... А полиция, протокол – минуты остались, а потом – крах всей жизни!» – вихрем пронеслось в горячем сознании Керимбека. Он схватил ручку, придвинул лист, вывел дрожащей рукой («Почерк не мой, не мой!» – поштил себя иллюзией) требуемое типом.

Хасан подхватил лист, пробежал глазами написанное, хлопнул Керимбека по плечу, развернулся и исчез.

Керимбек выругался – зло, смачно, из вертепа выскользнул, головой в коридоре повертел – не видно девки, и плевать! И – благо, память пока не подводит – теми же коридорами, что к гурии привели, на улицу выскользнул, такси поймал, велел к отелю мчаться. Поднялся в номер – а там коробки, пакеты, свёртки из машины Бахрама – вернул подарки семье, не скрысятничал, хоть за это спасибо.

– Теперь этот Керимбек вот где у нас! – сжав пальцы в кулак, засмеялся капитан Барзани. – Молодец, молодец, Хасан, отлично поработал!

Похвалив подчинённого, Барзани спрятал в сейф расписку Керимбека, пачку компрометирующих фотографий, негативы, заявления от девки и владельца борделя – отличный оперативный материал, жаль, работать с ним будут другие.

– Да, ага, всё сделал, как вы приказали, – закивал Хасан, а в мыслях: «Ложь, конечно, – план придумал я, но капитану слушать приятно, значит, и мне польза».

– Верно говоришь: я приказал! А это что, отчёт о расходах?

– Да, ага! Брату за ресторан, транспорт и прочее, девушке за услуги, администрации за ужин, всё – чтобы следов лишних в бумагах не оставлять – наличными!

А в мыслях, от капитана сокрытых: «В «Семи струях» сказал: честь для вас великая послужить шаху и родине! Предупредил хозяина и шлюху строго: выставлять Управлению счета «за услуги» чтобы и не думали! Ну а мы с Бахрамом риалы заслужили, заслужили!»

– Перерасход у тебя, Хасан, вышел! А что взамен?! Спросит меня генерал – зачем нам этот Керимбек, чем полезен? Что отвечу?!

Округлил Хасан глаза, сыграл великое удивление:

– Вы же сами, ага, учили: у Керимбека тесть во власти! Объект перспективный! Придёт к дочери в гости, похвастается о делах партийных, государственных! Керимбек ему один вопрос, второй, тесть выпил, закусил, проговорился, о чём в своём ЦК толковали: чем не политическая разведка?! А если Керимбек ещё и на диктофон тестя запишет, из первого секретаря со временем отличный агент влияния может получиться! Об одном жалею, ага: отдадим мы Керимбека во второй Департамент, который разведкой и коммунистами занимается, вся слава – и не только (вдохнул глубоко, многозначительно) слава – им достанется...

Развёл руками капитан Барзани:

– Твоя правда, Хасан, – обидно... Ну что стоишь, сердце мне терзаешь: иди, работай, руководи группой – заслужил!

Хасан руки к груди прижал, поклонился шефу раз, другой, но из кабинета не вышел, к Барзани приблизился, воровато оглянулся (в кино видел – заговорщики хитроумные так себя вести должны), зашептал (мало ли что, вдруг и у этих стен есть уши?). Барзани послушал, ус покрутил, глаз хитро прищурил: «Молодец, Хасан, хорошо придумал! Связым в Баку на встречи с этим плешивым Керимбеком пусть ездит Бахрам! В Баку за нашими людьми из посольства наверняка КГБ ходит, шагу спокойно ступить не даёт! А Бахрам – учёный, нефтяник, познакомился с плешивым на конференции – мотив для контактов подходящий. Встретились, на бульвар погулять пошли, Бахрам плешивому инструкции – ну и деньги, как без этого? – передал. В ответ сообщения важные, политические получил, в Тегеран привёз, Хасану (ему, как брату, полное доверие!) передал, тот – мне! Отлично! И эта задумка тоже хороша: следуя традициям Востока, будет Бахрам возить Керимбеку подарки – жене, её мадар¹, детям! Привыкнут ханум к духам, косметике, костюмчикам-туфелькам, почувствуют вкус сладкий жизни западной, скажут в благодарность слова лестные –

¹Мадар (фарси) – мать.

Бахрам на диктофон запишет! Так, визит за визитом, соберём компромат на дочь, на мадар – ручным станет и рафик¹! Игра будет долгой, но перспективной – это приятно! Буду над планами в кабинете размышлять, указания давать, о глупых ночных вылазках забуду. (От воспоминаний о мокрых, залитых чаем – по вине русских, ну и полковника Мехреди, придумавшего глупейший план «устрашения», тоже – брюках, породивших клеветнические слухи, лицо капитана покрылось лиловыми пятнами.) Да, и ещё, это важно: надо сделать так, чтобы американцы узнали, что комбинацию эту хитрую придумал капитан Барзани, чтобы аккуратно отодвинули и второй Департамент, и этого барана Мехреди, чтобы поручили руководство операцией мне! При покровительстве американцев – агент влияния во власти в Азербайджане должен им понравиться! – стану скоро большим начальником!»

По инструкции, полученной Керимбеком в «Семи струях», передать персам список боссов «Гипроморнефтегаза» он должен был шестого сентября (первая пятница месяца) в мужском туалете кинотеатра «Низами» перед началом вечернего сеанса. По здравому размышлению, список (его Керимбек отпечатал в выходные на даче на старой пишущей машинке, оставшейся от деда: если «возникнут осложнения», нигде не засвеченный «Ундервуд» всегда можно утопить в Каспии) на гостайну не тянул. В схеме передачи «разведанных» каких-либо тайных ловушек Керимбек не нашёл. От туалета, конечно, «попахивало», но ждать от этих шахских прихлебателей планов воистину мудрых не приходилось. Время, убедился Керимбек, действительно, отличный доктор: к сентябрю «вся суета на иранскую разведку» (слов таких в Тегеране никто из персов ни разу не произнёс, но «почти доктору наук» догадаться об очевидном было нетрудно) вызывала у зятя первого секретаря разве что лёгкую и презрительную усмешку. Иногда, когда в памяти всплывали страницы прочитанных в детстве и юности книг (о мушкетёрах, пиратах, контрабандистах и прочих благородных разбойниках), бывало даже забавно.

Пока шли с супругой к «Низами» (от дома – минут пять), встретили «в городе» с десяток знакомых. Ханумки кидали завистливые взгляды на наряд жены (подарок, привезённый Керимбеком из Ирана), тешили тщеславие «почти доктора наук».

В кинотеатре Керимбек сразу повёл жену в зал, сам вернулся в фойе, заглянул в буфет: до встречи «со связным в мужской комнате» оставались считанные минуты.

«Связной» стоял-переминался в очереди к прилавку – Керимбек узнал «шпиона» по булавке на галстук – миниатюрной серебряной гитаре (прозрачная ассоциация с «семиструйным» грехопадением). Иранец, догадался Керимбек, «идентифицировал источник» легко и быстро – по фотографиям, сделанным персами в тегеранском борделе. («Откровение» грубо напомнило о роковой командировочной ошибке, ядовито кольнуло в сердце – эх, была бы машина времени!)

Дальше – совсем просто. Керимбек отправился в туалет (сильно пахло хлором – видно, уборщица недавно постаралась), занял кабинку. Огляделся, бросил в «корзину для бумаг» (пустую – не понравилось это Керимбеку, хотя, если только-только провели уборку, это нормально) свёрнутые в рулон и перетянутые резинкой листы, дёрнул – для конспирации – за ручку сливного бачка. Сделав нехитрое дело («Да, технически всё просто, но спина взмокла и сердце – бешеный аргамак!»), Керимбек вышел из кабинки, и тут же в неё юркнул тип с «семиструнной» булавкой.

«Надеюсь, перс помнит, где искать список», – брезгливо подумал Керимбек и заторопился в зал (хотелось бодро и смело, но шажки вышли мелкие, шаткие) – пока не погас свет, надо успеть угостить жену конфетами, купленными в буфете, замотивать, так сказать, «временное отсутствие».

¹ Рафик (фарси) – отец.

Задание Кязим Байрамов – младший лейтенант из Седьмого¹ отдела комитета, начинающий опер «наружки» – получил, можно сказать, не «боевое, а учебное». Когда из иранского посольства (других иностранных дипмиссий в Баку нет) вышли атташе по культуре с супругой, старший группы (сидели топтуны на первом этаже в здании напротив, пили чай, смаковали пахлаву, считали часы до окончания дежурства) ткнул пальцем в Кязима:

– Давай, Байрамов, разомнись! Атташе «чистый», на САВАК не работает, но проследить надо! Завтра доложишь, отчёт напишешь!

Персы свернули на Коммунистическую, неторопливо направились к скверу Низами. Кязим – как учили в 401-й ленинградской школе КГБ² – держал дистанцию, зорко следил, не «законтачит» ли с кем посторонним атташе (на улице, в потоке прохожих, это нетрудно), не оставит ли в месте укромном шпионскую закладку (теория контрразведывательная возможность такую не исключает)? Атташе «не оставлял» и «не контактил», напротив, старался – с высокомерием и даже, показалось младшему лейтенанту, брезгливостью – держаться от бакинцев «на дистанции». Кязим решил, что старший группы оценил ситуацию точно – атташе не шпион, а так, вышел прогуляться. «Поэтому и меня, как малоопытного, отправил в «поле» уму-разуму набираться», – с лёгкой обидой подумал младший лейтенант, «ослабил хватку» и стал, нет-нет да и поглядывать на спутницу перса (юбка – в обтяжку, разрез сзади ох какой предлинный, и ножки в нейлоне ах какие аппетитные!).

Персиянка (шли уже по Торговой), словно почувствовал липкий взгляд Кязима, вдруг оглянулась – глаза острые, хищные, склонилась к атташе, зашептала ему что-то. Повернулся и атташе, оглядел Кязима. «Если запомнит лицо, это прокол, прокол в работе!» – слегка испугался младший лейтенант, шагнул к витрине, подставил персам спину. Вроде обошлось, и атташе с ханумкой дальше зашагали.

Довёл Кязим персов до кинотеатра «Низами», те не в кассу, а сразу к администратору, тот им тут же билетики услужливо в руку сунул.

«Из посольства, наверное, заранее позвонили, заказали, а начальство моё не отследило. Написать об этом в отчёте или не стоит? – мелькнуло у младшего лейтенанта. – Если напишу, капитан Рамазанов обиду затаит – его прокол... Ладно, до утра подумаю: сейчас важно объект не упустить!»

Не растерялся Кязим – как персы отошли, он, отодвинув от двери в кабинетик руководящий какую-то наговатую ханум, решительно к администратору шагнул, удостоверение открыл, брови нахмурил, билет, властью упоённый, потребовал! Засуетился админ, «на всякий случай» извиняться стал, минуты не прошло, как Кязим в кинотеатр «Низами» вошёл, персов искать кинулся.

Атташе нашёл в буфете – стоит перс в очереди, скучает, контактов не ищет. Потом в туалет, благо, он недалеко от общепита, двинул. Дверь с профилем мужским (пружина тугая!) придержала Кязима на входе, но успел заметить младший лейтенант, как перс руки у раковины ополоснул («Чистюля!»), а потом в кабинку зашёл, дверь за собой защёлкнул. Как учили в 401-й, типа, что до перса в кабинке побывал, Кязим оглядел внимательно, лицо запомнил. Потом в кабинку пустую, что рядом с той, в которой перс закрылся, влетел, прислушался. И показалось ему, что у соседа вроде как бумага зашуршала и корзина по плиткам сдвинулась. Потом бачок у перса заработал, Кязим подождал, пока за атташе дверь тугая закроется, выскочил, парня какого-то, собравшегося в кабинку, иранцем покинутую, занять, вежливо подвинул.

¹ Седьмой отдел КГБ Азербайджана занимался наружным наблюдением.

² Школа №401 КГБ СССР создана в 1954 году, готовила сотрудников наружного наблюдения, дислокация – город Ленинград, срок обучения – 1 год.

Вступать в дискуссию с отодвинутым оболтусом не стал, резко закрыл за собой дверь, стал осматриваться: «Корзина для бумаг пустая... Спрашивается, с какой целью перс её сдвинул? И где бумага, которой атташе шуршал?» Странная история, а тут Кязима ещё одно откровение посетило: «И как раньше не догадался! Перс ведь ждал, недолго, но ждал, когда человек из кабинки выйдет! А рядом была свободная – та самая, которую я потом занял! Это что же получается, у перса был контакт – контакт с агентом?! А я не проследил, упустил!» Перс – он что, он атташе, он всегда на виду, а агент («Хорошо, если агент, если открою его я!») – он же тайный, и о том, что он есть, в комитете наверняка никто и не подозревает!

Похолодел Кязим, вылетел из кабинки, в зал помчался – второй уж звонок дали, сейчас свет погасят – надо, надо успеть засесть, где тип тот, что с персом в туалете законтачил, сидит!

Не успел Кязим: погасили свет. Эх, вот невезуха! Придётся ближе к концу фильма на улицу выйти и постараться, когда народ из кинотеатра повалит, приметить того, неизвестного, с кем перс законтачил.

«Или ошибся я, и не было контакта?» – мучился сомнениями Кязим, нервно переминаясь на площадке у выходов из «Низами», прикидывая, где лучше встать, чтобы видеть каждого зрителя, покидающего кинотеатр, да как поступить, когда после сеанса народ толпой на улицу повалит? «Начальник приказал следить за атташе. Если пойду за персом, выполню приказ, но упущу, не исключено, агента САВАК. Если не выполню приказ, прослежу за агентом, доведу до дома, где живёт, узнаю адрес – что скажет начальник? Похвалит или отругает? Если агент окажется не агентом, точно разнос устроит! Что, что делать, какое решение принять?!» – переминаясь у фонтана, терзался сомнениями Кязим.

– Смотри, опять этот нахал вокруг нас вертится, – ухватив атташе за локоток, шепнула персу ханум.

Атташе вздрогнул, повёл головой – свет фонаря удачно упал на нахала, спешащего – да, в этом нет сомнения! – за человеком, от которого два часа назад дипломат – «по просьбе» резидента второго Департамента САВАК («Попробуй, откажи такому!») – получил какие-то бумаги.

«Гэбист? – озаботился атташе. – Может быть, да, а может, и нет. Хотя, если шёл за нами от посольства, скорее да, чем нет. Если доложу резиденту, что заметил слежку за агентом, эта обезьяна обвинит меня в бездарной работе и потребует моего отзыва в Тегеран! После такого фиаско – не до карьерных высот, не до обещанного Парижа! Нет, никакой слежки за агентом я не заметил, контакт прошёл безупречно – так и напишу в отчёте! Париж, карьера стоят этой маленькой лжи!»

– Ты ошиблась, дорогая! – безапелляционно изрёк атташе. – Покажи, где он, твой мифический преследователь? Да, ты так восхитительна, что любого с ума сведёшь! Но у тебя есть я, твой рыцарь и защитник, увидев которого, все безумцы в страхе кидаются прочь!

Ханум атташе слащаво улыбнулась, а потом обиженно повела плечами: увы, исчез нахал, растворился, пренебрёг...

– Байрамов, ты что мне принёс?! Отчёт?! Вот это отчёт?! Знаешь, где ему место?! У тебя вообще как с головой, Байрамов? Тебя за то, что ты мне тут понаписал, надо на экспертизу, в психушку! – начальник группы наружного наблюдения капитан Рамазанов откровенно издевался над Кязимом.

Младший лейтенант Байрамов – руки по швам, глаза опущены, губы дрожат, сердце от обиды великой, несправедливой частит, с ритма сбивается – ждал от начальника если и не великих, то просто похвал за проявленную инициативу, а вместо благодарности за обнаруженного агента САВАК получил дичайший разнос! По здравому размышлению, обиду надо проглотить, о словах несправедливых забыть, быстро признаться в допущенных ошибках и, сославшись на «отсутствие опыта практической работы», смиренно просить начальника простить, на первый раз, неразумного. Но, как там, у классика: «Безумству храбрых поём мы славу»? И не только безумству – но и прозорливости... Помялся, повздыхал Кязим, помучился сомнениями и заговорил – но не покаянно, и совсем не то, что ожидал услышать начальник:

– Да, товарищ капитан, пока формально не доказано, что Керимбек Ширинов (по адресу, который утром принёс в комитет Кязим, личности всех проживавших в квартире установили легко и быстро) – агент САВАК. Но есть факты, которые говорят в пользу этой версии! По инструкции, раз возникли подозрения, необходимо установить в квартире Шириновых «прослушку», обеспечить наружное наблюдение, перлюстрацию, отработать связи, контакты вероятного агента и его близких родственников...

– Какие факты, Байрамов?! – загремел, словно божество верховное, капитан Рамазанов. – Пошёл Ширинов с женой в кино, заглянул в туалет – сам не можешь сообразить, что людям иногда это надо?! Потом – игра случая! – в ту же кабинку зашёл иранский атташе по культуре! Кадровый дипломат, не саваковец! Вот и все твои факты!

– Ещё бумага зашелестела, корзинка сдвинулась...

– Бумага, корзинка, звуки! Знаешь, как это называется?! Слуховые галлюцинации это называется, Байрамов! Давай, иди: психушка, экспертиза, потом комиссуем по состоянию здоровья!

Странно, но слова страшные Кязима не то, что успокоили, а мобилизовали. Облизнул губы сухие младший лейтенант, заговорил твёрдо:

– Ширинов в июле ездил в Тегеран (успел Кязим до встречи с начальником навести кое-какие справки), участвовал в работе научной конференции – у САВАК была возможность для его вербовки. Атташе по культуре – дипломат «чистый», но таких САВАК использует для элементарных оперативных действий – передать, получить «посылку», что, надо полагать, и произошло в кинотеатре «Низами». Следовательно, основания для версии, что Ширинов – агент САВАК, у нас есть!

– Основания! Версия! Байрамов, ты знаешь, на чьей дочери женат Ширинов? – зло перебил Кязима капитан Рамазанов. – Не знаешь?! А я знаю, Байрамов: первого секретаря райкома партии! А завтра, не исключено, секретаря ЦК! Его разговоры с дочерью, зятем ты тоже хочешь записывать, Байрамов?!

«Тесть – секретарь ЦК?! Ну и влип я с этим Шириновым! – упал духом Кязим. – Но сдаваться рано, кое-какие козыри на руках имеются».

– У нас, товарищ капитан, все равны перед законом! – мягко, раздумчиво (осложнять голосовыми связками ситуацию не стоит, нет, не стоит) произнёс Кязим. Хотел добавить: и секретарь ЦК, и дворник с метлой, разницы никакой, но подумал, что слова по форме правильные, а по существу крамольные, вполне могут потянуть на «психушку и увольнение по состоянию здоровья» – и не сказал.

– Да-а?! – удивился наглости подчинённого капитан Рамазанов. – А ты знаешь, что на «прослушку» первого секретаря райкома партии требуется санкция?! – и ткнул перстом, указующим в потолок.

Кязим (воля в кулаке – как перед последним и решительным боем) смотрел в глаза капитана спокойно, с «научным интересом», в сознании мысли, которые вслух лучше не произносить: «Если Ширинов завербован, если его тесть – первый секретарь райкома партии, это означает, что щупальца САВАК наверх тянутся – тем они

опаснее! Выходит, мой начальник – дурак или враг: варианты один хуже другого. И если враг далеко не всегда дурак, то дурак на серьёзном посту всегда и безусловно враг. Но скажи я об этом вслух – и койка в психушке мне обеспечена. Выбора нет – даю задний ход».

Вздыхнул глубоко Кязим, руку на сердце положил, сказал покаянно:

– Извините, товарищ капитан, допустил ошибку: опыта в работе мало. Поступил, как учили в 401-й школе КГБ, в Ленинграде, в колыбели Великой Октябрьской социалистической революции (слова штампованные, но козырные, выделил интонацией). Но вы, безусловно, правы: одной теории в нашей работе недостаточно! Необходимы опыт, глубокое знание оперативной работы, людей и вообще жизни – как у вас, товарищ капитан!

«Не прост этот Байрамов, хитёр! Про Ленинград вспомнил, про диплом столичный – да, с психушкой перебор у меня вышел», – оценил ситуацию капитан Рамазанов, «пар спустил», милостиво кивнул:

– Хорошо, младший лейтенант, идите, работайте над ошибками, а что делать с вашим отчётом, я решу.

«Да, был бы Ширинов «простым советским человеком», без высоких родственных связей, – размышлял после ухода «пешки» Байрамова капитан Рамазанов, – вопросов бы не было: «прослушка», «наружка», перлюстрация, связи-контакты! Загрузили бы людей работой, показали свою нужность стране. А так – зять большого человека, без пяти минут секретаря ЦК – связываться с таким ох как опасно! Но и в корзину отчёт байрамовский не выбросишь. Во-первых, рискованно: на Ширинова в Тегеране вполне, вполне могла выйти САВАК, и чем это закончилось, я не знаю. И если со временем Ширинов «засветится» как иранский агент, не факт, что тесть сможет его прикрыть. Во-вторых, «коэффициент полезного действия» у бумаги байрамовской, используй я её правильно, может оказаться ох каким высоким!»

Стал размышлять капитан, планы обдумывать, прикидывать, куда «вернуть тачанки» (вспомнил советскую классику, криво ухмыльнулся). К вечеру решил, что игра с отчётом может получиться интересная: «Если со временем выяснится, что Ширинов замазан связями с САВАК, то либо секретарь ЦК будет мне благодарен «за помощь» – за компромат на «дорогого зятя» придерванный, либо люди, метящие на место секретаря ЦК, – «за помощь», за компромат на конкурента, всплывший в нужное время. Главное – самому не оказаться между клановыми жернововыми... А пока – ждать, наблюдать, следить за ветром перемен...»

Глава шестая. Один шанс из тысячи

Заканчивался октябрь, а создание группы НТР в 1-м отделе КГБ Азербайджана затягивалось, как объяснил полковник Гусейнов «кандидатам в энтээровцы» (полковнику Эфендиеву, майору Бабаеву и лейтенанту Абасову), «по организационным причинам». Что считать таковыми, начальник отдела подчинённым не разъяснил, но и без руководящих комментариев Теяру было ясно, что, раз генерал Кардашев готовится занять должность заместителя начальника Второго Главного управления КГБ СССР, перспективные дела республиканского комитета отошли для председателя на второй план. «Успеть надо генералу подверстать дела старые, бакинские, чтобы сдать их преемнику в лучшем виде. Ну и к работе в Москве подготовиться: полезные связи активировать, «справки» о ситуациях-веяниях в московских коридорах власти навести. Процессы серьёзные, требующие концентрации на главном для генерала – на Лубянке», – с сожалением констатировал Теяр. Вторая печаль – в кресло председателя КГБ Азербайджана готовился сесть генерал Семён Цвигун. «Перебрасывают нового шефа на Кавказ из Средней Азии – с поста председателя КГБ Таджикистана.

Приедет в Баку, начнёт знакомиться с сотрудниками, делами, обстановкой – сколько на это потребуется времени: месяц, два, три? Интересно, вопрос с нашей группой решит в этом году или перенесёт на следующий?» – прикидывал Теяр. А тут неожиданно-негаданно и третья печаль – 22 ноября в Далласе, штат Техас, был убит президент США Джон Кеннеди. «Прямого влияния убийство 35-го президента США на судьбу группы НТР иметь не может, но в Центре, озабоченном американским форс-мажором, сейчас точно не до нас», – трезво оценил ситуацию Теяр, вздохнул печально и вернулся к скучной иранской рутине.

В конце ноября «лёд тронулся» – в Баку прибыл новый председатель – генерал Цвигун. По указанию Вели Ахундова встретили нового шефа КГБ, как положено, со всеми приличествующими случаю церемониями, дали денёк отдохнуть с дороги – и в ЦК, на знакомство с «политическим руководством республики».

Встретил главного чекиста Азербайджана первый секретарь радушно, из-за стола руководящего вышел, руку крепко пожал, слова добрые с улыбкой мягкой, отеческой произнёс, в кресло, для дорогих гостей предназначенное, усадил, сам напротив устроился. Начал Ахундов с вопросов ритуальных:

– Как долетели, Семён Кузьмич, как устроились? – и с улыбкой доброй, дружеской – обещания очевидные, само собой разумеющиеся, легко исполнимые: – С квартирой, с работой супруги вопросы решим!

Генерал Цвигун на вопросы отвечал коротко, но исчерпывающе. Когда надо, улыбался. Когда требовал протокол, благодарил (хотя пока особо не за что), а сам думал, что вот так же, в 1957-м, в Душанбе являл ему «отеческую заботу» партийный лидер советского Таджикистана Ульджабаев. «В 1961-м исключили Турсунбая из партии, сняли со всех постов, а дело на персека Ульджабаева завёл и подготовил я! Что ж делать – переродился Турсунбай! Да, вон как оно получилось: сын дехканина-батрака, которому советская власть дала и образование (педагогический техникум плюс высшая партийная школа), и власть государственную (понятное дело, в родной республике), – баем решил стать! В Кремле «правила игры» понимают: Азияс, традиции, байствуйте, товарищ Ульджабаев, но меру знайте! Но не рассчитал Турсунбай «золотой середины»! Перешёл «красные линии» Центром национальным элитам дозволенного! Приписал миллионы тонн якобы сданного государству хлопка, Кремль решил обхитрить! Ну и слетел с трона!» Да, думал Цвигун, слабым руководителем оказался Ульджабаев, а захотел чрезмерных славы, почестей, высокого положения в иерархии партийной! А их ещё заслужить надо! Но повезло, повезло Турсунбаю! При Сталине прихлопнули бы перерожденца, а при Хруще-«гуманисте» отправили в ссылку – совхозом руководить. А Вели знает, наверное, какие жалобы народ на порядки в республике в Москву шлёт?! «И Вели понимает: мои отчёты в Центр могут судьбу его изменить – и круто! Ради блеска отчётного на многое пойдёт Вели! – думал Цвигун. – Пожалуй, сработаемся...»

Цвигун сел в комитетскую «Волгу», строго приказал водителю:
– В комитет!

Пока мчались по проспекту Нефтяников, вспомнилась генералу служба в Душанбе. Как-никак, а семь лет жизни отдал Средней Азии! Вспомнил Цвигун, как, «накопив оперативный материал» на Ульджабаева, пришёл к «диалектическому», засевавшему в сознании занозой острой, выводу: и при ханах, и при царе, и при власти советской живёт Таджикистан по своим, азиатским законам! Марксизм-ленинизм подкорректировал, конечно, форму феномена, но суть-то не изменилась: при ханах и царе хозяевами жизни были баи, при власти советской – партийные вожди.

А народ... Ну что народ? Как гнул спину на хозяев жизни, так и гнёт! При баях, когда совсем неумоготу становилось, дехкане восстания затевали, при власти советской жалобы в Москву шлют, надеются, что Кремль поможет! Кремль может сменить главу и расстрелять¹ с десятков проворовавшихся председателей колхозов. И что?! Придёт новый руководитель, на хлебные места сядут новые председатели, один клан сменит у кормушки другой, а в жизни трудового народа всё равно ничего не помняется! И Вели понимает: старый конь хоть и пашет неглубоко, но генеральной партийной борозды не портит, и Центр без особых причин менять такого доброго конягу не станет, как, впрочем, и то, что Москва, если «давление в котле станет критическим», чтобы «сбросить пар», легко может сменить лидера и расстрелять с дюжину вороватых хозяйственников. Народу «от рокировки» легче не станет, но хоть какая-то, провозглашённая с высоких трибун, иллюзия «перемен к лучшему», растиражированная газетами, радио да телевидением! Прав Махатма Ганди: «Чтобы изменить мир вокруг, вы должны изменить себя». Но человек не меняется, нет, не меняется...

«Вот я, – думал Цвигун, – получил в Центре приказ с мздоимцами мелкой и средней руки разобраться (тех, кто из верхних эшелонов, пока велено не трогать), какой-никакой порядок в республике навести. Коррупционеров – сколько надо для картины позитивной – я, понятное дело, посажу, перед Лубянкой отчитаюсь. Проблема в другом! В Союзе везде воруют – факт. Но хорошие – и житейски мудрые – управленцы ещё и работают, результаты, Госпланом предусмотренные, дают. Сталь, чугун, нефть, газ, станки, машины, зерно! А в республике экономика буксует, не развивается. После войны Азербайджан ни один пятилетний план не выполнил! Похоже, папочку тайную на Вели всё же надо завести – может и пригодиться...»

Прибыв в комитет, Цвигун, собрав замов и начальников отделов, «приступил к исполнению обязанностей». Первым делом генерал дал понять подчинённым, что птица он полёта высокого, приобщённая к тайнам, можно сказать, государственным:

– В Москве (и понимай под этим то ли Лубянку, то ли – бери выше – сам Кремль!) считают, что убийство американского президента – это, товарищи, результат государственного переворота, устроенного реакционными силами в США! Нельзя исключить, что выстрелы в Далласе могут быть использованы радикалами в Пентагоне и в Лэнгли для разжигания в Америке антисоветских настроений. Более того (генерал выразительно поднял над головой указательный палец), для вооруженного нападения на СССР! Поэтому бдительность, товарищи, и ещё раз бдительность!

Полковник Гусейнов подумал, что если какой-нибудь неадекватный американский генерал отдаст приказ начать атаку на СССР, шесть сотен сотрудников азербайджанского комитета, как ни «усиливай они бдительность», остановить ракетные пуски и уберечь мир от глобальной ядерной катастрофы всё равно не смогут.

«Цвигун – контрразведчик, что ему интересы моего отдела, что ему группа НТР? Жаль, не успел Кардашев «пробить» в Москве штаты группы, согласовать приоритеты – с Цвигуном сделать это будет непросто...» – размышлял полковник Гусейнов, одобрительными кивками реагируя на сентенции нового председателя.

Закончив «вступительное слово», генерал Цвигун пожелал выслушать отчёты начальников отделов. Суховатый доклад начальника 1-го отдела новый председатель слушал вполуха. Во-первых, разведка – не его стезя, во-вторых, Москва направил его в Баку с конкретной целью – вычистить республику от одиозных, совсем уж обнаглевших коррупционеров. В Кремле от писем трудящихся, идущих в Москву с просторов «необъятной страны», не отмахивались, систематизировали, собирали в папочки, когда надо, «давали жалобам ход».

¹ В СССР к высшей мере наказания приговаривались лица, совершившие особо тяжкие преступления, в том числе экономического характера (хищения, взятки в особо крупных размерах).

На отчёт начальника 2-го отдела новый председатель отреагировал живее. Во-первых, оперативное дело, о котором сообщил нач-2, отлично «легло в тему» убийства президента США. Во-вторых, «раскручивать» его можно по привычным для контрразведки (и генерала Цвигуна) лекалам. В-третьих, новые рапорты «по делу о готовящемся покушении на первого секретаря ЦК КПСС товарища Хрущёва» и для Центра будут интересны. Пока, правда, в деле этом много неясного, а достоверных фактов всего три. Первый: доверенное лицо¹ комитета в сентябре 1958 года сообщило, что некий инженер по технике безопасности Исаев (работает на заводе нефтяного машиностроения имени лейтенанта Шмидта) обронил по рабочему телефону фразу о готовящемся покушении на персека. В кабинете заводоуправления в этот момент никого, кроме проболтавшегося Исаева, не было, лицо доверенное находилось в коридоре, за дверь приоткрытой, но вовремя прильнуло к щели – картина случайной утечки информации о готовящемся покушении вписывается в контрразведывательные схемы и может быть признана достоверной. Факт второй: установить номер телефона, на который звонил Исаев, чекисты не успели – доверенное лицо о звонке в комитет сообщило, но поздно, поздно! Факт третий: в квартире Исаева был проведён тщательный обыск (инженер и его супруга в этот момент находились на работе), но улики, свидетельствующих о подготовке теракта, обнаружено не было. Факт четвёртый: за Исаевым было установлено плотное наружное наблюдение, но инженер, каким-то странным образом ускользая от «наружки», несколько раз исчезал из Баку. Отсутствие улики, ловкий отрыв Исаева от «наружки», размышлял Цвигун, свидетельствуют о том, что комитет имеет дело с хорошо подготовленным противником. Ещё интереснее вопрос, куда и с какой целью выезжал Исаев? «Не исключено, что инженер покидал Баку ради конспиративных встреч с сообщниками. Если этот вывод верен, налицо разветвлённый заговор с целью ликвидации главы государства! А что, в Ленина стреляли, Кеннеди прихлопнули, Никита на очереди! Ну что ж, заговор – это отлично! Разоблачим – высокое место на Лубянке мне обеспечено!» – размышлял Цвигун. Смущали генерала разве что мотивы заговорщиков – людишек, если судить по инженеру Исаеву, простых, из народа. Ну, ликвидируют они «вождя» – и что дальше? «Власть всё равно не получают – «упавшее знамя» подхватит преемник Никиты из политического руководства страны. А если нет серьёзного мотива, тогда и заговор, и широкая, мастерски разоблачённая – под моим руководством – сеть заговорщиков выглядят провинциально-опереточным фарсом. А фарсы для карьеры губительны». Поразмыслив, председатель мотив всё же нашёл. С одной стороны, веский и резонный, с другой, – простой, понятный, тревогу гасящий: «Мсть! И за кровь народную великую, Хрущом во времена Усатого пролитуую... У Исаева, например, деда на Украине, когда там Никита заправлял, расстреляли. И за снос сталинистов (уважаемых людей из Президиума ЦК выкинул!)... Да чтобы записать все грехи Никитки, тома нужны! Взять хотя бы...» И председатель вспомнил, как 1 июня 1962 года Хрущев росчерком пера повысил в СССР розничные цены на мясо-молочные продукты. Народ, полагали в Кремле, если и не выразит «всеобщего одобрения» очередному «мудрому решению партии и правительства», то, по крайней мере, стерпит, утрётся и промолчит. Только повышение цен совпало со снижением расценок за оплату труда на Новочеркасском электровозостроительном заводе имени маршала Будённого. И рабочие не «утёрлись» – начали стихийную забастовку. А та, словно «в мрачные времена проклятого царизма», переросла в многотысячный городской митинг. Местная власть, привыкшая руководить послушными массами указаниями, распоряжениями да циркулярами, от беспомощности впала в ступор, а Хрущев не придумал ничего лучше, как послать в Новочеркасск армию.

¹ Доверенное лицо – советский гражданин, привлекаемый к добровольному сотрудничеству с органами КГБ в информационных целях и для выполнения оперативных поручений, не требующих специального обучения и особых мер конспирации.

Ну а дальше – «кровавое 2 июня»: 23 человека убиты, 87 ранены. «Потом ещё осудили больше сотни бунтовщиков, нескольких приговорили к «высшей мере». Да, желающих отомстить за пролитую кровь родных-близких в Ростовской области предостаточно! С ними, вероятно, и сошлись Исаев и его бакинские поделщики! К заговору могли примкнуть и военные: их Хрущев тоже обидел. И сокращениями офицерского корпуса, и распилом флота, а кого-то и словами бранными – персек за языком следить перестал, материт уважаемых людей, словно мальчишек дворовых! А к военным – партийцы... Тогда всё серьёзно! Но, как это бывало в истории, нам помог случай: Исаев, пешка болтливая! Но инженеришка стал нитью, потянув за которую, мы можем выйти на ключевые фигуры заговора – этим важна не месть, продукт побочный, а власть!» – сделал важный, многое объясняющий вывод председатель Цвигун и дал контрразведке руководящее указание: письма, отправляемые и получаемые инженером, продолжать перлюстрировать, в квартиру добавить «жучков». И плотная «наружка», выявление связей и контактов инженера!

«Надо полагать, именно отличная работа «наружки» и 2-го отдела сорвала покушение на Никиту в 1960-м, когда он в Баку с визитом пожаловал! Попытки у заговорщиков, судя по докладу, были – на тех же Нефтяных Камнях, когда Хрущева хотели к насосу взрывоопасному подвести, затем поднять в агрегате давление – и бабах! Хитрый, тонкий замысел! Но чекисты – молодцы: упредили, сорвали замыслы заговорщиков!» – с гордостью за подчинённых подумал Цвигун.

– Особое внимание – поездкам Исаева за пределы Баку! Есть высокая вероятность, что следующую поездку инженер совершит в ростовском направлении, – добавил Цвигун, но от объяснений воздержался, посчитав, что говорить о вероятной связи между событиями в Новочеркасске и заговорщиком Исаевым в Баку пока не стоит.

«Официально Семён Цвигун в контрразведке с 1939 года. Герой Великой Отечественной: успел побывать на шести фронтах и даже повоевать в партизанских отрядах. А по «слухам», участие Цвигуна в партизанском движении – вымысел. Характер у генерала податливый, с начальством не спорит, «острые углы» обходит. Не знаю, как Цвигун будет зачищать от взяточников партийный и государственный аппарат, но только, думаю, новые штатные единицы под группу НТР в Центре председатель для нас не выбьет. В лучшем случае, получу от Цвигуна рекомендацию провести «оптимизацию имеющихся штатных возможностей 1-го отдела», – оценил итоги совещания полковник Гусейнов.

Нач-1 не ошибся: через пару дней полковник Гусейнов получил от нового председателя указание организовать в отделе группу научно-технической разведки. Предвосхищая очевидный вопрос полковника, генерал Цвигун веско изрёк:

– Группа работает при вашем отделе, но подчиняется Управлению «Т» ПГУ!

«Это что же, двоевластие?!» – мелькнуло у Гусейнова, но полковник благодарно промолчал, решив, что ПГУ – далеко, если и будет руководить, то директивами, а «работа в поле» всё равно остаётся за 1-м отделом КГБ Азербайджана.

«Организационные вопросы» полковник Гусейнов решил «росчерком пера»: на втором этаже здания КГБ выделил группе НТР служебный кабинет, руководителем назначил полковника Эфендиева (официальная «крыша» – Академия наук Азербайджана, помощник президента по научно-техническим связям), его замом – майора Бабаева («крыша» – начотдела Госкомитета по координации научно-исследовательских работ»). Третий энтэрровец – лейтенант Абасов – остался «в альма матер»²(в здании комитета) без «крыши».

¹Сфера интересов Управления «Т» ПГУ КГБ СССР – научно-техническая разведка.

²Alma mater (лат.) – Буквально альма-матер – «кормящая мать», старинное студенческое название университета.

На первом – организационном – совещании полковник Гусейнов произнёс вслух то, что все и так хорошо понимали: возможности для вербовки ценных зарубежных источников, приобщённых к новейшим технологиям нефтяной разведки на шельфе, у группы НТР, работать которой предстоит с территории республики, крайне ограничены. Это у ПГУ – резидентуры в каждом советском посольстве! Живут-работают коллеги (а это, если страна пребывания с мощным промышленным и научным потенциалом, десятки сотрудников!) за границей, возможностей для поиска и вербовки источников – масса! А что у группы НТР?! Три сотрудника, и те – в Баку!

– Конференции, симпозиумы, где вы могли бы заводить перспективные контакты, в Баку проводятся нечасто. Да и на «чужом поле» иностранцы крайне осторожны и на контакты не идут, – окидывая мрачным взором энтээровцев, изрёк очевидное полковник Гусейнов. – Значит, необходимо привлекать наших учёных, выезжающих – на конференции, симпозиумы, стажировки – за рубеж! Но привлекать всех подряд – смысла нет: ради поездки за границу за государственный счёт пообещают найти, привлечь, завербовать! А вернувшись в Баку, насочиняют, что в последний момент всё сорвалось, но в следующую поездку обязательно получится! Нет, товарищи, нам нужны академики да членкоры, доктора наук и кандидаты, не утратившие авантюрного духа юности! И даже детства! Нам нужны лихие мушкетёры, благородные флибустьеры! В общем, пассионарии и искатели приключений! Но – это важно! – холодный разум и трезвый расчёт должны держать в узде авантурный дух наших «эмиссаров»! Если в Академии наук нам удастся найти двух-трёх таких уникалов, поставленную перед нами задачу мы, не исключено, сможем решить.

Тейяр подумал, что академики – состоявшиеся люди: почёт, уважение, интересная работа, достаток у них есть. «Эмиссаров» за рубежом могут, допусти уважаемый учёный в вербовочном деле роковую ошибку, арестовать-посадить на долгие годы забугорные «коллеги»! Гусейнов прав: каждый, ради сверхлимитной, оплаченной казной поездки за границу, легко пообещает «свернуть горы». Но, помня о риске, об оставленных в Баку семьях, даже приближаться на чужой территории к ценным источникам многие, если не все, поостерегутся.

«Получается, шансов на успех у нас один на тысячу, а может, даже на миллион...» – взгрукнул лейтенант Абасов.

В здании Президиума Академии наук (улица Коммунистическая, центр Баку) – историческом, построенном в 1913 году нефтепромышленником Мусой Нагиевым¹ – полковнику Эфендиеву выделили кабинет на третьем этаже. Кто и откуда новый помощник президента АН по научно-техническим связям, он же начальник иностранного отдела академии, оставили для академиков, членкоров и прочих сотрудников в тайне. Хотя кто соображает, и сам, наверное, догадался: монографий, журнальных статей и прочего научно-трудового, сопровождающего тернистый путь учёного, за новым помощником, не защитившим даже скромную кандидатскую, не значилось. Для конспирации вбросили в массы версию о высоком родственнике-покровителе,строившем «своего человека» на тёплое местечко.

Подходящие по всем статьям кандидаты в «эмиссары» появились в начале февраля. Первого, работая с анкетами, нашёл майор Бабаев: и академик, и нефтяник, и язык английский как родной, и в расцвете лет (только-только сорок пять перешагнул), второго (молодой – нет сорока, не без амбиций, доктор наук) – полковник Эфендиев.

¹ Муса Нагиев (1848–1919) – азербайджанский нефтепромышленник, владелец более 200 зданий в Баку, в т.ч. дворца «Исмаилие», который с 1945 года занимает Президиум АН Азербайджана.

И оба собираются, документы готовят командировочные (так удачно получилось!) туда, куда комитету надо – в Хьюстон, штат Техас, берега которого омываются водами залива Мексиканского. И если американцы разрабатывают нечто секретное для морской нефтеразведки, то залив Мексиканский для испытаний новой техники – зона самая подходящая. Ну а Хьюстон – то место, где обитают (постоянно или наездами) те самые спецы – носители секретов научно-технических, за которыми и должны отправиться «эмиссары» комитетские.

В том, что «посланниками» должны стать академик Паша Кулиев и доктор наук Махмуд Агазаде, полковник Эфендиев (после нескольких бесед с кандидатами: мимолётных – в коридорах здания президиума академии, обстоятельных – в кабинете на третьем) не сомневался. Дело было, конечно, не в анкетах, хотя они у кандидатов отличные, сколько в том потаённо-неуловимом, что почувствовал в их характерах руководитель группы. «Да, Паша и Махмуд – именно те, кто нам нужен, – решил полковник. – Степенные, респектабельные, с умом холодным, расчётливым. А дух сокрытый – мятежный, флибустьерский!»

Полковник Гусейнов выбор «эмиссаров» (по анкетам доктора и академика и служебным запискам помощника президента Академии наук) «в первом приближении» одобрил, нахмурил брови и дал начальнику группы НТР установки по теме деловой – как лучше объяснить учёным мужам этическую сторону «предстоящего дела». Речь всё-таки идёт о краже чужой интеллектуальной собственности! Поэтому, во-первых, не прямо, а намёками, надо объяснить «эмиссарам», что де и у СССР агенты зарубежных спецслужб – предатели «в научных и промышленных кругах» (хотел было добавить про государственно-партийные органы, но подумал – и промолчал) – крадут научно-технические секреты и передают их своим хозяевам. «Мы, естественно, вынуждены ответными зеркальными мерами компенсировать ущерб, нанесённый стране». Во-вторых, «позаимствованная» за рубежом интеллектуальная собственность в Советском Союзе используется не для личного обогащения-потребления отдельных персон, а для всенародного блага! Подсказал доходчивый пример – «Манхэттенский проект»¹.

Да, намекнуть «эмиссарам», что у американцев кое-какие ядерные секреты советской внешней разведкой были похищены, можно. Надо только добавить, что эта кража помогла СССР сократить сроки создания советской атомной бомбы! И особо подчеркнуть, что в делах разведки заимствование чужих секретов – не криминал, а доблесть!

Разрешил полковник добавить пару абзацев о планах США по нанесению ядерных ударов по крупным городам Союза, в том числе и по Баку. «Эмиссары» и сами сообразят, что ядерное оружие спасло и Советский Союз, и советский народ от гибели, но лучше этот вывод, равно как и значение разведанных по «Манхэттенскому», подчеркнуть прямым текстом, приказал нач-1.

О супругах Розенберг², казнённых в США за передачу ядерных секретов «коммунистическому режиму», приказал не упоминать. Розенберги – герои, но не известно, какое впечатление произведёт на конкретного «эмиссара» история, ассоциированная с электрическим стулом: кого-то, слабого духом, может и демотивировать!

¹ «Манхэттенский проект» – программа по созданию в США ядерного оружия, осуществлённая в период 1942–1946 годов. Научный руководитель проекта – профессор Роберт Оппенгеймер, административный – генерал Лесли Гровс. В общей сложности в реализации «Манхэттенского проекта» участвовало 125 тыс. человек.

²Юлиус (1918–1953) и Этель (1915–1953) Розенберги были арестованы в 1950 году и обвинены в передаче СССР ядерных секретов США. Казнены в 1953 году.

Получив санкцию начальства, на улицу Коммунистическую прибыли полковник Эфендиев, майор Бабаев и лейтенант Абасов, поднялись в кабинет помощника президента Академии, туда же пригласили доктора наук Агазаде – едет в Хьюстон на стажировку, на три месяца, времени, чтобы разведать-добыть, предостаточно, вывод – весьма перспективен! Под чай и восточные сладости шеф группы НТР первым делом отдал дань традициям и «вербовочному протоколу» – с артистической душевностью и теплотой поинтересовался у Махмуда здоровьем, делами в семье и на работе. «Наладив контакт», полковник Эфендиев перешёл к главному – к «материализации идеи о сотрудничестве». Начал издалека – без деталей и подробностей (тем более что они, строго засекреченные, начальнику группы НТР были неведомы) поведал о помощи, оказанной в 1940-х годах Советскому Союзу прогрессивными зарубежными учёными в создании атомной бомбы.

– Мы и сами выковали бы меч для сдерживания агрессора! Но умные люди на Западе понимали: атомная бомба у Соединённых Штатов – это угроза уничтожения цивилизации! Ядерное оружие у США и СССР – это гарантия безопасности для человечества. Поэтому, – пристально глядя в глаза собеседника (глаза, как известно, зеркало души, в отражениях которого вдумчивый наблюдатель находит порой много чего полезного), проникновенно поставил точку над і полковник Эфендиев, – эти учёные добровольно (подчёркнуто модуляциями) сотрудничали с советской разведкой!

Дав минуту на осмысление сказанного, полковник Эфендиев раздумчиво изрёк:

– И сейчас на Западе есть учёные и инженеры, думающие не об узких корыстных интересах отдельных капиталистических групп, а о благе всего человечества! Помните, Флеминг, Чейн и Флори – изобретатели пенициллина, удостоенные за его открытие Нобелевской премии¹, отказались получать на это лекарство патенты! Эти достойные учёные и благородные люди решили, что пенициллин, способный спасти сотни миллионов человеческих жизней, не должен быть источником личной наживы!

После таких проникновенных слов Махмуд идею «о сотрудничестве во благо отечества» схватил на лету, спокойно кивнул и отчеканил:

– Всегда можете на меня рассчитывать!

«Есть вербовка!» – заулыбались энтээровцы, а шеф группы НТР минут за десять вопросы, интересующие разведотдел, «эmissару №1» конкретизировал. У Махмуда, как заметил Теяр, глазки загорелись – заинтересовали учёного слова о «секретных американских разработках». На рекомендации полковника Эфендиева: «Чем больше интересных и перспективных связей с нефтяниками – теоретиками, практиками, на данном этапе это не важно – вы заведёте в Хьюстоне, тем лучше!» – и вежливый приказ-пожелание: «Будьте предельно осторожны, остерегайтесь провокаций, руководствуйтесь мудрым правилом: «Слово – серебро, молчание – золото», ответил спокойным кивком.

На следующий день аналогичную «беседу» провели и с «эmissаром №2» – академиком Кулиевым (летит в Хьюстон на три дня, срок для выполнения задания – ничтожный, шансов на успех – практически никаких, но для красивого отчёта о проделанной группой НТР работе сгодится и Паша Пашаевич).

В комитете, отчитавшись нач-1 «о достигнутом», полковник Эфендиев, вернувшись в «кабинет НТР» и налив чаю, устало спросил членов группы:

– Как думаете, коллеги, привезут нам доктор и академик из Хьюстона что-нибудь этакое? – и выразительно щёлкнул пальцами.

– Если привезут, это будет чудо... – раздумчиво ответил майор Бабаев. – Либо...

– Цэрэушна деза, – закончил фразу зама полковник Эфендиев.

¹ Александр Флеминг (1881–1955), бактериолог, Эрнст Борис Чейн (1906–1979), фармаколог, и Говард Уолтер Флори (1898–1968), фармаколог, в 1945 году за открытие пенициллина были удостоены Нобелевской премии в области физиологии.

Шеф группы НТР отхлебнул из стакана и нахмурился от явившейся вдруг ядовитой мысли: «Профессиональные разведчики пьют чай и пишут отчёты, а дилетанты с риском, не исключено, для жизни должны искать россыпи «золотые», научно-технические».

Глава седьмая **При исполнении служебных обязанностей...**

В Хьюстон Махмуд прилетел в начале марта. Освоился быстро, снял небольшую квартиру, арендовал подержанный «фордик», поездил по городу, изучил «топографию» судоходного канала, идущего от Хьюстона до Мексиканского залива. Следуя рекомендациям полковника Эфендиева, попытался было наладить «тесные и дружественные контакты» с «коллегами в конструкторском бюро». Но американцы «держали дистанцию»: белозубо улыбались, смеялись шуткам, были не прочь выпить-перекусить после работы «в тёплой компании» (особенно когда за дринки платил Махмуд), а на «доверительные беседы» не шли. Разве что куратор советского стажёра инженер Джон Сайпенс попытался «подружиться» с Махмудом. О делах бюро куратор болтал легко, вот только рационального и полезного для Махмуда в потоке его словес было ноль целых, ноль десятых. Зато инженер Сайпенс живо интересовался Нефтяными Камнями, сейсмикой и разведочным бурением на Каспии. Махмуд улыбался и с готовностью вываливал на американца открытую информацию по месторождению. Через неделю эти игры надоели и куратору, и стажёру: в общем, разошлись по-хорошему.

Прошёл месяц, и Махмуд понял, что, как ни старайся «следовать курсом», рекомендованным КГБ («Заводить в конструкторском бюро контакты, налаживать связи, стараться стать для американцев интересным и нужным – это поможет вам выйти на интересующий нас источник информации»), желаемого результата всё равно не получишь. «Вероятно, «коллеги» получили указания от здешнего «1-го отдела»¹ – или как он у них тут называется? – в разговорах со мной «лишнего не болтать» и от «доверительных контактов» воздерживаться. Значит, вариантов у меня два. Первый: забыть о «просьбе» КГБ, отдать все силы и оставшееся время стажировке, а вернувшись в Баку, сочинить для гэбистов историю о «славных делах разведчика», увы, не давших в Хьюстоне зримого результата. Второй: пойти к цели иным, не отмеченным в рекомендациях КГБ, путём», – трезво оценил ситуацию Махмуд и стал размышлять о «пути альтернативном». Фантазии о вскрытых сейфах с секретными чертежами-расчётами Махмуда позабавили – от навеянного увиденным в фильмах и прочитанным в книгах «про шпионов» рациональный доктор наук отказался легко и быстро. Во-первых, где он, тот сейф? Во-вторых, кто ж его вскроет? А понаблюдать за происходящим на пирсе здешней конторы – вариант вполне рабочий.

«Если плавучая буровая установка существует, если кое-кто из «коллег» имеет к ней отношение, то раз в месяц, а может быть, и чаще в Мексиканский залив должен уходить кораблик со спецями, отрабатывающими на опытном образце узлы-детали, режимы функционирования оборудования и прочее, программой испытаний предписанное. Если есть такой кораблик, его надо, во-первых, найти. Во-вторых, выяснить расписание «рейсов в залив». В-третьих, «в ночь X» тайком пробраться на палубу и спрятаться в укромном месте: посудина сама доставит меня в зону испытаний! А дальше – щёлк-щёлк установку «анфас и в профиль», – принял решение Махмуд. – Фотографии секретного объекта – это не подробная техническая документация, но какой-никакой, а успех! Не исключено, что после этого комитет –

¹ В СССР так называемые Первые отделы на предприятиях, в учреждениях и т.п. выполняли функции службы безопасности (проверка сотрудников по анкетным данным при приёме на работу, санкционирование – по материалам собранных досье – поездок за рубеж и др.).

для «развития темы» – обеспечит мне пару дополнительных командировок в Хьюстон!»

На территории «конторы», в которой стажировался Махмуд, стояли десятиэтажное здание конструкторского бюро («Офисный центр», как называли железобетонного монстра «коллеги») и четыре коробки опытно-экспериментальных цехов. Махмуд «стажировался» на третьем этаже офисного здания, взор из «его окна» упирался в крыши цехов, но сообразить, что территория бюро с трёх сторон окружена высоким забором (по гребню – спираль Бруно «для непрошенных гостей»), а четвёртая выходит на канал, было нетрудно.

Махмуд не поленился, слезил в справочник, почитал, удивился, рассудил здраво: «Ну и ну! Спираль Бруно появилась ещё в годы Первой мировой войны. Спираль весьма эффективна, но крайне травмоопасна – наносит рваные раны и запрещена Женевской конвенцией для использования на гражданских объектах. Если бюро, наплевав на конвенцию, кинуло спираль на свой забор, значит, «коллегам» есть что секретить! Второй вывод: если территория «конторы» упирается в канал, у бюро должен быть и пирс».

Вернувшись вечером в съёмную квартирку, Махмуд обдумал план дальнейших действий, взгрустнул – игра предстоит весьма и весьма рискованная! – и, полный тревожных мыслей, лёг спать.

В магазинчике, торгующем оптикой, на доллары, выделенные комитетом «эмиссару №1» на «оперативные расходы», Махмуд купил фотоаппарат «Кэнон» с хорошим зумом и подзорную трубу. В ближайшие выходные, «поездив по Хьюстону», через боковое стекло «фордика», приложив к глазу оптику, убедился – да, вот офисная башня «его» конторы, вот цеха. А вот и то, что искал и нашёл Махмуд – пирс! Фотографировать причал не стал, но пришвартованные к пирсу кораблики (один, похоже, судно снабжения, второй – «пассажиры») «зафиксировал в памяти». В понедельник во время ланча (заведение общепитовское для офисников на первом этаже «башни») Махмуду показалось, что кое-кого из «коллег» с других этажей бюро, лица коих ранее зафиксировала его память, в зале нет, хотя, конечно, может, и показалось. Вечером, покинув после трудового дня «башню», крутанул по Хьюстону, добрался до точки наилучшего обзора, приложил к глазу подзорную – а «пассажира» у пирса нет! Добрый, многообещающий знак!

Во вторник за ланчем пригляделся к лицам «сотрапезников», нашёл два, отсутствовавших в заведении в понедельник. Вечером, после работы, съездил на точку – «пассажир» стоял у пирса. Почувствовал Махмуд: «Вот она, нить!» – и каждый вечер стал ездить то на одну «точку» обзора, то на вторую, запасную (панорама похуже, но пирс просматривается). «Пассажир» исчез и в следующий понедельник, а через день вновь встал у причала. «Может быть, случайность, а может, система: надо проверить!» – решил Махмуд и на ближайший понедельник записался в научную библиотеку Хьюстона: мотив (предусмотрен программой стажировки) для непосещения бюро вполне подходящий.

Вход-выход сотрудников на территорию бюро строго фиксировался охраной на проходной, поэтому от мысли попасть на «пассажира» с пирса Махмуд, оценив ситуацию, отказался. Подумавав пару дней, Махмуд с сожалением понял: если он хочет оказаться на борту «пассажира», действовать придётся прямолинейно, «по-пиратски». Риск быть обнаруженным на борту есть, но, даже если случится худшее, спиннинг и спич про страсть к рыбной ловле – мотивы для «прощения за прегрешение» убедительные. Ну, почти убедительные. «Не расстреляют же меня! «Пассажир» – не военная база, и установка, если она существует в природе и я её сфоткаю, не секретный стратегический бомбардировщик!» – рассудил Махмуд здраво.

В субботу Махмуд съездил на окраину Хьюстона, зашёл в заранее присмотренный магазинчик, торгующий удочками, спиннингами, крючками, поплавками и прочими «рыбачьими премудростями». Махмуда интересовали надувная лодка, высокие резиновые сапоги, термос и пара крепких канатов (один – с карабином и крюком, второй – с карабинами), но для убедительности образа рыбака-любителя пришлось купить спиннинг и прочее, необходимое для ловли рыбы. «Нехорошо, нарушаю инструкции – в Баку требовали быть осторожным и не рисковать – и, наверное, какие-то американские законы», – печалился Махмуд, подгребая к борту «пассажира». На воду лодку Махмуд спустил, наверное, в полукилометре от «пассажира», на другой стороне канала, с пирса городского яхт-клуба («фордик» пристроил на клубной стоянке среди десятка других авто, оставленных, надо полагать, хьюстонскими полночниками). Ночь «для дела» – лучше не придумаешь: температура воздуха – градусов двенадцать, небо – в облаках, мелкий дождь, ветер не сильный, но скверно прибитый к стропилам железный лист на крыше ближнего цеха «конторы» повизгивает, «забывая» всплески вёсел, с отличным надрывом. На борту «пассажира», должно быть, пара-другая членов экипажа, да и вахтенных на мокрой палубе не видно. Матросикам, надеялся Махмуд, сейчас уютнее в тёплом кубрике: попили пивка, перекинулись в картишки и с чистой совестью отправились на боковую, справедливо полагая, что на пирс посторонние, при серьёзной охране на входе и спирали Бруно на стенах, проникнуть не могут. А о «неприкрытом наблюдением» канале морячки не думают – кто и зачем в такую тёмную ночь станет напрашиваться на приключения?!

Подплыв к «пассажиру», Махмуд защёлкнул карабин каната на тросике баллона надувной лодки, а второй конец, с крюком, закинул на фальшборт¹ судна. Подёргав канат (крюк зацепился крепко, как надо «для дела»), подтянулся (резиновая подошва сапог чуть визгнула по борту), добрался до планшира², перевалился на палубу. «Вроде обошлось – морячки аврал не подняли!» – оглядевшись и прислушавшись, с азартом подумал Махмуд и потянул на палубу брезентовую сумку «с припасами» (лежала на дне лодки, один конец канатика зацепил карабином «хранилище», второй – пояс «флибустьера»), прихваченными к ней шпагатом короткими вёслами и разобранным на части спиннингом. Потом, глубоко вдохнув, с трудом потянул из воды лодку. На палубе спустил из баллонов воздух, «скатал» резину, запихал в мешок – и осторожно, шажочками, на корму – к высмотренной через подзорную трубу спасательной шлюпке «пассажира».

«Вроде обошлось – морячки аврал не подняли!» – оглядевшись и прислушавшись, с азартом подумал Махмуд и потянул на палубу брезентовую сумку «с припасами» (лежала на дне лодки, один конец канатика зацепил карабином «хранилище», второй – пояс «флибустьера»), прихваченными к ней шпагатом короткими вёслами и разобранным на части спиннингом. Потом, глубоко вдохнув, с трудом потянул из воды лодку. На палубе спустил из баллонов воздух, «скатал» резину, запихал в мешок – и осторожно, шажочками, на корму – к высмотренной через подзорную трубу спасательной шлюпке «пассажира». Шлюпка, укрытая брезентом, лежала на кильблоке³. Махмуд пропихнул под брезент сумку, вёсла, разобранный спиннинг, мешок со сдутой резиной, оглядевшись по сторонам и с минуту послушав ночь, протиснулся сам.

«Теперь – ждать утра! – нервно подумал Махмуд, натянул на голову капюшон тёплой куртки и калачиком свернулся на днище шлюпки. – Хорошо, если «пассажир» утром отчалит и дойдёт до установки! А если останется у пирса или отправится не туда, куда мне надо, тогда... Тогда всё – конец моим приключениям: других идей, как найти установку, у меня нет. Да и на вторую авантюру куражу, боюсь, не хватит...»

¹ Фальшборт – сплошное ограждение по краям наружной палубы по бортам судна.

² Планшир – верхний брус фальшборта палубных судов.

³ Кильблок – приспособление для размещения и хранения шлюпки на борту судна. Представляет из себя поперечную подставку, имеющую профиль обводов днища шлюпки и открытую, чтобы избежать деформации днища, мягким материалом.

Час-другой Махмуд промучился на дне шлюпки – и неудобно, и душно, и нервы на пределе, но под утро усталость взяла своё – и пришёл сон: прерывистый, поверхностный, с ознобом и лихорадкой, с видениями кошмарными, словно в детстве, когда на бульваре перебрал с мороженым и свалился с ангиной, с температурой под сорок...

Проснулся Махмуд без четверти десять – под брезентом было темновато, но фосфоресцирующий циферблат наручных часов показал точное время. «Пассажир», судя по лёгкой килевой качке, шёл по Мексиканскому заливу. Махмуд чуть приподнял край брезента: да, водная ширь во все доступные взору стороны, а куда придёт кораблик, покажет время. Махмуд опустил брезент, извлёк из сумки термос с кофе и бутерброды: в авантюру он ввязался лихую, но мысли тревожные, как ни странно, аппетита не помеха.

После полудня (отмерено по циферблату) на палубе «пассажира» началась суета. Кораблик сбавил ход, повернул руль лево на борт. Махмуда распирало от любопытства, но сдержался, дёргать брезент не рискнул, стал молить Аллаха (член партии, атеист, но сейчас не до политесу) ниспослать удачу.

«Пассажир» сбросил обороты двигателя, и Махмуд понял, что кораблик начал швартоваться. Крики матросов, скрежет лебёдки, Махмуд потерял терпение и кинул быстрый взгляд из-под брезента: метрах в десяти – стальная стена, уходящая и под воду, и вверх, а если приподнять край шлюпочного чехла повыше...

«Я её всё-таки нашёл», – не веря в удачу, подумал Махмуд, жадным взглядом окидывая трубный каркас, могучие поплавки, поддерживающие на воде конструкцию, стальное днище в вышине, буровую, уходящую в глубину, колонну, и дрожащей рукой опустил брезент. Теперь ждать, когда «пассажир» отшвартуется от установки, развернётся и возьмёт курс на берег. «Для «Кэнона» у меня будет минут десять: шлюпка – на корме «пассажира», матросов рядом быть не должно – что им тут делать? – успею отщёлкать кассету. Лишь бы кораблик отчалил до захода солнца – ночь перечеркнёт все планы, – с тревогой и надеждой подумал Махмуд. – Да, панорамные снимки – не техническая документация. Но, во-первых, глянец – это доказательство существования у американцев секретной буровой установки и ориентир, где искать «подходы» к технической документации – в Хьюстоне. Во-вторых, фотографии дадут представление об основных узлах, о «монтажной схеме» – а это уже зёрна для своих конструкторских идей! Вернусь в Баку – возьмусь за дело! Не один, разумеется, а во главе спецбюро – или даже института?! – конструкторского, под мои идеи открытого!» Отличные бакинские перспективы гнали адреналин по жилам, окрыляли, вдохновляли, Махмуд на всякий случай (от сглаза!) даже постучал тихонечко мизинцем по борту шлюпки.

«Везёт мне сегодня! Даже страшно становится, как везёт, – за такое благоволение судьба может потребовать плату высокую!» – вихрилось во взмокшей голове Махмуда: «пассажир» отошёл от установки «как заказывали» – на закате, и солнечные лучи освещали объект съёмки «в профиль», не мешая «прямыми люксами»¹ объективу «Кэнона».

Отщёлкав кассету (плёнка должна зафиксировать несущие поплавки, верхнюю платформу, буровую вышку, вертолётную площадку и прочее, открытое взгляду – технической информации немного, лишь зримая компоновка и основные узлы), Махмуд вставил в фотоаппарат новую. А драгоценную, с секретной информацией, обернул, чтобы «не гремела», в листик резины и спрятал в нижней части «бамбука» спиннинга, заткнув отверстие «аутентичной пробкой».

¹ Люкс – единица измерения освещённости в Международной системе единиц.

«Теперь ждать, когда кораблик пришвартуется у пирса бюро, когда экипаж сойдёт на берег, а в час-два ночи лодку на воду – и гребите себе к яхт-клубу!» – от мыслей победных частило сердце, распирало грудь, покалывало в кончиках пальцев – эйфория, будь она неладна, совсем некстати!

К пирсу бюро «пассажира» (Махмуд кинул взгляд на циферблат) пришвартовался около полуночи. Немного тревожной суеты на борту (мысль, что под брезент может заглянуть кто-нибудь любопытный или, того хуже, проверку – «по протоколу» – выполнит охрана, оказалась цепкой), затем удаляющиеся голоса, удар клинкет¹ о комингс². «Отлично! Оставшиеся на борту матросики отправились в кубрик! – мелькнуло у Махмуда. – Подожду – для надёжности – ещё час, и домой!»

Сделал, как задумал: подождал час, потом с великой осторожностью выбрался на палубу, послушал ночь, накачал баллоны лодки (насос в сумке). Огляделся, потянул носом воздух, один конец троса защёлкнул карабином на канатике лодки, второй, пропустив в клюз³, прицепил, перевалившись через планшир фальшборта, к сумке, в которую уложил «Кэнон» и насос.

Через минуту, привязав к сумке разобранный спиннинг и вёсла, перевалил лодку через фальшборт и на тросе «спустил «судёнышко» на воду». Потом аккуратно опустил на днище лодки сумку. «Ловя мгновение», перекинулся за борт и повис на планшире фальшборта; волосы под шапочкой – хоть отжимай, в искрящем сознании: «Только не промахнуться, только не в воду!» Сосчитал до трёх, отпустил планшир и, оттолкнувшись локтем правой от фальшборта, боком «рухнул в бездну».

На днище лодки упал удачно: резина прогнулась, попыталась «выбросить» Махмуда за борт, но обошлось. Отстегнув карабин от тросика лодки, вытянул канат (второй конец пристёгнут к сумке) через клюз и на вёслах нервно «залопатил» прочь от борта «пассажира».

Выбравшись на середину канала, Махмуд, подёргивая головой то в сторону «пассажира» («Заметили? Охрана? Или матросы? Нет, вроде нет...»), то на шорохиписки в кустах на «городской стороне», частыми гребками погнал лодку к яхт-клубу.

Открыв багажник «фордика», Махмуд аккуратно уложил на его днище части спиннинга и вёсла, сумку, потянулся к мешку с лодкой (воздух из баллонов спущен на пирсе яхт-клуба), и вдруг – торопливые шаги за спиной и холодное и чёткое, словно клацанье затвора:

– Одну минуту, мистер!

Махмуд резко обернулся, прикрыл ладонью глаза от яркого, бьющего в лицо, света фонаря – к нему торопливо шагали двое в полицейской форме.

«Три часа ночи... патруль... делать им нечего, вот парни и решили размяться... ничего страшного, обычная проверка документов...» – пронеслось в сознании Махмуда, а по спине – ледяной озноб.

Сержант (невысокий, спокойный, за его спиной – второй патрульный – громила под два метра) лениво вскинул ладонь к шапке с полицейской кокардой, ткнул лучом фонаря в багажник, попросил предъявить документы.

Махмуд пожал плечами (в Баку строго предупредили – в Хьюстоне с правоохранителями быть предельно вежливым, в споры о «фундаментальных свободах и правах человека» не вступать!) – ваше право, копы! Запустил пальцы в карман куртки (полицейские напряглись, громила положил ладонь на клапан кобуры), протянул сержанту водительские права.

¹ Клинкет – водонепроницаемая дверь на судне.

² Комингс – дверной порог высотой до 60 см на судне.

³ Клюз – круглое, овальное или прямоугольное отверстие в фальшборте (в палубе или борту), окантованное литой рамой или металлическим прутом.

Полицейский повертел документ, широко улыбнулся и вежливо изрёк:

– Пустая формальность: вам придётся проехать с нами. Много времени это не займёт – полицейский участок, мистер, недалеко!

И тут зазвенел будильник. Махмуд заморгал, надавил на кнопку, облизнул пересохшие губы, промокнул подушкой взмокший лоб, в сознании мелькнуло: «Принсится же такая чертовщина!»

Под тёплыми струями душа Махмуда осенило: сон – это знак судьбы! Через десять минут, намазывая тост джемом, Махмуд твёрдо решил, что он сделал в Хьюстоне всё, что мог. Установку в итоге не нашёл, но кто может, пусть сделает лучше! Отговорка – затёрта до дыр миллионами неудачников, но другой всё равно нет. Да и звучит, можно сказать, философически, фундаментально. А лёгкая горечь во рту – это, конечно, от джема. Пора, пора покупать новую банку, а старую – на помойку!

Показав охране на входе пропуск, Махмуд зашагал к офисной башне. Впереди, сзади, слева-справа топали «американские коллеги», Махмуд поглядывал по сторонам, вспоминал сон и думал о том, что комитет, надо полагать, «даёт деликатные поручения» если не всем командированным за рубеж учёным, то наверняка каждому третьему-четвёртому. И что, все возвращаются в Баку с секретными материалами? Да нет, конечно же, нет! «Поэтому ничего страшного, если и я окажусь в числе «неудачников»! Нулевой результат не греет душу и не двигает вверх по карьерной лестнице, зато не вредит здоровью», – трезво, по-житейски мудро размышлял Махмуд, в который раз вспоминал приснившихся полицейских и на всякий случай сплёвывал через левое плечо.

До входа в башню оставалось метров десять, как вдруг из её дверей вывалилась пара «коллег», в руках какие-то приборы, у одного, что постарше, портфель набитый и ящичек небольшой, но, судя по гримаскам на лице ветерана, тяжёленький. Тот, что помоложе, бойко в сторону цехов устремился, на коллегу поотставшего оглянулся, озабоченно крикнул:

– Быстрее, Джон, опаздываем! – и нет, чтобы вернуться и помочь отстающему – заспешил-заспешил и исчез за углом цеха.

Махмуд – человек восточный, почтение к старшим – с молодых ногтей, поэтому размышлять особо не стал, «на автомате» уважение к «аксакалу» проявил, ящичек из руки слабой подхватил, широко улыбнулся:

– Я вам, мистер, помогу! – и к цехам заторопился.

За спиной «аксакал» сопит, путь Махмуду репликами короткими указывает. Добежали так до пирса, с «пассажира» уже руками машут, кричат, чтобы поторапливались. Взбежал Махмуд по трапу, ящичек в руках, что делать с ним, не знает, оглянулся – «аксакал» на борт еле успел! Отдышался – и к Махмуду. Сверкнул вставными челюстями, коротко поблагодарил за любезность, ящичек подхватил, по палубе топ-топ – и исчез за надстройкой. Махмуд плечами пожал: ну что взять с этих американцев – прагматики, никакой душевности, одни улыбки фальшивые, – повернулся к трапу – а того уж нет! Пирс – где-то там, за кормой, и «пассажир» обороты набирает, набирает! При таком ходе, прикинул Махмуд, через пару часов кораблик окажется в Мексиканском заливе!

Пот холодный прошиб Махмуда. Понял, хоть и с опозданием досадным, доктор наук, что попал он в положение идиотское: «пассажир» ради него, случайно на борту оказавшегося, к пирсу возвращаться не станет! И без того опаздывает! А прыгать, как в кино, в грязную ледяную воду канала и плыть к берегу – нет, вариант несерьёзный: «Либо утону, либо воспаление лёгких!» И как, как теперь объяснишь в бюро

и прогул (знают ли вообще американцы такие слова?!), и этот странный круиз?! «Кто, кто поверит, что на борт «пассажира» меня привели доброта, желание помочь ближнему и цепь случайностей?! Ещё, если «пассажир» к установке направился, в промышленном шпионаже обвинят!» – ужаснулся Махмуд. От мыслей тревожных потянуло доктора наук в гальюн¹.

Хорошо, мимо матросик пробежал. Схватил его Махмуд за локоть, строго спросил: где? Матросик оказался любезный: довёл Махмуда куда надо и даже за ручку дверную подёргал. Занят оказался гальюн, матросик плечами пожал и побежал дальше служить. Минут через пять гальюн освободился, Махмуд изнутри заперся, дело нехитрое сделал, а главное – думу стал думать: «Похоже, «пассажир», на который попал я волей случая, идёт туда, где мне быть не положено. Но я-то на борт не стремился! «Аксакал», если что, подтвердит, что это он, он, старец немощный, заставил меня ящик тот треклятый тащить! Форс-мажор, одним словом, и я ни в чём не виноватый! А если «пассажир» идёт к установке секретной, совсем хорошо: не сфотографирую, так запомню, в Хьюстоне схему монтажную набросаю и чекистам в Баку всё как надо доложу! Удача, похоже, улыбнулась мне – да ещё широко и мощно!»

От мыслей приятных забыл Махмуд и про сон вещей, и о прогуле офисном, из гальюна вышел, на палубу поднялся, решил, что лучше быть у команды на виду. И даже, чтобы дошло до американцев, что у стажёра никаких тайных мыслей об установке секретной, что во всём виноват форс-мажор треклятый, надо найти капитана и объяснить-разъяснить ему «особенности текущего момента»!

До капитана Махмуд, ловя встречных и дорогу в рубку выпрашивая, добрался минут через десять. Послушал кэп «стажёра из бюро», ухмыльнулся, позвал матроса, велел отвести «лишнего пассажира» в кают-компанию, дать «гостю» кофе и сэндвичи. А сам с берегом связался, доложил об инциденте скупое, по существу, инструкций запросил.

Через час берег ответил, и отвели Махмуда из кают-компании в какой-то закуток на нижней палубе: ни иллюминатора, ни свободного выхода (даже в гальюн). Хорошо, гуманисты и радетели прав человеческих хоть стул принесли и журнальчик глянцевого на колени кинули!

Из «офисной башни» по протоколу «о мерах безопасности» об инциденте на «пассажире» сообщили (по телефону) специальному агенту ФБР Терри Адамсу. Спец-агент задал несколько уточняющих вопросов – и загрустил: если исходить из фактов, оснований для задержания гражданина СССР у него нет. А если нет «правовой базы», русские, надень ФБР наручники на этого Агазаде, начнут кричать о политической провокации и грозить «зеркальными мерами»! Да, да, политической воли у них с избытком: легко задержат в Москве американца, а потом предложат обмен «нашего на вашего». Приём хорошо известный, не раз проверенный, эффективный.

«И что мне делать с этим стажёром? – мучился сомнениями Адамс. – Отпустить? А мне постфактум за это обвинения в симпатиях, а то и в пособничестве Советам?! Посадить в камеру на неделю-другую? Москва начнёт бомбардировать нотами Вашингтон, требовать освобождения «жертвы политической провокации»! Опять мальчишечком для битвы окажусь я, не нарывший серьёзных улик против русского! А где их взять, если на борту судна он оказался случайно (подтверждено очевидцами), прятаться в трюме не стал, напротив, сразу сообщил капитану: вот он я, скорее высаживайте меня на берег! Придётся звонить боссу: пусть думает, задерживать стажёра или отпускать! А не решит сам, «проконсультируется с коллегами» из Лэнгли!»

¹ Гальюн (голл.) – уборная (клозет) на судне.

К полудню донесение агента Адамса о «хьюстонском инциденте» дошло до Дэна Харриса – начальника Четвёртого отдела Управления контрразведки ФБР. Поразмыслив над фактами, изложенными в донесении, Харрис решил, что «хьюстонское дело», если раскручивать его строго по закону, на промышленный шпионаж не потянет. Есть, правда, «оперативная перспектива» – вербовка Махмуда Агазаде. Вопрос, как этого добиться. Шантаж? «Прижать» стажёра страшилками-обвинениями в «промышленном шпионаже»? Но серьёзных улик против этого Махмуда нет, стажёр, если он не дурак, это понимает, поэтому «прижимать» – кроме психологического прессинга – нечем. Предложить сотрудничество за «большие доллары»? Но это сфера интересов парней из ЦРУ. «Придётся следовать протоколу – звонить в Лэнгли и «консультроваться», – решил Харрис, – а там пусть ЦРУ решает: отпускать Агазаде (нам это не трудно), раскручивать дело о промышленном шпионаже (ох, тернист этот путь!) или передавать стажёра «коллегам» – для нас вариант идеальный», – сладко зевая, решил Харрис.

К пяти часам вечера отчёт ФБР о «хьюстонском деле» лёг («для консультаций») на стол Пола Сандерса – начальника Восточного отдела Оперативного директората ЦРУ. Первая реакция Сандерса после беглого ознакомления с опусом федералов – Махмуд Агазаде не представляет для Управления никакой оперативной ценности. Его можно депортировать: несанкционированное появление стажёра на борту судна, плывущего к секретной буровой установке, на промышленный шпионаж, увы, не тянет, но остаются вариации с интерпретациями, «высокая вероятность» и прочий вербальный хлам, достаточный для ноты Госдепа, высылки из страны и десятка статей в «партнёрских изданиях». Или, взяв под наблюдение, оставить в Хьюстоне до истечения срока стажировки – ни вреда, ни пользы интересам США это не принесёт. Депортация, федералы правы, сулит определённые политические осложнения между СССР и США, наблюдение – пустую трату времени и сил контрразведчиков Управления: после «инцидента» стажёр станет очень, очень осторожным, и, если в Хьюстон он прибыл с заданием от гэбистов, теперь наверняка «отойдёт от дел». Сандерс откинулся на спинку кресла, закрыл глаза: «Неужели из «хьюстонского инцидента» нельзя выжать хотя бы гран пользы для Америки? Где ты, откровение?!»

Откровение не заставило себя ждать, и через час Сандерс позвонил в секретариат третьего человека в иерархии Управления – исполнительного директора ЦРУ Лесли Ронгара.

Выслушав доклад Сандерса, Ронгар не смог скрыть удивления:

– Даже если стажёр, судя по докладу федералов, случайно оказавшийся на борту судна обеспечения, видел установку, – ФБР, кстати, в этом сомневается, – что эта информация может дать русским? Что установка создана и проходит испытания? Не имея технической документации, технологий производства и специалистов, способных изготовить установку, Советы не смогут ещё лет двадцать-тридцать создать её аналог. В таком случае, не слишком ли радикальные «ответные меры» вы предлагаете, Сандерс? Вряд ли они станут триггером для международного скандала, но...

Ронгар подумал, что через три года ему занимать место в Сенате. Разговор с Сандерсом, разумеется, за пределы кабинета не выйдет. Не должен выйти. Но, если страхуешь дом, машину, здоровье, глупо отказываться от полиса на «большое политическое будущее». Ронгар вздохнул, раздумчиво, играя модуляциями, изрёк (цитата для истории, да и только):

– ...Но Америка – это образец демократии, верховенства закона и торжества прав человека! Нет, Пол, мы не можем так поступить!

«Старый комедиант, фарисей, лицемер! Когда в Далласе по Кеннеди работали, так не страховался! Но сыграно отменно! Браво, Лесли!» – зло подумал Сандерс и с почтительностью (насквозь фальшивой) к мудрости и высоким личным достоинствам исполнительного директора («Миф чистой воды!») отчеканил:

– Вы правы, как всегда, правы! Но...

Выдержал паузу, изобразил душевные муки и, тщательно подбирая слова, раздумчиво произнёс:

– В августе 1945-го мы сбросили на японцев ядерные бомбы. Вот уже два десятилетия гуманисты пишат о немотивированной жестокости Америки: зачем было бомбить Хиросиму и Нагасаки, если Япония всё равно проиграла войну?! Но гуманисты (это слово Пол произнёс с подчёркнутой брезгливостью) забывают, что «Малыш»¹ и «Толстяк»² спасли жизни сотен тысяч американских солдат! Увы, гуманизм не абстрактен, а конкретен – либо жизни двух сотен тысяч япошек, напавших на Америку, либо миллиона американских парней, которые могли бы погибнуть при высадке на Японские острова!

Пол изобразил на лице «адские душевные муки», достал из кармана носовой платок, «промокнул лоб», неторопливо продолжил:

– В Хьюстоне, к сожалению, мы также стоим перед выбором: либо проявить гуманизм, сохранить жизнь стажёру, но пожертвовать национальными интересами Америки, либо решительными мерами закрыть нашему главному противнику путь к технической документации плавучей буровой. А значит, не дать СССР шанс стать экономически сильнее! Потому что, получив документацию, русские построят установки, аналогичные нашему «Моголу», и начнут разведку на шельфе! На первом этапе, очевидно, каспийском...

Ронгар прищурился, потёр подбородок, вспомнил, что (кинул взгляд на запись в блокноте) 21 марта 1961 года в Западной Сибири в районе селения Мегион русские нашли нефть³. Как уверяют московские источники, речь может идти о миллиардах тонн. Подумал, что добыча сибирской нефти на десятилетия станет для русских приоритетом – ставить вышки, бурить, прокладывать трубопроводы на суше Советы умеют неплохо. И сделал вывод: в Западную Сибирь, а не в шельфовые проекты, потекут финансовые потоки Советов! Решил, что Сандерс явно преувеличивает «угрозы», исходящие от стажёра... как его там? Заглянул в блокнот: имя сложное, и не выговоришь – Агазаде...

Пол с напором продолжил:

– В случае успеха на шельфе добыча нефти в СССР вырастет, и советская экономика станет мощнее. Следовательно, укрепится и оборонный потенциал русских!..

«Сандерс – профи, но при всех своих достоинствах он лишён главного – стратегического мышления! Посадить русских на нефтяную иглу, создать иллюзию, что экспорт сырья в обмен на нефтедоллары обеспечит им выдающийся экономический

¹«Малыш» (Little Boy) – атомная бомба, сброшенная США 6 августа 1945 года на японский город Хиросиму. Конструкция бомбы – пушечного типа, принцип действия основан на создании критической массы урана-235 путём сближения двух подкритических масс в орудийном стволе. Длина «Малыша» – 3200 мм, диаметр – 710 мм, полный вес – 4090 кг, масса уранового заряда – 60 кг, расчетный тротилловый эквивалент (ТЭ) – 10-15 кт. Общее число погибших от взрыва – от 90 до 166 тыс. человек.

²«Толстяк» («Fat Man») – атомная бомба, сброшенная США 9 августа 1945 года на японский город Нагасаки. Активный материал бомбы – легированный плутоний-239, заряд изготовлен в виде полого шара, состоящего из двух половинок, внешний диаметр шара – 80-90 мм, масса – 6,1 кг. Максимальный диаметр бомбы – 1520 мм, длина – 3250 мм, полная масса – 4680 кг, расчётный ТЭ заряда – 22±2 кт. Общее число погибших от взрыва – от 60 до 80 тыс. человек.

³Начальник разведочной экспедиции – Фарман Гурбан оглы Салманов (1931–2007) – советский и российский геолог-нефтяник, один из первооткрывателей сибирской нефти, Герой Социалистического труда, член-корреспондент РАН.

рост, а в нужное время, обвалив мировые цены на энергоносители, обложив Советы санкциями, вогнать их экономику в коллапс – план поистине гениальный! И если для победы в Большой «холодной» войне надо разыграть «хьюстонский гамбит», то есть пожертвовать малым – документацией на «Могол», чтобы русские вскрыли шельф Каспия и «глубже вогнали в советскую экономику нефтяную иглу», – ну что ж, это будет мудро и прозорливо», – подумал Ронгар и поднял на Сандерса смеющиеся глаза.

– Поэтому уже не важно, – отчеканил Пол, – была у стажёра цель добраться до установки или на борту судна он оказался в результате стечения обстоятельств. Если цель была – Махмуд Агазаде шпион, и наша совесть чиста. Если во всём виноват случай – стажёр просто неудачник, оказавшийся не в то время не в том месте.

В кабинете повисла тишина. Ронгар подумал-подумал и решил, что смелую стратегию «нефтяной иглы», частью которой может стать «сброс чекистам чертежей» на «Могол», в Вашингтоне вряд ли оценят по достоинству...

А Пол Сандерс выждал минуту, хмыкнул, поиграл бровями и веско изрёк:

– Год назад в Тегеране персы решили припугнуть русских. У САВАК был неплохой план, наш резидент его одобрил... Но русские жестоко наказали наших союзников! Резидент докладывает, что персы стали осторожнее – потому что не забыли того жестокого урока. Макиавелли прав: «Благодарность проходит быстро, страх – никогда»!

Ронгар вспомнил, как в 1953 году президент Дуайт Эйзенхауэр, принимая решение о судьбе русских шпионов Розенбергов, заявил: «Казнь двух человек – печальное и тяжёлое дело... Но ещё более ужасна и печальна мысль о миллионах погибших, чья смерть может быть прямо отнесена к тому, что эти шпионы сделали». Эйзенхауэр слукавил, размышлял Ронгар. Во-первых, казнённые шпионы лишь помогли СССР сократить сроки создания атомной бомбы – и без Розенбергов у русских появились бы свои «малыши» и «толстяки». Во-вторых, «ужасная и печальная» мысль президента о миллионах погибших американцев – не более чем риторический оборот: нет войны, нет и жертв. Но в главном Эйзенхауэр прав: в случае обмена ядерными ударами в США погибнут миллионы («В СССР – тоже, но об этом пусть печалются в Кремле!»), и часть вины за эти жертвы всё равно ляжет на Розенбергов. «Да, и ещё – Сандерс прав! – смерть стажёра – это посеянное зерно страха! Оно даст всходы и русские умерят аппетиты!»

– Согласен, Пол, – кивнул Ронгар. – Как это ни прискорбно, но из двух зол Управление вынуждено выбрать меньшее – нейтрализацию стажёра. И несчастный случай – это идеальный вариант. С людьми, хорошо, с изрядной порцией виски, поужинавшими, а затем отправившимися ночью, при порывистом ветре, поплавать по каналу, такое иногда случается...

Ронгар подавил зевок, потянулся за ручкой, подписал оперативный план, с которым явился Сандерс, и с отлично сыгранной печалью изрёк:

– Кто мудр, чтобы разуть это? Кто разумен, чтобы познать это? Ибо правы пути Господни, и праведники ходят по ним, а незаконные падут на них. Это Библия, Пол, Книга пророка Осии, глава 14, стих 10.

Сандерс почтительно склонил голову – в эрудиции, в умении ловко, к месту, ввёртывать цитаты, Ронгар – гроссмейстер! И, ловя мгновение, изложил «планы на перспективу»:

– Стажёра к установке привёл случай: если бы в бюро у русских был источник, Агазаде не отправился бы в Мексиканский залив. При этом мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть причастность стажёра к работе советской разведки. Тем не менее, с высокой вероятностью можно предположить, что разведка Советов поставила перед собой цель – получить документацию на буровую установку, и Агазаде – «первая ласточка» русских. Следовательно, в Хьюстоне обязательно появятся

новые шпионы – из КГБ или ГРУ¹, не важно. И тогда мы сыграем на опережение – сами, через нашего агента, отдадим им чертежи установки, в которых остойчивость конструкции будет нарушена тонко и деликатно. Советы построят установку, спустят её на воду, лже-«Могол» покачается на волнах, опрокинется... и затонет! СССР потеряет время, деньги, людей и – не исключено, надолго – интерес к плавучим буровым!

– Предложение интересное, – кивнул Ронгар. – Но его реализация потребует немалых финансовых затрат, привлечения не одного десятка сотрудников Управления, ну и «высоколобых», которым тоже надо платить поэтому пока, Пол, определите круг специалистов, имеющих доступ к чертежам установки. Думаю, это будет не трудно. Затем объясните им, что если кто-то из непосвящённых, особенно из СССР, проявит интерес к секретной документации, им следует, во-первых, «взять время на размышления», во-вторых, сообщить о контакте нам. Действуйте, Пол!

Сандерс боднул воздух, шагнул к выходу из кабинета. Ронгар, вспомнив о важном (стажёр – так, мелочь, жаль потраченного на него времени), с нажимом бросил ему в спину:

– Кстати, Пол, как идёт разработка этого, как его... – Ронгар заглянул в блокнот, усмехнулся. – Ну и имена у этих туземцев – и не выговоришь! Так вот, если психологический портрет молодого замминистра общественного порядка Грузии, составленный нашим источником в Тбилиси, верен, этот кадр – в качестве послушного агента влияния! – со временем принесёт нам немало пользы!

– Работа идёт! Результаты – согласен с вами! – обещают, как и с известными вам персонами – они стажировались у нас в Колумбийском университете – быть отличными! – бодро откликнулся Сандерс.

«Да, план Аллена² по уничтожению России поистине гениален! Тайные – до поры до времени – агенты влияния в элитке России, беспринципные самодуры с гипертрофированным самомнением, алчные коррупционеры, рвущиеся к власти ничтожества сделают за нас всю грязную работу! – пронеслось в возбуждённом сознании Ронгара. – Мы взрастим предательство, посеём национализм, разожжём вражду народов! Прежде всего – туземцев к русскому народу! Мы запалим окраины империи! Мы вырастим в СССР продажные элиты, мы изменим сознание народа, победившего нацизм, мы вложим в затуманенные «демократической трескотнёй» головы советских людей наши ценности! Мы погрузим СССР в хаос – и великая империя рухнет! А её природные богатства мы возьмём под свой контроль! Что по сравнению с этой великой целью какой-то там «Могол»? Ничто – пыль! Но и песчинками пренебрегать мы не будем».

– С грузином будьте аккуратны, Пол, не торопите события! – усмехнулся Ронгар. – Потраченные на него время и деньги имеют для нас значение, но превыше всего – конечный результат!

«Раскудахтался, старый хрен, цитатами из будущих мемуаров! Возомнил себя вершителем истории! А не пошёл бы ты...» – зло подумал Сандерс, почтительно склоняясь в полупоклоне перед «мудростью босса».

Около девяти вечера Сандерс вызвал в кабинет Боба Мэрфи. «Улыбчивый сандист с жёсткой хваткой – такой мне сейчас и нужен», – ухмыльнулся Пол и протянул агенту отчёт федералов.

Пошелестев страницами, Мэрфи перевёл смеющиеся глазки на босса и замер, словно бойцовский пёс, в ожидании команды хозяина.

¹ ГРУ – Главное разведывательное управление Генерального штаба Вооружённых сил СССР.

² Аллен Даллес (1893–1965) – американский дипломат и разведчик, один из создателей ЦРУ. В 1953–1961 годах – директор Центральной разведки США (и ЦРУ).

«И в ФБР не ангелы, но этот Сандерс – просто мясник!» – с брезгливостью подумал Харрис, выслушав по спецсвязи витиеватый спич «коллеги».

– Я понял, дорогой Пол: с этой минуты «хьюстонское дело» – прерогатива вашего ведомства. Но, вы понимаете, если в Хьюстоне что-то пойдёт не по плану...

– Тогда, дорогой Дэн, вы прикроете наши задницы! – зло засмеялся голос в трубке и добавил: – К сожалению, и вы не можете этого отрицать, он видел секретную буровую установку, проходящую испытания в Мексиканском заливе.

– ...Стажёра на судне изолировали, – осторожно напомнил «коллеге» Харрис.

– Может и так, дорогой Дэн, а может и иначе! Но вы не можете гарантировать, что Советы, если стажёр вернётся на родину, останутся в неведении, где находится техническая документация на установку? Не можете, верно? Значит так, Дэн: Управление не сомневается, что в Хьюстоне, после того, как стажёр сообщит об установке советской разведке, в скором времени появятся другие агенты русских. Подкуп алчных, шантаж слабых, в конце концов, банально вскрытый сейф с чертежами... Вы понимаете, что в результате под угрозу будут поставлены национальные интересы Соединённых Штатов? Вы понимаете, что мы, во имя американского народа, во имя торжества демократических ценностей, вынуждены – любой ценой! – сломать Советам их коварную игру?!

– Разумеется... – начал Харрис – и замолчал. В сознании мелькнуло: «Ловко формулирует! «Национальные интересы», «сломать коммунистам игру» – крыть нечем! Хотя речь идёт о хладнокровном убийстве!» – и федерал жадно глотнул холодную минералку.

– Отлично, дорогой Дэн! «Познайте истину, и истина сделает вас свободным»¹! – хохотнул в трубку спецсвязи Пол Сандерс. – Мои люди вылетят в Хьюстон ближайшим рейсом, а ваши парни должны изолировать и хорошо покормить – большего от них пока не требуется – стажёра. Дайте ему на ужин побольше мяса, рыбы, ну и виски!

Харрис в сердцах бросил трубку, нервно забегал по кабинету, поминая про себя всеми известными ему непотребными словами и Пола Сандерса, и стоящую за ним Контору. Изощёрённый ненорматив немного остудил возбуждённый мозг федерала, Харрис подошёл к шкафу, достал стоящую на полке Библию, полистал, нашёл Евангелие от Иоанна, провёл пальцем по странице, шёпотом прочитал:

– Ваш отец – диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо в нём нет истины².

Харрис закрыл книгу, зло подумал: «Грёбаная Контора! Грёбанный Сандерс!», вернулся к столу, снял трубку телефона, холодно приказал:

– Соедините меня с Хьюстоном! Срочно!

Часа в три дня до Махмуда донеслись топот на верхней палубе, визг лебёдки, крики матросиков. «Похоже, приплыли», – решил Махмуд и забарабанил в дверь «камеры». Колотил долго (понимал, что на корабле аврал, не до стажёра сейчас команде) – кулаком, ногой, потом очередь дошла до стула. И дождался – на стук явился хмурый матросик, раздражённо забрызгал слюной. Махмуд, переминаясь с ноги на ногу, изображая нужду крайнюю, не стесняясь в выражениях, запросился в галюн. Матрос чертыхнулся, сбегал к ээпу, тот разрешил («А куда денется!» – ухмыльнулся Махмуд). Морячок довёл «арестанта» куда надо, зло бросил: «Пять минут!» – и исчез. Махмуд, когда его в начале путешествия «этапировали» из салона, путь к ближайшему иллиминатору запомнил («Вдруг пригодится?!»). И, как

¹ «И познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Евангелие от Иоанна, 8:32) – надпись, сделанная над входом в ЦРУ.

² Евангелие от Иоанна, 8:44.

только матрос оставил «пленника» без присмотра, «серой мышкой» заторопился к «точке». Шторку отдернул, к иллюминатору прильнул – и ахнул! Установка! Жадно глазами впился, через минуту развернулся – и к гальюну. Повезло Махмуду – успел обернуться до морячка. Тот, минуты не прошло, в дверь гальюна забарабанил. Вернулся Махмуд в «камеру», заулыбался радостно: суета на палубе скоро закончится, что требуется, погрузят-разгрузят, каких-то спецов бюро оставят на установке, других заберут на борт, развернётся кораблик – и в Хьюстон! «К полуночи отшвартуется «пассажир» у пирса бюро – и отпустят меня америкосы! Как в жилище вернусь, общий вид установки набросаю!» – мысли светлые, на перспективу, в голове вихрями могучими, победными!

«Пассажир» вернулся в Хьюстон около полуночи. Опять суета, топот, визг ледёнки. Махмуд, подремав на стуле часа три (шея болит, спину ломит, но перетерпеть можно), поднялся, помахал, разгоняя по жилам кровь, руками, довольно улыбнулся: «Я её всё-таки нашёл!» Через час Махмуд занервничал («Ещё забудут освободить «пленника» из заточения!»), в дверь «камеры» заколотил.

Не забыли про Махмуда, освободили: морячок дверь открыл, до трапа проводил, хорошей ночи на прощание пожелал. Одно смутило Махмуда, когда огляделся он на пирсе: коллег вокруг – никого, морячки тоже куда-то исчезли... Ну да ладно, не маленький, не заблудится, дорогу к пункту пропускному сам найдёт!

Хорошо было Махмуду, радостно, шёл, насвистывал, охране у проходной на прощание весело рукой помахал, те в ответ заулыбались, закивали. Сел в «фордик» Махмуд, к квартире съёмной покатил. И вдруг микробас из переулка выскочил, дорогу перекрыл. Успел затормозить Махмуд, ситуацию оценить и испугаться: «Ещё миг, и всё – смяло бы «фордик» от удара! Уберёг от смерти Аллах!» Лоб в испарине, руки дрожат, надо бы выйти, с баранами этими по-мужски разобраться! Или дверцу приоткрыть и пару тяжёлых фраз на прощание веско обронить? Не решил Махмуд, какой вариант лучше, а тут из микробаса к «фордику» двое двинулись. Подошли, фонариком ослепили, в нос документы какие-то сунули, сказали мягко:

– ФБР! У нас к вам, мистер Агазаде, несколько вопросов.

Махмуда словно током ударило, но волю в кулак собрал, ответил спокойно, с достоинством:

– Задавайте!

Федералы от наглости такой слегка опешили, один (видно, старший), за ручку на двери «фордика» подёргал (Махмуд успел её на всякий случай заблокировать), сухо процедил сквозь зубы:

– Спецагент Стивенс! В вашем автомобиле найдена фотокассета! Мы её проявили – очень странные снимки, мистер Агазаде! Вам придётся объяснить их происхождение!

Махмуда о возможных провокациях федералов-цэрэушников в комитете предупредили и инструкции чёткие дали, как действовать, если случится худшее.

– Фотокассета?! – голос у Махмуда просел, во рту пересохло – стресс, как никак! Но собрался, вдохнул глубоко, ответил твёрдо, решительно, можно сказать, нагло: – Кем обнаружена?! Когда?! При каких обстоятельствах?! Где подписи понятых?! Где результаты дактилоскопии?! Это провокация! Вам нужен международный скандал?! Вы его получите! Требую советского консула!

Федералы переглянулись, хохотнули, ультиматум поставили: либо Махмуд добровольно отправляется с ними «в офис» («Туда же пригласим консула!»), либо «мы применим силу». Делать нечего, пришлось Махмуду подчиниться произволу.

«Офис» федералов оказался скромным строением, похожим на яхт-клуб средней руки: два этажа, окна выходят на канал, у свай причала вода плещется. Махмуд и федералы выбрались из микробаса, протопали по мокрым доскам, вошли в «офис». Оглядеться Махмуду не дали, сразу провели в комнату без окон (в центре – стол металлический, ножки привинчены к полу, в углу – раскладушка, на ней постельный комплект). Появился третий, хмурый, заспанный, в руках подносик с чашкой кофе и эндвичем. Спецагент Стивенс улыбнулся, мягко произнёс:

– Вероятно, советские дипломаты встретятся с вами ближе к полудню. Пока отдыхайте!

Когда за федералами закрылась дверь, Махмуд шагнул к столу: красивый жест – отказ от подачи американцев и гордое объявление голодовки! Но силы ему пригодятся, поэтому выбирать не приходится – и в пять минут умял скромный «ужин».

Свет в комнате федералы не погасили. Махмуд размял руки, ноги, пару раз присел-наклонился, подумал, что командировка в Хьюстон, похоже, заканчивается досрочно, для Штатов он станет невъездным, но в Баку вернётся «не с пустыми руками». А карьера... Ну, с карьерой всё будет отлично! Если в Баку он вернётся с ценной информацией, КГБ ведь не оставит его своей заботой?!

Раскладушка скрипнула, Махмуд повернулся лицом к стене (чтобы свет не тревожил) и погрузился в приятную дрему.

Лязгнула дверь, две пары ног протопали к столу, в комнате вкусно запахло жареным мясом, сладкой сдобой. Махмуд открыл глаза, встретился взглядом со Стивенсом, тот широко улыбнулся:

– Консул будет через восемь часов, а пока, мистер Агазаде, позавтракайте за счёт заведения!

Спецагент и второй, невысокий, но крепкий, даже под пиджаком видно, как играют бицепсы, ослабились, закивали, развернулись и вышли. Приземистый в дверях обернулся, хитро подмигнул Махмуду. Стивенс, пока неизвестный строил рожицы, почтительно стоял за спиной гориллы. Дверь закрылась, звякнул ключ в замочной скважине, от скверного предчувствия у Махмуда пробежал холодок по спине.

«Не паниковать, в будущее смотреть с оптимизмом! – засуггестировал¹ Махмуд. – Сначала вкусный завтрак (ранний, даже чересчур, но что поделаешь!), потом придёт консул – а с ним и свобода! И пошли вы тогда, янки, с вашей провокацией куда подальше!»

Махмуд умял стейк, проглотил булочку с джемом, выпил кофе, посмотрел на часы: пять утра, ещё несколько часов ожидания, и в «офисе» появятся консул и офицер безопасности советского посольства. Махмуд улыбнулся: «Скоро, скоро свобода!». И вдруг дверь распахнулась, и в комнату ввалились четверо. Махмуд вздрогнул, попытался подняться с раскладушки, но один из ворвавшихся цепко ухватил его за лодыжки, второй – за кисти рук, третий зажал коленями голову, цепкой клешней в перчатке – нижнюю челюсть. А четвёртый, та самая улыбчивая горилла, приносившая ужин, аккуратно пропихнула в ноздрю Махмуда тонкий резиновый шланг с воронкой на втором конце. Горилла хитро подмигнула стажёру и засмеялась:

– Всё будет хорошо!

Потом взяла со стола открытую бутылку виски («С собой принесли...» – механически отметил Махмуд) – и по шлангу потекла жгучая струя.

¹ Суггестия – самовнушение.

«Ночью, на лодке, подплыть к «пассажиру», забраться на борт, спрятаться в шлюпке – и не было бы этого кошмара, не было бы... Ошибся я... ошибся... пере-страховался...» – мелькнула у Махмуда здравая мысль – запоздалая, досадная, лишённая практического смысла.

Около шести утра двое крепких парней выволокли Махмуда из «офиса» (на голове стажёра – тёмный мешок, на ногах, цепляющих доски причала, – резиновые сапоги). Следом вышел Мэрфи, удовлетворённо хмыкнул, со смешком бросил подручным в гидрокостюмах, устроившимся у края причала на складных стульях:

– Вперёд, парни, время не ждёт!

Аквалангисты, помогая друг другу, закинули на спины баллоны с воздухом, надели маски, зажали во рту загубники аквалангов.

Мэрфи огляделся, хлопнул в ладоши, и аквалангисты спрыгнули с причала в воду. Мэрфи подошёл к Махмуду, стянул с его головы мешок, засмеялся и толкнул в спину. Махмуд упал в воду – холод обжёг тело, запах тины ударил в нос. «На рефлекс» попытался удержаться на плаву, но чьи-то сильные руки ухватили за правую, потом за левую лодыжку и потянули вниз – на дно канала. Махмуд заколотил по воде руками, из последних сил выдохнул:

– Что вы делаете... вы же люди... не шакалы... жить... или умереть... решает Аллах... опомнитесь...

Мэрфи приложил ладонь к уху, пытаясь уловить, что слетает с губ русского («Вдруг нечто ценное?»). Разобрал – и брезгливо поморщился.

Отчаянный призыв захлебнулся в хлынувшем в горло Махмуда мутном потоке грязной канальной воды. «Странно, вся жизнь перед глазами не пролетает... и почему-то не страшно... совсем не страшно...» – последней вспышкой сознания мелькнуло у Махмуда. А потом словно кто-то вошёл в комнату без окон и погасил свет.

Мэрфи кинул взгляд на циферблат хронометра, засёк время, пихнул в рот сигарету, кинул взгляд на тёмное небо, в голове пластинкой заезженной: «Я просто исполнил свой долг. Да, у меня грязные руки, но чистая совесть: я защищаю Америку! В отличие от умников, болтающих о свободах, правах человека и прочем дерьме!» Мэрфи лукавил: от убийства русского он получил наслаждение – этакий духовный оргазм палача. Это – правда: злая, низвергающая, словно библейского Каина, в преисподнюю. Правда, в которой не признаются даже себе. Правда, которую подменяют возвышенной ложью.

Подручные достали из мешка резиновую лодку Махмуда, накачали баллоны, уложили на доски причала сумку, вёсла, спиннинг. Мэрфи запихнул в сумку «Кэнон», закрыл «молнию», махнул рукой. Двое в чёрном спустили лодку на воду, уложили на её днище сумку, вёсла, части спиннинга, оттолкнули «плавсредство» от причала.

Минут через пять на поверхности воды появились аквалангисты, подручные Мэрфи помогли им выбраться на причал, снять баллоны.

– Отличная работа, парни, грузимся! – хохотнул Мэрфи и первым шагнул к микробасу.

Спецагент Терри Адамс педантично выполнил указания начальника Четвёртого отдела ФБР – хьюстонские федералы «передали» Махмуда Агазаде «коллегам» из Лэнгли и «забыли» о контакте с гражданином СССР. А когда из канала спустя два дня выловили тело утопленника, Терри лично проконтролировал «полицейское расследование инцидента».

Вскоре в Хьюстон прибыли сотрудники советского посольства, которых Адамс, выполняя приказ босса, должен был убедить в том, что смерть стажёра Агазаде –

трагическая случайность. Это была самая сложная, нервирующая спецагента, часть задания: Адамс понимал, что с консулом в Хьюстон наверняка прилетят офицер безопасности и врач посольства – эти люди верят не словам, им подавай факты.

Осмотрев в полицейском морге тело «утопленника», Терри немного успокоился: парни из ЦРУ своё грязное дело, надо отдать должное их профессионализму, сделали безупречно.

– Можем начинать, – бесстрастно произнёс судмедэксперт и скосил глаза на русского консула.

Яркий свет люминесцентных ламп полицейского морга слепил глаза, от ледяного кондиционированного воздуха холодила кисти рук. «Сейчас здесь главный не я, и даже не офицер безопасности, а врач посольства, хотя и он специалист иного профиля», – мелькнуло у консула. Дипломат зябко повёл плечами, кивнул, судмедэксперт надел резиновые перчатки, снял широкую простыню с тела, лежащего на столе (нержавеющая сталь, желобки для стока крови). Консул и контрразведчик отвернулись, врач посольства шагнул к столу, спецагент Адамс положил на твёрдый переплёт папки протокол вскрытия, приготовился писать.

– Стойкая мелкопузырчатая пена вокруг отверстий носа и рта, окружность грудной клетки увеличена, – диктовал медэксперт, – в желудке жидкость, в которой произошло утопление, – этот факт надо подтвердить сравнительным анализом с химическим составом воды в канале... в желудке также остатки ужина... направить на химический анализ... в верхних дыхательных путях – ил и песок...

Медэксперт стянул перчатки, пожал плечами, обратился к врачу посольства:

– Причина смерти – механическая асфиксия в результате утопления. Похоже, коллега, ваш соотечественник плотно поужинал, выпил с полбутылки виски – это, извините, многовато, и отправился прогуляться на лодке по каналу. Потерял равновесие – увы, алкогольное опьянение, – перевалился через борт и... утонул в канале. Примите мои соболезнования.

Агент Адамс шагнул к консулу, протянул чек на надувную лодку, купленную Махмудом, протокол вскрытия и папку – чтобы удобнее было ставить автограф.

– Тело и вещи, найденные в лодке, вы можете забрать в любое удобное для вас время, – со вздохом, долженствующим изобразить глубокую скорбь, произнёс Адамс, спрятал подписанный протокол в папку, протянул врачу посольства пакет с образцами воды, крови и прочего для «домашнего анализа».

– Ну, что скажете?! – полковник Гусейнов обвёл энтээровцев мрачным взглядом. – Сколько надежд мы возлагали на Махмуда Агазаде! А каков результат?! «Эмиссар» напился – выпил почти бутылку виски! – и утонул в канале Хьюстона! Позор!

Полковник Эфендиев положил ладонь на копию отчёта, присланного из Москвы, поднял глаза на шефа (вопрос, хоть и риторический, задан, надо что-то сказать в ответ), раздумчиво произнёс:

– Странная история...

– Странная?! Чем?! – в бешенстве рявкнул нач-1.

– Лейтенант Абасов навёл справки среди сослуживцев Агазаде. Так вот, все в один голос утверждают, что Махмуд вообще не пил: ни водки, ни вина, ни даже пива.

– В отчёте Центра указано: перед утоплением Агазаде выпил около четырёхсот граммов виски! – уже спокойнее бросил полковник Гусейнов, поднялся из кресла, прошёлся по кабинету, у окна резко развернулся: – То есть не исключено, что Агазаде был убит, а ужин и виски – это так, камуфляж?

– Да, товарищ полковник, это наша версия. И если она верна, в Хьюстоне Махмуд Агазаде узнал что-то чрезвычайно важное для нас! Именно поэтому ФБР – или ЦРУ – заставило его замолчать!

Полковник Гусейнов вернулся к столу, выдвинул ящик, достал пачку фотографий:

– Тогда как вы объясните, что на этих снимках стажёр Агазаде – в компании американских коллег – держит в руках бокал, надо полагать, с виски?! Фотографии взяты из альбома Агазаде в Хьюстоне офицером безопасности посольства. В Баку был трезвенник, а Агазаде в Америку – и «расслабился»! Как вам такая версия, товарищ Эфендиев?!

Нач группы развёл руками:

– Академика Кулиева мы проинструктируем! Чтобы ни-ни! И, разумеется, в Хьюстоне он должен быть предельно осторожен!

– Скверное начало работы у группы НТР! – раздражённо бросил нач-1. – Главная надежда, пассионарий, доктор наук, стажировка в Хьюстоне – три месяца, трудись, добывай информацию – пьяный утопленник! Интересно, какие сюрпризы преподнесёт нам академик?!

Энтээровцы насупились, отвели глаза от гневного взгляда «начальства»: ситуация – та самая, когда «молчание – золото».

– Ладно, идите! – досадливо махнул рукой нач-1. – Да, и подумайте, как мы сможем – деликатно, без «засветки» – помочь семье Махмуда...

Глава восьмая **Хьюстон: нить Ариадны**

Из Баку до Хьюстона Паша Пашаевич добирался почти двое суток. Сначала вечерним рейсом на Ил-18 до Москвы. В столице, не преклонив главы, отправился (благо, транспортом обеспечили коллеги из всесоюзной Академии наук) из Домодедово во Внуково. Перекусив в аэропортовской ресторации, ранним (8.30 утра) рейсом на Ту-104 вылетел в Париж, оттуда «Французскими авиалиниями» в Лондон. На британскую столицу даже не взглянул – на четырёхмоторном «Боинге-707» (Boeing 707) вылетел из Хитроу в Нью-Йорк. Международный аэропорт, только-только, в декабре 1963-го, названный в честь 35-го президента США Джона Кеннеди, поразил Пашу Пашаевича масштабами, обилием пассажиров, количеством вылетов-прилётов в единицу времени и навязчивым сервисом. «В Баку, в Бина, как-то всё спокойнее, а здесь сущий Бедлам¹», – сделал вывод академик Кулиев и отправился переночевать (благо, казной оплачено) в местный отель. Ну а утром, наконец-то, на среднемагистральном ДС-3 (Douglas DC-3) – в Хьюстон, в Хьюстон! Пока летели над Европой, а затем над Атлантикой, Паша Пашаевич пролистал доклад своего выступления на конференции, сделал пару пометок, а потом занялся программой форума (организаторы заранее прислали в Баку). Изучив темы выступлений и краткую информацию о докладчиках, Паша Пашаевич отбросил персоны, которые вряд ли могли иметь отношение к секретной установке американцев. Для проведения селекции Паша Пашаевич использовал, во-первых, принцип географический (всех европейцев, азиатов, австралийцев и латиносов – в сторону, в «сухом остатке» – только американцы), во-вторых, принцип профессиональной специализации – геологи, нефтехимики и иже с ними к созданию установки вряд ли имеют прямое отношение, поэтому интерес могут представлять лишь спецы, занимающиеся исключительно механикой. Ну и (вспомнил Нефтяные Камни) гидротехникой. На поллёте к Нью-Йорку план поисков «секретного источника» у Паши Пашаевича был, можно сказать, готов: кандидатов всего

¹ Бедлам – психиатрическая лечебница в Лондоне. Название Бедлам стало нарицательным (вначале – синоним психиатрической больницы, позже – символ крайнего беспорядка).

пятеро, но «вектор поиска выбран верный». Что искать после зрелых размышлений тоже стало ясно (в первом приближении, конечно): секретная установка – непременно плавучая. Следовательно, это либо специальное судно, либо нечто, поддерживаемое гигантскими поплавками и фиксируемое системой якорей («Вероятно, с регулируемой натяжкой тросов», – отметил Паша Пашаевич). Не исключено, якорям помогает несколько винтов, установленных на поплавках. На буровой установке, само собой, специальные муфты, компенсирующие в максимально широком диапазоне «танцы» плавучего гиганта на волне. «Жаль, в программе конференции нет персон, читающих доклады по новым муфтовым веяниям, – окажись такие на форуме, через них можно было бы добраться и до плавучего американского секрета», – вздохнул Паша Пашаевич и пометил «цифирками приоритетов» пять выбранных кандидатов в «источники». Подумал-подумал – и добавил к ним два имени: научно-технические прорывы у этих персон в прошлом, сейчас ветераны больше консультируют-координируют, а значит, могут, могут иметь доступ к секретному проекту.

ДС-3 на бетонку аэропорта имени Уильяма Хобби сел «на два мягких касания». А когда пассажиры покинули лайнер, в небесах вдруг грянул гром, засверкали молнии, и на Хьюстон обрушился ливень. Паша Пашаевич решил, что это хороший знак: прохудишь небеса на полчаса раньше, ДС-3 пришлось бы искать «посадочные места» без грома и молний, и из трёх дней, отпущенных на конференцию, академик потерял бы минимум сутки.

В отеле (номер оплачен заранее) Пашу Пашаевича встретил шустрый «мальчик» из оргкомитета конференции: дежурная голливудская улыбка, с языка легко слетают штампованные фразы «Хьюстон – один из ведущих городов мира в сферах добычи и переработки нефти и природного газа!», «Хьюстон – энергетическая столица мира!» Быстро согласовали с говорливым «мальчиком» время и продолжительность выступления учёного из Азербайджана, участие в дискуссиях, культурную программу. Паша Пашаевич хотел было уточнить насчёт семи выбранных им «кандидатов в источники» – где, когда можно встретиться с этими «выдающимися учёными», мнениями обменяться, подискутировать, но вспомнил наставления полковника Эфендиева о бдительности и осторожности и ограничился улыбкой.

В номере Паша Пашаевич полистал буклетик: информация о судоходном канале, идущем от Хьюстона до Мексиканского залива («Расстояние – 50 километров!»), ему понравилась: «Если установка существует, её вполне могли собрать на здешних заводах, а потом отвести буксирами на шельф». Зайдя в ванную комнату, Паша Пашаевич поморщился: «Вода грязная – до шолларской¹ ей как до неба!» Утром академик, вышедшего на крохотный балкончик помахать руками, ждало ещё одно разочарование: «Дышать тяжело – воздух хуже, чем в Баку в Чёрном городе²!» Вспомнил Паша Пашаевич про «энергетическую столицу мира», про десятки нефтехимических предприятий Хьюстона, про нефтеперерабатывающие гиганты города и взгрустнул: «Да, работать приходится в экстремальных условиях!»

Доклад Паша Пашаевич прочитал на английском: о гигантских запасах нефти и газа на каспийском шельфе маститые в зале послушали не без интереса, хотя поаплодировали вяленько. «Теория, разведочным бурением не проверенная, но цифры я им привёл мощные! Если кто-нибудь спросит о нашем потенциале морской разведки, надо рассказать о Нефтяных Камнях, а потом поинтересоваться: «А как вы ре-

¹ Шолларская вода – родниковая вода из села Шоллар (Хачмазский район Азербайджана), отличалась вкусом и чистотой. Для доставки шолларской воды в Баку к концу 1916 года был построен специальный трубопровод.

² Чёрный город – название района Баку, где в конце XIX – начале XX вв. оказались сосредоточены нефтяные, загрязняющие окружающую среду, предприятия братьев Нобель.

шаєте проблему разведочного бурения на шельфе?» Может быть, кто-то, приобщённый к тайне, ненароком о секретной установке и проговорится...» – прикидывал, «планы оперативные строил» Паша Пашаевич, спускаясь с трибуны и направляясь к своему креслу в зале.

«Не подошли, не спросили, ну и ладно, – легко подумал Паша Пашаевич, когда завершились доклады и маститые повалили из зала. – Главная работа – в кулуарах!»

«В кулуарах» удалось прозондировать лишь двоих из «кандидатского списка». На тонкие подводки академика списочники отвечали банальностями. Один, сухонький, низенький, говорливый, а потому, как полагал поначалу Паша Пашаевич, «перспективный», вместо серьёзного делового разговора понёс сущую околесицу:

– А вы знаете, что в Хьюстоне сконцентрированы штаб-квартиры ведущих нефтяных компаний Америки, а значит, и мира?! А вы знаете, как это отразилось на экономике города?

Паша Пашаевич кивнул, дескать, догадываюсь, и тонко похвалил техасцев:

– О, вам можно экспортировать знания, технологии, новейшую технику!

На лесть знаток откровениями о секретной установке не откликнулся, лишь криво заулыбался и заторопился на «деловую встречу».

Второй списочник минут десять пел Паше Пашаевичу оды про кондиционеры:

– В Хьюстоне их сотни тысяч! Чувствуете, какой чистейший воздух, какая прохлада?!

Паша Пашаевич зябко повёл плечами («Как бы в таком холоде не простудиться!»), потянул носом («Резиной пахнет, и в горле першит – какая всё-таки дрянь эти кондиционеры!»), солидно кивнул: да, атмосфера на уровне!

«Либо ничего об установке не знают, либо, словно аргусы, секреты стерегут», – сделал вывод Паша Пашаевич, огорчился, что время потрачено впустую, потом успокоился, решив, что отсутствие результата – тоже результат, и с чувством выполненного долга отправился в ресторан – скромным, но сытным ужином восстанавливать растроченные за день силы.

Сначала подошёл к бару, чтобы дринком виски снять накопившееся напряжение. Бармен оказался навязчивым болтуном, стал рассказывать Паше Пашаевичу, сразу признав в нём иностранца, как во время Второй мировой войны все самолёты, все танки – и американские, и британские, и русские! – управлялись техасским топливом.

– Мы доплыли до победы по морю техасской нефти! – пропыхтел бармен с восторгом.

Паша Пашаевич не стерпел, нарушил строгую комитетскую инструкцию («Категорически избегать ситуаций, которые главный противник может использовать для политических провокаций!»), доходчиво объяснил американцу:

– Не знаю, как вы, а мы доплыли до Победы по морю азербайджанской нефти!

От второго дринка демонстративно отказался, повернулся к бармену спиной, стал осматривать зал, искать столик поудобнее. За колонной заметил Ричарда Брауна – его Паша Пашаевич в список свой кандидатский включил последним: человеку за семьдесят, от дел практических отошёл, всё больше координирует-консультирует да входит в организационные комитеты нефтегазовых конференций – в США и в Европе. «Отношение к секретной установке иметь может, но вероятность удачи невелика», – решил Паша Пашаевич, размышляя, стоит ли ему занимать столик поближе к мистеру Брауну, чтобы, значит, попробовать «крутануть» ветерана на установку тайную, плавучую, «Азнефти» необходимую.

Пока размышлял-прикидывал, заметил, как за столик мистера Брауна подсаели два незнакомца: костюмы цивильные, ничего примечательного, если бы не лица

– загорелые, обветренные. «Где в марте-апреле можно получить загар да продубить кожу? На берегу, на нефтяных промыслах Техаса? Не исключено. Но можно и в море – на борту секретной установки! Если версия моя верна, американцы успели и конструкцию разработать, и опытный экземпляр со ступеней спустить и в море на испытания вывести!» – дедуктивно («Как Шерлок Холмс!» – польстил себе академик) помыслил Паша Пашаевич, поманил хостессу, объяснил, что хотел бы столик подальше от джаз-бэнда, «ну хотя бы вон там». И, пока девица прикидывала, куда лучше посадить мистера, двинулся к колонне, за которой о чём-то оживленно шептались Браун и два парня с задубелыми лицами.

Саксофонист рвал воздух, Паша Пашаевич, лавируя между столиками, нехорошо думал и про джаз вообще, и про бэнд на ресторанной эстраде в частности. Хостесса догнала Пашу Пашаевича, решившего пристроиться поближе к Брауну (столик на четверых перед колонной, три места заняты), ухватила за локоток, увлекла в сторону от намеченной академиком цели. «Не повезло», – огорчился Паша Пашаевич, шагнул за хостессой к пустому столику на двоих. До Брауна и обветренных – метра три, разговор у них, прикидывая со стороны, интереснейший, но сакс и ударные – что твоя глушилка!

А дальше – игра случая, да и только: саксофон на мгновение сдох, ударник палочкой живот чешет, и в этот волшебный миг тонкий слух академика уловил чудесные слова «волна» и «динамическое позиционирование», произнесённые загорелым-обветренным. Потом опять включилась бэндовая глушилка, но «нить Ариадны» Паша Пашаевич ухватил, стал размышлять, как с Брауном в контакт войти, разговорить, к оговоркам-откровениям об установке секретной осторожно подвести.

Пока размышлял да прикидывал, Браун и обветренные из-за столика вдруг поднялись – и к выходу.

«Не успел, – огорчился Паша Пашаевич. – Ничего – законтактирую завтра!»

Но на следующий день Браун на конференции не появился. Задавать администраторам вопросы, координатор приболел или дела важные внимания авторитетного потребовали, не стал, а маститые в конференц-зале, наверное, не знают. От печали Паша Пашаевич, словно от мухи голодной, отмахнулся решительно – к чему огорчения, если главное он выяснил: установка для разведки на глубоководном шельфе у американцев есть, а добраться до секретов можно через тихого американца мистера Брауна! «Гипотеза, конечно, прямыми доказательствами не подтверждённая, зато косвенных предостаточно!» – весело подумал Паша Пашаевич и решил, что в Хьюстоне в оставшиеся часы рисковать и тянуть на себя инициативу нецелесообразно, а о форумных планах мистера Брауна на 1964 год надо разузнать. Узнал – деликатно и аккуратно – и с чувством исполненного долга отправился ужинать.

Вчерашняя хостесса дежурно улыбнулась Паше Пашаевичу и посадила академика подальше от эстрады – в тихом углу за колоннами. Столик, правда, оказался на четверых. «Подсадит ко мне цэрэушников – вот будет потеха!» – хмыкнул Паша Пашаевич и заказал подскочившему официанту стейк («Недорого, но сытно!») и – эх, гулять, так гулять! – бокал бургундского. А то, понимаешь, в книжках читал, а пробовать не пробовал!

Настроение у Паши Пашаевича было отличное. Расправляясь со стейком и прикладываясь к бокалу, академик прикидывал, как лучше отчитаться в Баку о «проведённой операции». И тут явилась хостесса, с ней – парень (хмурый, мрачный) с девушкой (глубокое декольте, обтягивающее платье, в глазах огонь и чёртики пляшут). Хостесса извинилась, развела руками: столики все заняты, так что делитесь, мистер, местом под солнцем!

«Не исключено, парочка из ЦРУ! Решили заманить меня в эту, как её?.. А, в «медовую» (вспомнил академик ликбез комитетский) ловушку! Мальчонка посидит-посидит, потом изобразит ссору с пассией и, полный показной ярости – или ревности, это уже вопрос стилистический – уйдёт. А девчонка глазки строить начнёт, дышать неровно, со страстью вулканической, чтобы, значит, кавказец раззадорился да девку заманил-совратил! Приманка в номере разоблачится, на кровати раскинется, а тут дверь нараспашку – и табуном агенты цэрэушные с фотоаппаратами! Щёлк так, щёлк этак, девка несовершеннолетняя, о, мистер, за совращение малолетней пожалуйста в Алькатрас¹! Как, не хотите в Алькатрас, хотите обратно в Баку?! Ладно, мы – гуманисты, мы – демократы, избавим вас от тюрьмы! Вот вам бумага о сотрудничестве с ЦРУ, подписывайте!» – сочинял, фантазировал, забавлялся, жевал стейк и пил бургундское довольный жизнью и собой Паша Пашаевич.

И вдруг парень нахмурился, прошипел девчонке что-то обидное и злое, та вспыхнула, ресницами заморгала, а кавалер из-за стола встал, салфетку в гневе бросил, развернулся – и к выходу. Девчонка ох, ах, а пышная грудь в декольте так и скачет, так и скачет: мёртвые, и те в гробах суставами заскрипели! А академик нет, чтобы на добычу лёгкую облизнуться да к делу интимному приступить, вослед кавалеру вдруг со смехом бросил:

– Молодой человек, если вы из ЦРУ, девушку «медовую» не забудьте с собой прихватить!

Пошутил, конечно, Паша Пашаевич про ЦРУ (настроение у него было отличное, опять же стейк и бургундское энергии добавили), улыбнулся язвительно и решил твёрдо, что пора, пора в номер возвращаться, вещи паковать, к отъезду готовиться.

Слова неожиданные, брошенные объектом разработки в спину, остановили, качнули, развернули агента ЦРУ Билла Кейси. Кавказец за столиком вместо того, чтобы, ловя момент, приударить за пышкой, покинутой кавалером (именно так было написано в плане операции, утверждённом боссом), нагло и публично посмеялся над Центральным разведывательным управлением США. («Как, как узнал?!» – ожгло Билла.) Хорошо, не над Управлением, а над агентом Кейси! Но это ещё хуже! Девка, когда начальство начнёт задавать вопросы (а ведь начнёт, потому что в успехе операции вербовочной, самим боссом разработанной, никто в отделе не сомневался!) о причинах провала, ткнёт пальцем в него, в Билла, – это он, бездарь и неумеха, во всём виноват!

Кейси вернулся к столику, зыркнул на девку строго – пошла вон! (операция провалена, приманка больше не нужна) – а что дальше делать, непонятно. Налил вина, глотнул, скопил глаза – кавказец вроде уходить собрался? Нет, так нельзя! Это ж полное фиаско! А главное – босс Биллом будет недоволен, самому мистеру Сандерсу ещё доложит! «На автомате» Билл включил диктофон (спрятан в кармане, микрофон вынесен на лацкан) и нервно брякнул первое, что в голову пришло:

– Вам понравилась Америка? Её мощь, сила, дух свободы?! («Босс наживку должен оценить по достоинству»!)

«Похоже, шутка о ЦРУ попала в десятку!» – удивился своей прозорливости Паша Пашаевич. По инструкции комитетской ситуацию надо гасить быстро и радикально: молча встать и уйти в номер. «Но этот цэрэушный клоп решит, что я испугался! Нет, уйти я всегда успею!» – лихо, по-гусарски, решил академик и стал сочинять «алгоритм ответного удара».

Паша Пашаевич равнодушно зевнул. Открыл портфель (дорогой, кожаный, пристроенный у ножки стола). Подвинул папку, нащупал диктофон (техникой снабдили

¹ Алькатрас – знаменитая тюрьма, расположена на острове в заливе Сан-Франциско, штат Калифорния. О её закрытии 21 марта 1963 года Паша Кулиев не знал.

комитетчики, чтобы процессы поиска носителя секретной информации после возвращения в Баку, на свежую голову, разумом коллективным анализировать), нажал кнопку записи. Положил, демонстрируя цэрэушнику готовность «к катапультированию» из ресторана, портфель на колени (микрофон ближе – запись лучше). Спокойно, внимательно и неотрывно, словно Вольф Мессинг¹, стал изучать рыбки глаза визави. Больше минуты «игры в молчанку» цэрэушник не выдержал, отвёл взгляд, и тогда Паша Пашаевич чётко произнёс:

– Спрашиваю с чисто научным интересом! Допустим, ваша «медовая ловушка» сработала. Ну а дальше-то что? Шантаж, угрозы, бумага о сотрудничестве? Допустим. Ну а дальше, что дальше?! Отчётное оправдание съеденных, пропитых в кабаках денег американских налогоплательщиков? Да, это мотив. Информация?! Но если Америка – это мощь и сила, зачем вам скромные достижения советской науки? Отсюда логический вывод: если ЦРУ вербует советского учёного, это Америка – слабая, а СССР – сильный, могучий!

Кейси нервно сглотнул: русский – софист, но такую запись боссу всё равно не отнесёшь! Вместо идеологической победы – полный разгром! В голове агента – ни одной свежей мысли, сплошные штампы, Билл и выдохнул нервно (надо же что-то ответить!):

– Америка – богатейшая страна! Для выдающихся иностранных учёных у нас отличные возможности! Лаборатории! Новейшее оборудование! Личные особняки! Счета в банках! Одним словом, весьма и весьма – в отличие от вашей страны! – обеспеченная жизнь!

Полномочий склонять академика Кулиева к невозвращению в СССР у Кейси не было – расстроенный «медовой» неудачей агент нёс откровенную, несанкционированную в Лэнгли, чушь.

Паша Пашаевич понял, что разговора полезного, открывающего новые цэрэушные приёмы вербовки, не получится: перед ним – малообразованный тупой идиот, голова которого забита скучными банальностями. Жаль потерянного времени, взгрустнул академик, но и уходить без венчающего победу решительного слова нельзя, никак нельзя!

– Особняк, «кадиллак», счёт в банке, колбаса и пиво в холодильнике (новейшее оборудование, которое крыть нечем, пришлось проигнорировать) – и это, болезные, предел ваших мечтаний?! Ну ответь мне, американец, «что значит человек, когда его заветные желания еда да сон?» Не знаешь? Записывай: «Животное – и всё»²!

Кейси тупо уставился на «объект разработки», в сознании заискрило откровение: «Вроде учёный, мудрый человек, а не знает, не понимает, что такое американская мечта! Ну как, как работать с такими дауншифтерами³?!»

А Паша Пашаевич сделал вывод, что цэрэушники «Гамлета» не читали или не смотрели, а если даже читали-смотрели, то не поняли. «Знал бы, что агент, полное интеллектуальное ничто, ни секунды тратить на идиота не стал бы!» – брезгливо подумал академик и на прощание «громко хлопнул дверью» (теперь можно и нужно!):

– Прощай, агент, не знаю, как там тебя звать! И передай своему боссу мой совет: ищите и вербуйте животных – это вашего поля ягоды!

В кабинете полковника Эфендиева на третьем этаже здания президиума Академии наук группа НТР слушала «хьюстонский отчёт» академика Кулиева.

¹ В.Г.Мессинг (1899–1974) – советский эстрадный артист, выступал с «психологическими опытами по чтению мыслей» зрителей.

² У.Шекспир. «Гамлет», акт IV, сцена 4.

³ Человек, исповедующий теорию «жизни ради себя», «отказа от чужих целей».

– Двое загорелых? Подслушанные слова «волна» и «динамическое позиционирование»? Не густо, – разочарованно «выразил общее мнение» полковник Эфендиев.

– Да, «не густо»! Но достаточно для того, чтобы сделать важнейший вывод: подходы к секретной установке надо искать через мистера Ричарда Брауна! – веско изрёк Паша Пашаевич, слегка обиженный скепсисом гэбистов. А про себя подумал, что чекисты и в технических вопросах разбираются слабо, и с дедукцией у них проблемы. «Но тут уж ничего не поделаешь – других партнёров по тайному фронту у меня нет! Поэтому инициативу надо брать в свои руки», – решил Паша Пашаевич и, не обращая внимания на хмурого и недовольного полковника, придвинул лист бумаги, набросал контуры поплавка, верхней платформы, буровой вышки. Потом заштриховал «дно», протянул от вышки к штрихам линию, коротко пояснил:

– Буровая колонна!

Чирканул стрелки, направленные к поплавку:

– Волновой вектор!

Добавил встречные стрелки и веско изрёк:

– Вот оно, динамическое позиционирование! Без него ветер и волны установку сдвинут – и буровая колонна будет снесена!

Академик решительно перечеркнул линию, соединяющую «дно» с «установкой», и стал излагать придуманный им «план дальнейших оперативных действий».

Теперь, как младший по званию, мнением которого руководство пока не поинтересовалось, молчал, на академика и начальника не смотрел – оценивал ситуацию: «Кулиев получил задание найти в Хьюстоне «источник информации». Нашёл? С высокой вероятностью – да, нашёл: это Ричард Браун. Этот человек достоин интереса за одно «динамическое позиционирование»! Брауна необходимо взять в разработку, поэтому от плана академика отмахиваться нельзя! Но решать начальству. Хотя, раз послали по миру уже пятерых, а за нить ухватился один Паша Пашаевич, у начальства выбора-то, по сути, и нет!»

План академика Кулиева был прост и прямолинеен: в мае в Лондоне очередная нефтяная конференция, в британскую столицу, как разузнал в Хьюстоне Паша Пашаевич, приедет и мистер Браун. И вот тут-то, где-нибудь «в кулуарах», Паша Пашаевич встретит объект разработки, скажет приятные слова, позовёт кофейку попить, подарит альбом красочный (фотографии исторического Баку, промыслов Биби-Эйбатских¹). Ну и Нефтяных Камней – на этот крючок и надо ловить американца! Заглотнёт – отлично! Не получится – ищите других героев, я сделал, что мог!

– Только раскручивать Брауна надо здесь, в Баку! В Хьюстоне на конференции цэрэушников было что комаров! Так и вились, так и вились вокруг! И в Лондоне, полагаю, будет то же самое!

– С чего вы так решили, Паша Пашаевич? – насторожился полковник Эфендиев.

«Нормальный вопрос, – подумал академик, – только рассказывать про девку в ресторации да диалог с цэрэушником не стоит. Ещё задумаются чекисты, не двойным ли агентом вернулся из Хьюстона Паша Пашаевич, проверки начнут устраивать! Нет, и «коллег» лучше избавить от искушения, и себе жизнь не осложнять!»

– Решил, следуя вашим инструкциям, – витиевато парировал академик Кулиев.

– То есть вы могли и переоценить опасность? – вставил, «ответ правильный подсказал», майор Бабаев.

– Конечно, мог! Но вы сами меня наставляли: лучше пере, чем недо!

¹ Биби-Эйбатское газоконденсатное месторождение расположено на Апшеронском полуострове, официальная дата открытия – 1871 год. И.И.Воскобойниковым на Биби-Эйбате в 1846 году была пробурена первая в мире нефтяная скважина.

– И это всё? – сухо спросил нач-1, выслушав доклад полковника Эфендиева «об итогах Хьюстона».

– Нет, Паша Пашаевич ещё план сочинил! – театрально вздохнул (с неприкрытым сарказмом) начальник группы НТР и пересказал «могучий академический замысел».

Полковник Гусейнов задумался. Железных фактов из Хьюстона «эmissар» не привёз: так, одна дедукция да «учёная интуиция». Но, кроме линии «мистера Брауна», других у комитета пока нет – это факт. Вывод: за неимением иных предложений план академика Кулиева необходимо одобрить, утвердить – ну и претворить! А дальше «эксперимент покажет», окажется жила пустой или «золотоносной».

– Ну что ж, поезжайте за помощью в Москву, в Госкомитет по координации научно-исследовательских работ, к товарищу Гвишиани... – раздумчиво произнёс нач-1.

Пребывание советских учёных на зарубежных научных форумах оплачивалось твёрдой валютой, распределяли доллары, фунты и прочие марки в Москве. «Квоты» на лондонский визит у Академии наук Азербайджана не было, поэтому, чтобы снарядить в мае Пашу Пашаевича в столицу Британии, нач-1 и отправил делегацию (группу НТР) в столицу СССР к Джермену Гвишиани – зятю Алексея Косыгина, первого заместителя Председателя Совмина СССР – за «внеплановым финансированием». Расчёт полковника Гусейнова строился, во-первых, на «кавказской солидарности», которую грузин должен был проявить к «соседам», во-вторых, на «солидарности корпоративной» – отец Джермена, как никак, видный (пусть и в прошлом) сотрудник спецслужб. Вон и для сына имя сочинил со смыслом глубоким, сложив неологизм из первых слогов фамилий Железного Феликса Дзержинского и его преемника Вячеслава Менжинского.

Перед отлётом «делегации» в Москву полковник Гусейнов проинструктировал (с глазу на глаз, уж больно разговор деликатный) руководителя группы НТР. Начал с простого: приказал получить в финчасти комитета оперативную наличность – заходить к Джермену Гвишиани без «щедрых даров Кавказа» – ход тактически неверный. Затем перешёл к вопросам, касающимся родословной Джермена. С одной стороны, отец Джермена – Михаил Гвишиани – человек заслуженный, авторитетный, сделавший, как говорят англосаксы, себя сам. Шутка ли, родился в многодетной семье батрака, образования не получил (ну, читать-писать с грехом пополам научился). Зато при советской власти вознёсся высоко – до генерал-лейтенанта НКВД-МГБ¹!

С другой стороны, в биографии родителя Джермена тёмных пятен предостаточно. Когда в органах до войны служил, много крови грузинских «профессиональных революционеров», ну и вольнолюбов – поэтов, писателей и прочих свободных художников – в ходе «чисток» пролил. Опять же руководителем личной охраны «кровавого палача» Лаврентия Берию был. А в 1944 году лично руководил депортацией с Северного Кавказа чеченцев и ингушей². В 1954 году Михаил Гвишиани был лишён звания генерал-лейтенанта, отправлен в отставку, сейчас живёт в Тбилиси, работает скромным спецом в Госкомитете по координации научно-исследовательских работ Грузии³.

¹ МГБ – Министерство государственной безопасности СССР (1946–1953 годы) – центральный госорган по борьбе с преступностью и обеспечением госбезопасности.

² В период с 23 февраля по 9 марта 1944 года с территории Чечено-Ингушской АССР в Казахстан и Киргизию было выселено от 500 до 650 тыс. чеченцев и ингушей. Официальный мотив депортации: «за пособничество фашистским оккупантам».

³ Михаил Гвишиани скончался в Тбилиси в 1966 году.

О том, что опального и малообразованного Михаила Гвишиани пристроил в грузинский Госкомитет сын Джермен, полковник Гусейнов вслух не сказал – зачем, если и так всё яснее ясного? – и сразу перешёл к главному, ради чего повёл речи свои деликатные. Глава партии и правительства товарищ Никита Сергеевич Хрущёв на историческом XX съезде КПСС гневно осудил и незакония сталинские, и приспешников диктатора, и депортации народов, следовательно, как ни крути, и деяния Михаила Гвишиани. А это значит, сколько ни повторять вслед за генералиссимусом «Сын за отца не отвечает», тень родительская кровавая на Джермене лежит.

С другой стороны, Джермен Михайлович – человек уважаемый и высокопоставленный, любимый, можно сказать, зять второго человека в правительстве. (Вскользь о том, что в 1948 году, когда Гвишиани-старший был ещё в силе, а наследник обучался в элитном Московском институте международных отношений, женился 20-летний Джермен на сокурснице, дочери товарища Косыгина Людмиле Алексеевне – крепко, одним словом, устроился в номенклатурной обойме.)

Помолчал с минуту полковник Гусейнов, посмотрел глазами грустными на начальника группы НТР, оценил, проникся ли наставлениями мудрыми полковник Эфендиев, и изрёк установочно:

– В Москве, как вы поняли, никаких, даже случайных, упоминаний о Гвишиани-старшем. (Хотел – для закрепления материала – добавить лихое англосаксонское «Не будите спящую собаку», но решил, что Эфендиев и так всё хорошо запомнил.) О высоком родственнике в правительстве, если к месту и с приличествующим почтением – можно и нужно. Имя Брауна, если спросит Джермен Михайлович, за какой надобностью нас потянуло в Лондон, называть не надо – ограничьтесь обтекаемыми «интересами государственной безопасности».

В Москве группа НТР поселилась в гостинице «Пекин» – половина отеля обслуживала нужды комитета, поэтому «забронированные звонком из Баку» номера на пятом этаже уже ждали «ходовков с Кавказа». Переночевали и к согласованному из Баку (звонком из республиканского Госкомитета) полудню отправились (чёрную «Волгу» выделили коллеги с Лубянки) на улицу Неждановой – в Госкомитет всесоюзный.

Джермен Михайлович проявил радушие – в приёмной «ходовков» держать не стал, секретарша сразу запустила группу в высокий кабинет. На дежурные улыбки «от всей души» и ритуальные восторги «от чистого сердца» ушло минут пять, после чего полковник Эфендиев магическим взмахом рук извлёк из пузатого портфеля коробки с коньяком 50-летней выдержки (нашли раритет в Баку в винно-водочном ведомстве «по особому заказу») и баночки (Теяр насчитал штук десять) с чёрной икрой.

Джермен Гвишиани образу хрестоматийного советского партийно-государственного деятеля, который «плоть от плоти народной, выразитель чаяний рабочих и крестьян» (внук батрака – это ж самый гегемон!), на взгляд Теяра, не соответствовал. «Дорогой, явно из Лондона или Парижа, костюм, тонкий французский парфюм, а главное – взгляд: сановный, барский, сверху вниз – да он, скорее, преуспевающий буржуа, чем радетель о благе народном», – с неприязнью подумал Теяр о «философе и социологе, члене КПСС с 1951 года».

– Ну, в чём нужда, дорогие земляки? – вальяжно спросил наконец о главном у полковника Эфендиева советский элитарий.

Начальник группы НТР уложился в две минуты, Джермен Михайлович хохотнул, снял трубку, в пять секунд решил вопрос, кинул взгляд на большие напольные часы, тикающие в углу, и развёл руками: извините, дорогие земляки, труды праведные зовут!

Закрылась дверь за «ходоками» – и забыл о «земляках» Джермен. В кресле устроился, бутылку гянджинского раритета на свет рассматривать стал, этикетку коньячную изучать – и размышлять об архиважном и весьма перспективном, о чём с «дорогим другом» Аурелио Печчеи¹ предварительно договорился: о строительстве в СССР итальянским концерном «Фиат» автогиганта! Деньги (советские), перспективы (итальянские – и вообще...) – сумасшедшие! Но есть проблема: Хрущ, не возражая против сотрудничества с концернами Запада, хочет, свинопас хренов, чтобы контракт получили французы! «Рено» ему, видишь ли, подавай! Ну да, да, президент Франции генерал де Голль пошёл на сближение с Советским Союзом, «Рено» в контекст геополитический и «встраивается!» «Вот Печчеи и беспокоится, в глаза при встречах заглядывает – как там, в Кремле, благоволят к «Фиату» или к конкурентам грёбаным – к «Рено»?! Нос морщит, зубы вставные скалит, напоминает: мы же договорились, дорогой Джермен! Ничего, Аурелио, ничего, подожди немного, скоро убежёт Хрущ, тогда и контракт с «Фиатом» подпишем², и дела великие начнём!» – сопел Гвишиани-младший, глаз злой на портрет «вождя» на стене шурил.

В коридоре Госкомитета, шагая следом за начальством, Теяр гнал от себя мысли крамольные, но те, упрямые, возвращались: «Джермен «уважаемый и высокопоставленный» (вспомнились наставления полковника Эфендиева) потому, что велик умом, могуч познаниями, славен делами? Или потому, что зять второго человека в правительстве СССР? Вообще-то философ – это специалист, далёкий от проблем технических и естественнонаучных. Как же он может решать, что сегодня в науке и технике приоритет, а что нет? Да-а, в школе «Горе от ума» цитировали: «Ну как не порадеть родному человечку?», выводы далеко идущие делали: вот он каков, проклятый, бесчеловечный царизм-капитализм! Такой, несправедливый и порочный, и снести до основания не жалко! И что?! Царя скинули, шустрые батраки стали генералами, а пропасть между теми, кто почитает себя элитой, и теми, кто «простой народ», как была, так и осталась! Всё вернулось на круги своя! Одно поменялось – элита! Вот уж, поистине, кто был ничем, тот стал всем!»

– Абасов, поторопись! Опаздываем! – строго приказал полковник Эфендиев отставшему-задумавшемуся Теяру и кинул взгляд на часы: в Баку полковник Гусейнов ждал отчёта победного о «выбитой финансовой квоте». Яснее ясного – надо спешить в «Пекин», к телефону, радовать начальство!

Глава девятая. Загадочный мистер Браун

В конце мая Паша Пашаевич вылетел в Лондон – на научную конференцию. Визит на три дня – срок вполне достаточный, чтобы и самому выступить с докладом о достижениях учёных Азербайджана, и «просьбу» группы НТР выполнить – войти в контакт с «потенциальным источником информации» – мистером Брауном (постоянный член оргкомитетов большинства нефтяных форумов, проводимых «в странах капитала»). На конференции в Лондоне, как подтвердили коллеги из британской резидентуры ПГУ, Браун обязательно будет присутствовать, его выступление на форуме программой не предусмотрено, значит, послушает других.

¹ Аурелио Печчеи (1908–1984) – итальянский учёный, предприниматель, общественный деятель, основатель и президент Римского клуба.

² 15 августа 1966 года в Москве глава «Фиата» Джанни Аньелли подписал с министром автомобильной промышленности СССР А.М.Тарасовым контракт на строительство в городе Тольятти автозавода с полным производственным циклом. По контракту «Фиат» обеспечил технологическое оснащение завода и обучение специалистов.

Узнав эту новость, полковник Эфендиев отправился в президиум академии наставлять «эмиссара». Инструкции от начгруппы НТР Паша Пашаевич получил просто великолепные. Во-первых, в Лондоне проявлять предельную осторожность! О странной смерти в Хьюстоне «эмиссара №1» начальник группы НТР не упомянул ни единым словом. Оно и понятно: весть печальная, энтузиазм «эмиссарский» остужающая. Да и в «академических кругах», хотя запущена версия официальная – «несчастный случай», интеллектуалы глаза закатывают, шепчут (в «курилках» и коридорах) многозначительно: «Без ЦРУ не обошлось!» Деморализуют, одним словом. Зачем же керосин в огонь добавлять, намекая на некие ошибки, допущенные в Хьюстоне покойным Агазаде?! Во-вторых, на самой конференции – никакой активности! Вокруг участников наверняка будут крутиться парни из британской контрразведки МИ-5 и резидентуры ЦРУ! Поэтому первый контакт с «источником» должен произойти «случайно» и в таком месте, где появление британских, ну и американских контрразведчиков маловероятно.

«Инструкции – отличные. Только где оно, то тихое, безопасное, располагающее к душевной близости с Брауном, местечко?» – взгрустнул Паша Пашаевич, поразмыслил и решил, что строить схемы «вхождения в контакт» с источником не будет, а положится на случай: повезёт – хорошо, не повезёт – ну и ладно. Положил в багаж фотографии промыслов Баку (начало века, раритеты!) и Нефтяных Камней (панорамы-ракурсы согласованы с КГБ) и отбыл в Лондон.

На конференции Паша Пашаевич, следуя поговорке, показал себя, посмотрел на других, приметив «по ходу смотрин» «в научном сообществе» с десятком личностей, подпадающих под фразеологическое определение «рыцари плаща и кинжала». От мистера Брауна, следуя инструкции, держался подальше – и терпеливо, точно кот перед мышиной норой, ждал «счастливого случая».

Удача, словно капризная дама, пришла неожиданно – на третий день. После утреннего кофе-брейка Паша Пашаевич приметил цепким глазом: мистер Браун повернулся к конференц-залу спиной и степенно зашагал к выходу. На улице взял такси, и тонкий слух «эмиссара» (Паша Пашаевич, «как учили» в Баку, на мистера Брауна не смотрел, внимания к его персоне не проявлял ни малейшего, а так, скользил «параллельным курсом по своим делам») уловил дивные слова: «В Британский музей, пожалуйста!»

Паша Пашаевич сел в автобус (красный, двухэтажный – традиция!), проехал три остановки, вышел около гигантского маркета (куда ехать и где соскакивать, узнал из путеводителя), зашагал к входу в «товарный рай». В сознании озорно мелькнуло: «Если за мной крадётся контрразведка, у топтунов должен сработать стереотип: советикус отправился за шмотками!»

Гигант гудел и зазывал, и затеряться в толпе шопингующих было не трудно. На товары Паша Пашаевич старался не смотреть (коварное искушение, отвлекающее от «дела»!), на пятки лондонцев не наступать (всё по инструкции: серость, безликость, «невесомость» со стремлением к идеалу – «человеку-невидимке») – академик интересовал лишь второй выход из железобетонного «рая».

Нашёл быстро, вышел стремительно, прошёлся по улице, заскочил в будку телефона-автомата, притаился в ожидании – «хвостов» вроде нет? Раз нет, взял такси – и в Британский музей!

Допуск в читальный зал Британского музея, Паша Пашаевич узнал заранее, только для профессиональных исследователей, гость из Азербайджана как раз из этой категории, и документы на языке английском на сей счёт имеются. Хотя кто их знает, этих британцев: начнут придирааться к визитёру из СССР, искать предлоги, чтобы отказать...

Не отказали – и Паша Пашаевич, испытывая нечто, подобное «священному трепету» («В этом зале работали Маркс, Ленин!», других великих, набравшихся в Британском музее чужих мыслей, чтобы, опираясь на плечи гигантов, осчастливить мир парой-другой мудрых откровений, академик не припомнил – не до того было), «вошёл под исторические своды».

Заказав меланхоличной сотруднице несколько специальных нефтяных журналов, Паша Пашаевич двинул по проходу между столами, выискивая «объект». Мистер Браун сидел в центре зала, у окна, шелестел страницами фолианта, иногда что-то чиркал в пухленький блокнот.

Стол в соседнем ряду оказался свободен. Паша Пашаевич решил, что это добрый знак, устроился на стуле поудобнее, достал из портфеля «приманку» – запасённые в Баку фотографии, стал выжидать, когда Браун, давая отдых глазам, оторвёт взгляд от фолианта.

Минут через двадцать план сработал: Браун устало откинулся на спинку стула, Паша Пашаевич «случайно» кинул взгляд на соседа, «узнал коллегу», заулыбался, приветливо кивнул. Браун ответил «зеркально», Паша Пашаевич «случайно» задел локтем стопку фотографий, и те, словно карты из колоды, легли интригующим веером.

Простенькая «домашняя» уловка, к удивлению академика, сработала: «объект» вдруг потянулся к фотографиям. Паша Пашаевич, моля Аллаха о милости, проявил любезность, протянул соседу пачку, в сознании – приятное, лёгкое, пьянящее, словно шампанское: «Есть контакт!»

Минут через десять Паша Пашаевич сидел уже рядом с Брауном, тихо, чтобы не мешать высоколобым посетителям читального зала, шептал «комментарии» к снимкам. Боковым зрением академик заметил вдруг странное волнение, испытанное Брауном, так, ничего особенного: лёгкий тремор мизинца левой руки, моргнувшее раз, другой и третий веко.

«Реакция на Нефтяные Камни – спокойная, а как взял в руки Биби-Эйбатские промыслы в 1918 году – заискрило... – напрягся Паша Пашаевич. – Хотя, наверное, показалось... Да, конечно, показалось... И всё же, всё же, всё же...»

– Я вам немного завидую! Вы, вероятно, можете посетить и это удивительное месторождение – я имею в виду Нефтяные Камни, и эти славные места, – произнёс вдруг «объект» и мизинцем двинул фотографию с нефтяной вышкой Биби-Эйбата.

Паша Пашаевич выпрямил спину, облизнул вдруг пересохшие губы – отвечать надо быстро и точно, «инструкций по ситуации» в Баку не дали, вот и принимай решение под личную ответственность.

– Я приехал в Лондон, что мешает вам посетить Баку? Приедете – будете моим гостем, и я постараюсь ответить любезностью на любезность... – витиевато бормотнул Паша Пашаевич (плана в голове нет, что делать дальше – непонятно: всё произошло так неожиданно и стремительно, эх, хотя бы минут пять на размышление!).

Браун, неожиданно для академика, «пришёл на помощь»:

– Если бы не «железный занавес», дорогой коллега, я с удовольствием принял бы ваше приглашение!

Паша Пашаевич нахмурил брови, изобразил работу мысли и доверительно шепнул:

– Я постараюсь вам помочь! Получится – увидите Баку воочию, а если... – академик развёл руками, изображая искреннюю печаль, и, словно опытный драматург, завершил спектакль патетическим: – Будем оптимистами! А фотографии... – они ваши!

Деловито договорились о будущей – на очередной конференции – встрече. Браун, заглянув в блокнот, решил, что произойдёт она здесь же, в Британском музее, восьмого июля, в шестнадцать часов плюс-минус пятнадцать минут.

«Выполнив миссию», Паша Пашаевич с час полистал журналы («для конспирации» – мозг был перевозбуждён и плодотворно приобщаться к зарубежной научной мысли категорически отказывался), на прощание пожал мистеру Брауну руку, а когда «объект разработки» покинул читальный зал, засобиравшись и сам.

Браун остановил такси, назвал адрес отеля. «Кажется, только что произошёл тот самый случай, о вероятности которого говорил мне плешивый тип из Лэнгли, – пронеслось в сознании Ричарда. – Что он мне тогда сказал? «Если русские попытаются войти с вами в доверительный контакт, реагируйте спокойно, внимательно выслушайте их предложения, ни от чего не отказывайтесь – и сразу сообщите мне!» И дал визитку. Кажется, я оставил её в Хьюстоне...»

Вернувшись в Баку, Паша Пашаевич первым делом зашёл в президиум академии, заглянул в кабинет к помощнику президента и коротко рассказал полковнику Эфендиеву о состоявшемся в Лондоне контакте «с потенциальным источником».

– Мне показалось, что Браун не прочь оказаться в Баку, – раздумчиво резюмировал академик отчёт о лондонском вояже. – Сдаётся мне, что с промыслами Биби-Эйбата американца что-то связывает, что-то из прошлой жизни...

И, поймав удивлённый взгляд полковника, поспешно добавил:

– Это всего лишь версия, базирующаяся на моих личных ощущениях.

Академик слетал на Альбион вроде бы удачно, но в заявленном позитиве было нечто, расстройком не объяснимое, смущающее начальника группы НТР. Эфендиев полил цветок на подоконнике, покачал головой и отправился в комитет – докладывать об итогах визита «эмиссара» в Лондон.

В кабинете начальника разведотдела собралась вся группа НТР. Полковник Эфендиев доложил нач-1 «о достигнутом в Лондоне» – это было нетрудно. И после паузы (может быть, начальник о чём-нибудь спросит или сразу даст руководящее указание, но полковник Гусейнов лишь недовольно хмурил брови и молчал) перешёл к главному – к ответу на вопрос: «А дальше-то что делать?»

– Академику за границей склонить Брауна к сотрудничеству вряд ли удастся. Да и риск оказаться в разработке у ЦРУ или МИ-5 в этом случае для Паши Пашаевича немалый. Перспективнее, на наш взгляд, визит Брауна в Баку. Здесь, на своём, так сказать, поле, да общими усилиями, да ничем особо не рискуя...

У Теяра мелькнуло: «Другого плана у нас всё равно нет, поэтому либо одобрение начальством единственного оперативного варианта – и тогда «колёсики начинают вертеться», а там, глядишь, «кривая и вывезет», либо неодобрение, и тогда непонятно, что дальше-то делать».

Нач-1, поразмышляв минут пять, глубокомысленно изрёк:

– Нельзя приготовить омлет, не разбив яйца, – и одобрил предложение группы НТР.

Оперативный план составили быстро: диктовал нач-1, записывал Теяр, полковник Эфендиев и майор Бабаев согласно кивали. Некоторые сомнения возникли по «ранжированию вербовочных приоритетов», но и с «механикой процесса» определились быстро: если Браун окажется в Баку, документы от него надо постараться получить «на идейной основе». Запасной вариант – подкуп. Прикинули, оценили, выходило, что за чертежи американцу можно предложить миллион, а то и поболее, долларов. От запасного все взгрустнули. Получить в Центре «на оперативные расходы» инвалютный миллион, во-первых, не просто: надо доказывать, мотивировать, одним словом, полностью – «с именами, явками, паролями» – «раскрыть карты». Во-вторых, если «оперативный нал» придёт в Баку из Москвы (а из каких иных источ-

ников он ещё может появиться?!), то и добытая (если повезёт!) группой НТР ценнейшая научно-техническая информация окажется в Ясенево. Это закономерно: «кто платит, тот девушку и танцует». «Конечно, делаем общее дело, но для Азербайджана лучше, если документация попадёт в «Гипроморнефтегаз», – мелькнуло у всех четверых, собравшихся в кабинете начальника разведотдела. Ну и, наконец, вариант нежелательный: шантаж, который на Брауна, может стать, и не подействует. Хотя – «на всякий случай» – компрометирующие материалы на американца, как появится тот в Баку, собрать не помешает...

В июле Паша Пашаевич улетел в Лондон («квоту» вновь обеспечил Гвишиани-младший) – на очередную конференцию. Как и в мае, Браун на третий день форума после кофе-брейка отправился в Британский музей, ну а Паша Пашаевич сделал это на часик раньше. Для начала, выполняя комитетские инструкции (прежде всего – оторваться от вероятных «хвостов!»), отправился на такси к Букингемскому дворцу. Прошёл перед воротами, через прутья решётки сфотографировал красно-мундирных гвардейцев в высоких медвежьих шапках. Потом ловко смешался с толпой японцев («Жаль, самураи низкорослые – уходить приходится на полусогнутых!») – и бочком-бочком на автобус. Сошёл за две остановки до музея, ловко, не без удовольствия, с азартом попетлял по улицам-переулкам. Притомился изрядно, но от топтунов за спиной, если те и взяли на конференции его след горячий, вроде как оторвался.

В читальном зале, подсев за столик к Брауну, академик (улыбка широкая, добрая) бодро поведал американцу, что обо всём с «нужными и влиятельными людьми» договорился!

– Вы, мистер Браун, окажетесь в Баку, но никаких отметок в ваших документах о пересечении «железного занавеса» не будет! Эту деликатную сторону вашего вояжа я беру на себя! Под мои личные гарантии! (Слова о гарантиях, конечно, так, фразеология, но как без неё?!) Единственное, что вам нужно сделать – оказаться в августе в Чехословакии. Понимаю, Чехия – тоже за «железным», но в Карловы Вары, на курорт, за водой целебной, если состояние здоровья требует, наверное, можно?..

Браун усмехнулся и кивнул:

– Чего не сделаешь ради здоровья! Тем более что Карловы Вары – это Карлсбад, бывшая Австро-Венгрия...

«Исторический экскурс» американца академик пропустил мимо ушей, сосредоточившись на деталях плана. Минут за десять согласовали дату и место встречи (Браун оказался педантом, да ещё въедливым, пришлось сказать ему больше, чем разрешили в комитете), пожали руки и расстались.

«Как-то неожиданно легко он согласился...» – не испытывая радости от достигнутого «оперативного успеха», размышлял Паша Пашаевич, степенно шагая к выходу из читального зала и «затылком чувствуя» пристальный взгляд «объекта».

«Сандерс был бы доволен...» – подумал Браун, провожая взглядом «темперamentного коллегу из СССР», и захлопнул библиотечный фолиант: прошёл, прошёл рабочей настрой...

«Или субъекта?» – злая и неожиданная мысль опалила на выходе из Британского музея мозг академика. Паша Пашаевич качнулся, опёрся на поручень: ледяное щупальце, сжавшее его горло, давило, не отпускало, не давало дышать.

Окончание следует
